

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 Том 4 № 3

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курyleв Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курyleв Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследования Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2021 г., следующий:

№ 4 2021	Политика Китая на пространстве СНГ	До 15 мая 2021 г.
№ 5 2021	Номер не тематический	До 15 июня 2021 г.
№ 6 2021	Влияние пандемии COVID-19 на развитие государств постсоветского пространства	До 1 июля 2021 г.
№ 7 2021	Номер не тематический	До 1 октября 2021 г.
№ 8 2021	Экологические проблемы на постсоветском пространстве	До 1 декабря 2021 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2021

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2021 VOLUME 4 No. 3

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar.
Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 4 2021	China's policy in the CIS area	Until May 15, 2021
№ 5 2021	Non-thematic issue	Until June 15, 2021
№ 6 2021	Impact of the COVID-19 pandemic on the development of the Post-Soviet states	Until July 1, 2021
№ 7 2021	Non-thematic issue	Until October 1, 2021
№ 8 2021	Environmental problems in the Post-Soviet area	Until December 1, 2021

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

УКРАИНА В ПОСТКОВИДНОМ МИРЕ

- Жильцов С.С.** Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский.....189
- Петро Н.** Взгляд за пределы нынешней трагедии в Украине.....199
- Малышев Д.В.** Основные аспекты российско-украинских отношений в 2021 г.: состояние и перспективы.....202
- Kurylev K.P., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Smolik N.G.** Quantative analysis of Ukraine's voting in the UN (1992—2017) (Курылев К.П., Ивкина Н.В., Никулин М.А., Смолик Н.Г. Количественный анализ голосования Украины в ООН (1992-2017 гг.)).....208
- Аватков В.А.** Геополитическое измерение турецко-украинских отношений219
- Чмырева В.А.** Украина, Турция, Великобритания: контуры сотрудничества, риски и возможности для России226

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

- Шнейдер В.М.** Украина и конфликт в Нагорном Карабахе.....234
- Перинчек М.** Крымский и кипрский вопросы: единый фронт турецко-российского сотрудничества.....242

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- 7 лет после Евромайдана: уроки для Украины. Интервью с **Николаем Петро** университет Род-Айленда, США, университет Болоньи, Италия.....246

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН СНГ

- Simons G.** Belarus 2020: The Strategic Logic of Regime Change in the New Cold War (Симонс Г. Беларусь 2020: Стратегическая логика смены режима в новой Холодной войне.....250

ПРОБА ПЕРА

- Ильичев А.В.** Ядерная энергетика Украины: история, современное состояние и перспективы.....260

Contents

THEMATIC DOSSIER:

UKRAINE IN THE POST-COVID WORLD

- Zhiltsov S.S.** Ukraine's foreign policy: where is V. Zelensky leading the country?.....189
- Petro N.** Looking Beyond the Current Tragedy in Ukraine.....199
- Malyshev D.V.** The main aspects of Russian-Ukrainian relations in 2021: current state and prospects.....202
- Kurylev K.P., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Smolik N.G.** Quantative analysis of Ukraine's voting in the UN (1992—2017).....208
- Avatkov V.A.** Geopolitical Dimension of Turkish-Ukrainian Relations.....219
- Chmyreva V.A.** Ukraine, Turkey, Britain: Contours of Interaction, Challenges and Opportunities for Russia.....226

CONFLICT POTENTIAL

- Shneyder V.M.** Ukraine and Nagorno-Karabakh conflict.....234
- Perinçek M.** Crimean and Cypriot issues: a united front of Turkish-Russian cooperation242

SCIENTIFIC SCHOOLS

- 7 years after Euromaidan: lessons for Ukraine. Interview with **Dr. Nikolai N. Petro**, University of Rhode Island, USA, University of Bologna, Italy.....246

FOREIGN POLICY OF CIS

- Simons G.** Belarus 2020: The Strategic Logic of Regime Change in the New Cold War.....250

FIRST STEPS

- Ilyichev A.V.** Nuclear Energy of Ukraine: History, Current State and Prospects.....260

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
УКРАИНА В ПОСТКОВИДНОМ МИРЕ**

**THEMATIC DOSSIER:
UKRAINE IN THE POST-COVID WORLD**

Научная статья / Research article

Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский

С. С. Жильцов

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России», Москва, Россия
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4898-2627>, serg.serg56@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается внешняя политика Украины, которая реализуется Владимиром Зеленским после победы на выборах президента в 2019 году. Новый президент Украины пришел к власти на волне ряда предвыборных обещаний, одним из которых было улучшить отношение с Россией. Однако на практике украинский президент продолжил внешнюю политику, которая сформировалась в период руководства страной Петром Порошенко. В. Зеленский стал реализовывать внешнеполитический курс, который направлен на расширение сотрудничества с ЕС и вступление в НАТО. В этом контексте в последние годы на Украине был принят ряд ключевых документов, которые определили евроатлантическую направленность внешней политики. Подходы к осуществлению внешней политики в значительной мере формируются под влиянием внутренних факторов. Доминирование в структурах исполнительной и законодательной власти сторонников евроинтеграции и вступления страны в НАТО определяют приоритеты внешней политики. Большое влияние на выработку и реализацию внешней политики Украины оказывают внерегиональные государства. Большое влияние оказывают США и ЕС. Для этого они используют многосторонние и двусторонние механизмы влияния, кредиты международных финансовых организаций. В заключение делается вывод, что в краткосрочной перспективе внешняя политика Украине не претерпит изменений.

Ключевые слова: Украина, внешняя политика, НАТО, ЕС, США.

Для цитирования: Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский. Постсоветские исследования. 2021;4(3):189–198.

Ukraine's foreign policy: where is V. Zelensky leading the country?

Sergey S. Zhiltsov

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4898-2627>, serg.serg56@mail.ru*

Abstract. The article examines Ukraine's foreign policy as implemented by Volodymyr Zelensky after winning the 2019 presidential election. Ukraine's president came to power on the wave of several election promises, one of which was to improve relations with Russia. In practice, however, the Ukrainian president continued the foreign policy that was formulated by Petro Poroshenko. Zelensky began to pursue a foreign policy course, which was aimed at expanding cooperation with the EU and joining NATO. In this context, a few key documents have been adopted in Ukraine in recent years, which defined the Euro-Atlantic orientation of Ukraine's. Approaches to the implementation of foreign policy are largely formed by internal factors. The dominance of supporters of European integration and the country's accession to NATO in the structures of executive and legislative power predetermine the priorities of the foreign policy. Extra-regional states have a great influence on the

development and implementation of Ukrainian foreign policy. The U.S. and the EU have a great influence. For this purpose, they use multilateral and bilateral mechanisms of influence, loans from international financial organizations. The article concludes that in the short-term Ukraine's foreign policy will not undergo any changes.

Keywords: Ukraine, foreign policy, NATO, EU, US.

For citation: Zhiltsov S. S. Ukraine's foreign policy: where is V. Zelensky leading the country? *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(3):189–198. (In Russ.)

Обзор литературы

Проблемам внешней политики Украины посвящены многочисленные монографические работы. В них раскрываются различные аспекты внешнеполитического курса Украины с момента обретения независимости. Импульс к осмыслению внешней политики Украины дали события 2004 года, так называемая «оранжевая революция». Среди российских авторов, которые исследовали внешнюю политику Украины, следует выделить работы Кара-Мурзы С.Г. [Кара-Мурза 2007: 528], Жильцова С.С. [Жильцов 2009: 464]. В последние годы в РУДН вышла работа коллектива авторов, посвященная внешней политике стран СНГ, в том числе, Украины [Дегтерев, Курьлев 2017], [Курьлев 2014].

Много работ было выпущено украинскими авторами. Среди них следует выделить Гальчинского А.С. [Гальчинский 2005: 368], Гриневецкого С.Р. [Гриневецкий 2008: 48], Карасева В.Ю. [Карасев 2005: 656], Кучму Л.Д. [Кучма 2007: 688], Симоненко П.Н. [Симоненко 2007: 512]. В монографиях исследуются различные аспекты внешней политики Украины на разных этапах ее развития, выявлены внутренние и внешние факторы, которые оказывали влияние на ее формирование и последующую реализацию.

Введение

Владимир Зеленский? до избрания на пост президента Украины, декларировал готовность изменить внешнюю политику, которую проводил Петр Порошенко. С 2014 до 2019 г. внешняя политика Украины приобрела откровенно антироссийский и прозападный курс. В начале 2019 г., когда П. Порошенко еще был президентом, Верховная рада приняла изменения в Основной закон страны, отразив в нем новые внешнеполити-

ческие приоритеты Украины. В Конституцию Украины были внесены положения, которые ставили задачу по вхождению в ЕС и достижение членства НАТО¹. Кандидат в президенты В. Зеленский заявил о готовности внести серьезные изменения во внешнюю политику. Речь шла об улучшении отношений с Россией, а во внутренней политике В. Зеленский обещал урегулировать конфликт на Донбассе.

Время упущенных возможностей

На выборах президента В. Зеленский получил поддержку 75% населения. Подобный уровень поддержки открыл перед новым главой государства возможности внести кардинальные изменения во внутреннюю и внешнюю политику. Однако В. Зеленский изначально не планировал менять внешнеполитический курс, фактически продолжив политику П. Порошенко. Последующие шаги В. Зеленского во внешней политике подтвердили приверженность В. Зеленского внешнеполитическим приоритетам, в основе которых лежала антироссийская политика.

Предвыборная риторика о необходимости улучшения российско-украинских отношений оказалась не более чем предвыборным шагом. Население поверило в обещания В. Зеленского, что обеспечило ему победу на выборах президента. После прихода к власти, предвыборные обещания уступили место жестким заявлениям в отношении России. Новый глава государства продолжил курс на евроинтеграцию, пошел на расширение сотрудничества с западными международными финансовыми организациями и НАТО.

Внутриполитическое измерение внешней политики

Помимо отсутствия планов по изменению внешней политики в отношении России,

¹ Рада включила в Конституцию курс на членство в ЕС и НАТО. 2019. 7 февраля // LB.ua. – URL: https://rus.lb.ua/news/2019/02/07/419108_rada_vklyuchi

[la_konstitutsiyu_kurs.html](#) (дата обращения: 24.11.2020)

на позиции В. Зеленского большое влияние оказала внутренняя расстановка сил. После избрания В. Зеленский столкнулся с мощным противодействием со стороны националистических сил, которые не поддерживали нормализацию российско-украинских отношений и тем более урегулирование конфликта на Донбассе на основе Минских соглашений. Они обвиняли в конфликте Россию и выступали против любого сближения двух стран.

Кроме того, украинские власти: президент, правительство и парламент отдавали отчет, что Минские соглашения, подписанные П. Порошенко, невозможно было выполнить без серьезных политических последствий. Предоставление Донбассу особого статуса как это было заложено в положениях Минских соглашений, могло спровоцировать усиление региональных элит. Они были заинтересованы в расширении своих полномочий и перераспределении финансовых потоков. Несмотря на унитарный характер украинского государства, региональные элиты были заинтересованы изменить характер отношений с Киевом. В этом случае вновь возник бы вопрос о федерализации страны. В. Зеленский предпочел не вступать в конфликт с националистическими силами.

В тоже время, президент не мог отказаться от Минских соглашений¹. В 2015 г. украинская сторона подписала данный документ, который определил последовательность урегулирования конфликта на Донбассе. Данной позиции придерживались Россия и западные страны, настаивая на выполнении пунктов подписанного ранее документа. Соответственно, президенту было необходимо демонстрировать готовность к урегулированию конфликта на основе Минских соглашений. Тем не менее, Киев предлагал пересмотреть положения Минских соглашений. В качестве аргумента Киев приводил альтернативные планы по урегулирова-

нию конфликта на Донбассе. Так, министерство Украины по вопросам реинтеграции Крыма и Донбасса ссылалось на законопроект, который предполагал решить конфликт в течении 25 лет. Все инициативы официального Киева были направлены на то, чтобы Донбасс оставался в составе Украины в рамках унитарного государства. Соответственно, его статус должно было определять законодательство, характерное для унитарного государства. Другое предложение Киева сводилось к тому, чтобы установить контроль над российско-украинской границей, что противоречило положениям Минских соглашений. Украинская сторона считала, что контроль над границей должен быть установлен до 2025 г. В феврале 2021 г. подобная задача нашла отражение в программе управления государственными границами (до 2025 г.)². Наконец, Киев относился к населению, проживающему на неподконтрольных территориях, в качестве людей «второго» сорта.

В апреле 2021 г. украинский президент выступил с предложением изменить формат решения конфликта на Донбассе. В. Зеленский предложил «обновить переговорный процесс, сделав его более гибким»³.

Электоральный цикл определил внешнеполитические предпочтения

Внешняя политика, реализуемая Украиной в последнее десятилетие, была тесно связана с расстановкой политических сил внутри страны. Этот фактор оказывал свое влияние и до 2014 г. Однако после государственного переворота в феврале 2014 г., расстановка сил на Украине кардинально изменилась. Вместе с этим, изменилась и внешняя политика.

В 2014-2019 гг. на Украине укрепили свои позиции радикальные националистические силы. Во внешней политике они выступали за расширение сотрудничества с западными странами и проводили антироссийскую политику.

¹ Полный текст Минских соглашений. 2015. 12 февраля. <https://ria.ru/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 17.02.2021)

² Кабмин Украины планирует восстановить контроль над границей с РФ в Донбассе до 2025 года. 2021. 24 февраля. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10772233> (дата обращения: 26.03.2021)

³ Зеленский призвал создать новый переговорный формат по Донбассу. 2021. 27 апреля. <https://easaily.com/ru/news/2021/04/27/zelenskiy-prizval-sozdat-novyy-peregovornyy-format-po-donbassu> (дата обращения: 27.04.2021)

Выборы президента, которые прошли в 2019 г. и последовавший затем приход к власти В. Зеленского дали старт новому электоральному циклу. Президент В. Зеленский, который пришел к власти благодаря предвыборным обещаниям изменить внешнюю и внутреннюю политику, запустил процесс проведения досрочных выборов в Верховную раду. Они прошли летом 2019 г. По итогам досрочных выборов в Верховную раду пропрезидентская сила «Слуга народа» получила поддержку, которая позволила сформировать большинство только на основе одной фракции. Такой уровень поддержки партии удалось получить благодаря высокому рейтингу президента. Однако несмотря на высокий запрос на изменение внешней политики, президент и его политическая сила не изменили внешнюю политику. Более того, позиции фракции «Слуга народа» стали сближаться с подходами, которые отстаивали и политические партии «Батьковщина» и «Европейская солидарность». Для них было характерно: проведение проевропейского курса и антироссийская риторика. Данные политические силы также выступали за поддержку курса на обострение отношений с Россией и расширение сотрудничества с ЕС, США и НАТО. Наконец, на позиции партии «Слуга народа» большое влияние оказывали непарламентские силы, которые в основном были представлены радикальными националистами.

В октябре 2020 г. на Украине прошли выборы в местные органы власти. Они завершили электоральный цикл, в ходе которого ранее был избран президент и Верховная рада. Итогом данного цикла стало сохранение в структурах исполнительной и законодательной власти, а также на местном уровне представителей националистических сил, которые поддерживали проведение антироссийского курса.

Одним из главных итогов выборов в местные органы власти стал низкий уровень поддержки пропрезидентской партии «Слуга народа». Это было связано с разочарованием населения политикой украинского президента и его партии. В результате электорат отказал в поддержке партии «Слуга народа»,

отдав свои голоса другим политическим силам. В итоге, в большинстве областных и городских советов «Слуга народа» могла создать фракции, которые не позволяли выступать инициаторами создания парламентского большинства. Низкий уровень поддержки на региональном уровне негативно сказался на позициях украинского президента.

Новой тенденцией на Украине стало расширение числа сторонников курса на евроатлантическую интеграцию на региональном уровне. Это затронуло практически все области. До 2014 г. Украина разделялась на регионы, в которых политические элиты поддерживали курс на европейскую интеграцию, и области, которые, в которых элиты и население выступали за сохранение тесных экономических и культурных отношений с Россией. Начиная с 2014 г. практически во всех регионах Украины у власти находились политические силы, которые выступали за евроинтеграцию. Проводимая Киевом и региональными элитами информационная политика, направленная на негативное позиционирование России и ее политики, дали свои результаты. Это показали выборы 2020 г. Они зафиксировали сохранение разных политических предпочтений в восточных и западных областях Украины. Например, во многих областях Украины, включая Юго-восток, большое количество голосов получила партия «Европейская солидарность». Партия Петра Порошенко по уровню поддержки обошла радикальные политические силы. Так, партия «Европейская солидарность» получила до трети голосов в западно-украинских регионах, а в среднем по стране – «около 10% в большей части регионов. В целом, «Европейская солидарность» прошла во все областные советы, что позволило ей позиционировать себя в качестве всеукраинской политической силы. Число голосов, полученных на выборах партией бывшего президента Украины, свидетельствовало о наличии значительной части электората, который разделял проевропейский курс и антироссийский вектор внешней политики»¹.

В юго-восточных областях высокий процент голосов избирателей получила партия «Оппозиционная платформа – за жизнь». Она

¹ Жильцов С.С. Украинская политика сместилась в регионы / Независимая газета. 2020. 1 ноября.

https://www.ng.ru/dipkurer/2020-11-01/11_8004_ukraine.html (дата обращения 13.03.2021)

выступала за мирное урегулирование конфликта на Донбассе и улучшение отношений с Россией. Однако поддержка данной политической силы в отдельных регионах не сказалась на общей расстановке сил. Выборы в местные органы власти зафиксировали значительный процент голосов, отданных за «Европейскую солидарность», «Батьковщину» и националистические партии. Это отразило изменения в общественных настроениях на востоке Украины, где возросло число тех, кто не рассматривал Россию в качестве привлекательного партнера и негативно оценивал ее внешнеполитический курс в отношении украинского государства. Присутствие в областных и городских советах Юго-востока представителей партий, стоящих на антироссийских позициях, сохраняет преэминентность во внешней и внутренней политике. В итоге, областные советы, в которых доминируют представители националистических сил, получили возможность навязывать главе государства внешнеполитическую повестку.

Выборы в местные органы власти проходили в условиях возросшего недоверия населения практически ко всем политическим силам. Разочарование украинскими политиками подтвердила низкая явка избирателей. В 2020 г. она составила около 37%. Данные цифры показали отсутствие у избирателей интереса к выборам. Большая часть населения была занята решением социальных проблем, которые обострились в последние годы.

Запад меняет подходы к Украине

На протяжении последних десятилетий на Украине привыкли, что запад сохранял на высоком уровне интерес к происходящим в стране событиям и ее внешней политике. Готовность помогать Киеву трансформировалась в выделение дополнительных финансовых средств и политической поддержке. Однако в последнее время, Запад не так активно стал реагировать на призывы украинских представителей оказать помощь. Так, в первой половине 2021 г. не оправдались расчеты Киева получить новый транш МВФ. В 2020 г. была подписана новая программа и Украина получила 2,1 млрд. долл. В начале 2021

г. украинская сторона инициировала переговоры с МВФ о выделении очередного транша. Однако переговоры завершились безрезультатно. МВФ отказал Киеву, обосновав это отсутствие прогресса в проведении реформ. Это поставило Киев в сложную ситуацию, поскольку Украина была вынуждена самостоятельно решать проблемы в экономике.

В целом политика США и ЕС в отношении Украины претерпела изменения. До последнего времени Запад ставил задачу привести к власти прозападную элиту, которая должна была обеспечить реализацию внешней политики в интересах Вашингтона и Брюсселя. Как показали итоги последнего электорального цикла 2019–2020 гг., эта задача в целом выполнена. Соответственно, у Запада отпала необходимость спешить на помощь Украине из-за опасений, что трудности в экономике создадут условия для смены политической элиты. После 2014 г. на Украине отсутствовали дискуссии относительно обоснованности внешнеполитического выбора, а в стране не было политических сил, которые бы имели реальные возможности для кардинального изменения внешней политики. Соответственно, перед ЕС и США стоит задача лишь поддерживать антироссийскую риторику у официального Киева и контролировать представителей украинской власти.

В тоже время, Запад не отказывался от поддержки Украины. Для этого Запад использовал МВФ, который на протяжении десятилетий выступал основным кредитором Украины. Этот механизм влияния доказал свою эффективность, поскольку позволял влиять на экономическую политику, корректируя ее в соответствии с интересами США и ЕС. Подобная политика не отвечала интересам Украины, которая фактически лишилась самостоятельности во внешней политике. Помимо этого, США оказывают Украине помощь в вопросах безопасности, выделяя для этого финансовые средства. Так, с 2014 г. американская сторона выделила Украине более 2 млрд. долл. на обеспечение безопасности¹. Подобная практика продолжалась в 2021 г. В апреле США приняли законопроект

¹ США выделили Украине с 2014 года более \$2 млрд на обеспечение безопасности. 2021.

<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11054365>
(дата обращения: 16.04.2021)

«О партнерстве с Украиной в сфере безопасности». Документ предусматривает ежегодное выделение Украине 300 млн. долл. в сфере безопасности¹.

Таким образом, ЕС и США сохраняют Украину в орбите своего влияния. При этом современная украинская элита не в состоянии снизить зависимость от Запада, в том числе, из-за неспособности самостоятельно решать внутренние и внешние проблемы.

Усиление зависимости от внешнего фактора и давление радикальных националистических сил, которые по-прежнему имеют сильное влияние в коридорах власти, еще больше ограничили возможности В. Зеленского в решении конфликта на Донбассе и проведении сбалансированной внешней политики.

Для расширения сотрудничества с Западом и привлечения дополнительного внимания США и ЕС, Украина постоянно инициирует так называемую «проблему» Крыма. После вхождения полуострова в состав России, по итогам референдума, который прошел в марте 2014 г., украинская сторона продвигала различные инициативы, направленные на обсуждение путей возвращения Крыма в состав Украины. С этой целью в 2020 году Киев создал «Крымскую платформу». Через подобный формат украинская сторона акцентировала внимание на мнимых проблемах Крыма, убеждая западных партнеров в нарушении прав крымскотатарского населения. Одним из последовательных сторонников Украины по этому вопросу выступала Турция, которая поддерживала политику Киева.

В. Зеленский не изменил политику Украины по Крыму. У официального Киева сохранилась прежняя риторика, неизменной оставалась политика в водной сфере, что побуждало Россию и власти полуострова предпринимать дополнительные усилия по решению социально-экономических вопросов. «Киев

не смог предложить механизмов возвращения полуострова в состав Украины. Различные сценарии, предлагаемые украинской стороной, не отличаются конкретикой. Данная ситуация объясняется отсутствием реального интереса к возвращению Крыма. Для находящихся у власти в Киеве политических сил и Запада, который поддерживает украинскую политику, выгодно сохранение конфликтного потенциала с Россией»².

Отличительными чертами современной внешней политики Украины стало следование Киева в русле интересов Запада. Украинскую политику отличали следующие характерные черты: реализация санкционной политики в отношении России, аналогично политике США в отношении России, инициирование различных предложений, направленных на привлечение внимания внерегиональных стран к внутригосударственным проблемам, участие во внешнеполитических инициативах западных стран в отношении других стран постсоветского пространства. В частности, Украина приняла активное участие в «Люблинском треугольнике», в который также вошли Польша и Литва. Первоначально подобный формат взаимодействия трех государств был создан для оказания влияния на Белоруссию после проведения выборов главы государства в августе 2020 г. Однако затем формат был использован украинской стороной против России. Так, на первом заседании, которое прошло в январе 2021 г., министр иностранных дел Украины Дм. Кулеба отметил важность «противодействия российской дезинформации»³.

Российский фактор в политике Украины.

В последние годы Украина проводит информационную кампанию, которая показывает внешнюю политику России в негативном свете. Обвинения в участии российских военных на Донбассе сменились тезисом о разработанных планах нападения на Украину.

¹ Комитет Сената Конгресса США поддержал законопроект о военной помощи Украине. 2021. 22 апреля. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11213907> (дата обращения: 24.04.2021)

² Жильцов С.С. Зеленский сделал ставку на конфликт с Россией / Независимая газета. 2021. 25 апреля

https://www.ng.ru/dipkurer/2021-04-25/11_8137_ukraine.html (дата обращения: 25.04.2021)

³ Главы МИД Украины, Польши и Литвы проводят первое заседание Люблинского треугольника. 2021. 29 января. <https://interfax.com.ua/news/political/719877.html> (дата обращения: 23.03.2021)

В 2021 г. В. Зеленский стремился убедить западных партнеров в угрозе Украине со стороны России. Более того, украинский президент инициировал обращение к НАТО, добиваясь от Альянса создать условия для принятия в него Украины. Информационная кампания и громкие заявления сопровождалась масштабными военными приготовлениями к военному вторжению со стороны России. Подобная политика В. Зеленского преследовала цель укрепить отношения с Западом, добиться оказания экономической помощи, в том числе со стороны МВФ и наконец, отвлечь внимание населения от сложной социально-экономической ситуации.

При новом украинском президенте в стране была принята «Стратегия национальной безопасности Украины»¹. Соответствующий указ был подписан президентом в сентябре 2020 г. Документ предусматривает укрепление отношений с НАТО и ЕС, которые были определены в качестве ключевых партнеров Украины. В 2021 г. В. Зеленский продолжил курс на расширение сотрудничества с Западом. В марте президент утвердил Стратегию военной безопасности², которая направлена на создание условий интеграции Украины в НАТО. Альянс рассматривается «в качестве ключевого фактора обеспечения безопасности Украины». В соответствии с документом предполагается разработать «дорожную карту» реформ в военной сфере.

Таким образом, украинская внешняя политика демонстрирует преемственность в вопросах сотрудничества с НАТО и ЕС. В. Зеленский не только не провел ревизию внешнеполитического наследия П. Порошенко, но и ввел в действие новые документы, в которых НАТО рассматривается в качестве приоритета внешней политики.

Китайский вектор украинской политики.

При В. Зеленском крутой поворот внешняя политика Украины совершила в отношении Китая. В последнее десятилетие Украина стремилась создать противовес российскому влиянию и уравновесить позиции Запада. Украинско-китайские отношения получили развитие при В. Ющенко, в 2007 г.³ Затем в 2011 г. была подписана Декларация об установлении стратегического партнерства⁴.

Украина была заинтересована привлечь Китай к реализации инфраструктурных проектов, прежде всего, «строительству железных дорог и аэропортов, реконструкции и строительстве предприятий [Гузенкова 2021: 7-56].

Китайский вектор рассматривался Киевом в качестве важного элемента политики диверсификации внешней политики. Украина стремилась снизить зависимость от России, а также создать альтернативу Западу, который активно стремился укрепить свои позиции. Китай считался выгодным партнером, который был заинтересован инвестировать в Украину.

В 2015-2016 гг. Китай вел переговоры с Китаем о расширении сотрудничества. На фоне обострения отношений с Россией, Украина дала китайской стороне приобрести пакет акций компании «Мотор Сич». Компания занималась разработкой авиационных газотурбинных двигателей и промышленных газотурбинных установок, а также их производством и обслуживанием. После 2014 г., Киев перестал поставлять продукцию «Мотор Сич» в Россию. Китайский инвестор проявил интерес к предприятию, которое занималась новыми технологиями, и приобрел пакет акций.

С этого момента политика Украины в отношении Китая носила двойственный характер. С одной стороны, украинская сторона была заинтересована в привлечении китайских инвестиций. Этот интерес усилился на

¹ Указ Президента Украины от 14 сентября 2020 года №392/2020 «О Стратегии национальной безопасности Украины».

<https://president.gov.ua/documents/3922020-35037> (дата обращения: 17.04.2021)

² Указ Президента Украины от 25 марта 2021 года №121/2021 «О стратегии военной безопасности Украины» <https://president.gov.ua/ru/news/prezident-zatverddiv-strategiyu-voyennoyi-bezpeki-ukrayini-67361> (дата обращения: 17.04.2021)

³ Президент Украины провел встречу с вице-премьером Государственного Совета КНР. 2007. 19 апреля // Посольство Китая на Украине. – URL: <http://ua.china-embassy.org/rus/zwgx/t312482.htm> (дата обращения: 14.02.2021)

⁴ Председатель КНР Ху Цзиньтао провел переговоры с президентом Украины В. Януковичем. 2011. 20 июня // Посольство Китая на Украине. – URL: <http://ua.china-embassy.org/rus/zwgx/t832506.htm> (дата обращения: 12.01.2021)

фоне проблем, с которыми сталкивалась украинская экономика. С другой стороны, после приобретения акций компании «Мотор Сич» Украина стала препятствовать Китаю в работе предприятия. Украинская сторона делала это под влиянием США, которые не поддерживали усиление влияния Китая на Украине. Например, в 2017 г. Китай предоставил Украине кредит на поставку зерна. Киев не выполнил свои обязательства, что привело к потерям для китайской стороны. Действия Украины вынудили Китай подать иск и судится «с Украиной по сельскохозяйственным поставкам, где их обманули на 3 млрд. долларов»¹.

Несмотря на двойственную политику украинских властей и противодействие США, с 2019 г. Китай вошел в число основных торговых партнеров Украины. Товарооборот между странами «в 2019 г. составил 12,79 млрд. долл., в 2020 г. достиг 15,4 млрд. долл.»². В итоге Китай стал основным торгово-экономическим партнером Украины³.

Несмотря на рост торговли и расширения присутствия Китая на Украине, Киев предпринимал шаги, которые затрудняли деятельность предприятия «Мотор Сич». В 2020 г. прокуратура Украины арестовывала акции предприятия. В свою очередь, в декабре 2020 г. китайские акционеры «Мотор Сич» инициировали рассмотрение вопроса в Арбитражном суде. Против Украины был подан иск.

В январе 2021 г. украинский президент подписал Указ⁴. Документ ввел в действие решение Совета национальной безопасности и обороны Украины и касался введения санкций в отношении четырех китайских компаний сроком на три года. 11 марта украинский президент подписал новый Указ. Он был принят 11 марта на основе решения Совета

национальной безопасности и обороны «О неотложных мерах по защите национальных интересов государства в сфере авиационных двигателей». Наконец 20 марта украинский суд наложил арест на 100% акций «Мотор Сич», а 24 марта В. Зеленский ввел в действие решение СНБО о национализации предприятия. По оценкам украинского эксперта В. Степанюка, «национализация «Мотор Сич» приведет к катастрофе в экономике»⁵.

Политика В. Зеленского в отношении Китая в последние годы реализовывалась вопреки экономическим интересам Украины. Декларируя заинтересованность в привлечении иностранных инвестиций, в частности, из Китая, украинская сторона усиливала давление на китайских инвесторов.

Политика Украины привела к обострению отношений с Китаем. Однако украинская сторона может испытать последствия своей политики в отношении Китая в долгосрочной перспективе, когда Пекин ограничит поставки украинской продукции. Это нанесет удар по экономике Украины, которая сознательно пошла на сворачивание торгово-экономических отношений с Россией, а в последнее время – с Китаем. При этом, Украина рискует потерять китайский рынок, при том, что не имеет никакой альтернативы. Так, Китай может ввести ограничения на поставки «украинской продукции сельского хозяйства: кукурузы, сои, пшеницы, сахара, а также продукции металлургической промышленности»⁶. Кроме этого, Китай может сократить закупки продукции металлургической промышленности Украины. В итоге, Украина столкнется с новыми проблемами в

¹ Сироткина А. Китай разорит Украину за дружбу с США. 2021. 2 февраля // Yandex. – URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/world/2021/2/2/1082991.html> (дата обращения: 04.02.2021)

² Тихий Ф. Тихое завоевание. Чего Китай хочет от Украины. 2021. 26 января // Украина.ру. – URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20210126/1030349277.html> (дата обращения: 08.02.2021)

³ Украина в 2020 году удвоила экспорт в Китай и на треть сократила импорт из РФ. 2021. 19 февраля // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/business/751816> (дата обращения: 21.02.2021)

⁴ Указ Президента Украины «Про решение Совета национальной безопасности и обороны Украины от 28

января 2021 года» // Официальный сайт президента Украины. – URL: <https://www.president.gov.ua/documents/292021-36389> (дата обращения: 16.02.2021)

⁵ Украинский эксперт: национализация «Мотор Сич» приведет к катастрофе. 2021. 25 марта // EurAsia Daily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/25/ukrainskiy-ekonomist-nacionalizaciya-motor-sich-privedet-k-katastrofe> (дата обращения: 28.03.2021)

⁶ Кармазов В. Китай вводит масштабные санкции против Украины. 2021 5 февраля // New Day News. – URL: <https://newdaynews.ru/crimea/715630.html> (дата обращения: 07.02.2021)

экономике. В 2021 г. Украина должна направить на обслуживание внешнего долга порядка 15,6 млрд. долларов¹.

Заключение.

Политика В. Зеленский ничем не отличается от внешнеполитического курса Петра Порошенко. Как и бывший президент Украины, В. Зеленский пришел к власти на основе популистских обещаний об изменениях внешней политики и готовности решать социально-экономические проблемы. После прихода к власти, В. Зеленский изменил риторику, отказавшись от предвыборных обещаний. В итоге, В. Зеленский не только отказался решать конфликт на Донбассе мирным

путем, но и сделал ставку на обострение отношений с Россией.

Расстановка сил на Украине, влияние внешнего фактора не позволяют ожидать изменение внешнеполитического курса Киева. Соответственно, В. Зеленский в ближайшие годы будет проводить внешнюю политику, направленную на укрепление отношений с США и ЕС, стремится привести страну в НАТО и привлекать внимание Запада к мнимой угрозе со стороны России. Подобная внешнеполитическая линия рассматривается В. Зеленским в качестве оптимального варианта сохранения власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гальчинский А.С.* Помаранчева революция: нова влада. Киев: Лебедь, 2005.
Гриневецкий С.Р. Путь к активному нейтралитету. Киев: Астропринт, 2008.
Гузенкова Т.С., Виноградов А.В., Адександров Д.А., Амелина Я.А., Бахревский А.Е., Ипполитов И.В., Каширин В.Б., Кучеренков А.И., Попов Д.С., Сытин А.И., Тасиц К.И., Тихонова С.В. Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая // Проблемы национальной стратегии. 2012. №1. С. 7-56.
Дегтерев Д.А., Курьлев К.П. Внешняя политика стран СНГ. Москва: Аспект-Пресс, 2017.
Жильцов С.С. Украина. Перегрузка. Москва: Восток – Запад, 2009.
Кара-Мурза С.Г. Революция на экспорт. Киев, 2007.
Карасев В.Ю. Мысль со скоростью революции. Харьков, 2005.
Курьлев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. Москва: РУДН, 2014.
Кучма Л.Д. После майдана: записки президента. 2005–2006. Киев: Довира, 2007.
Симоненко П.Н. Бедные и богатые. Киев: «Адеф-Украина», 2007.

REFERENCES

- Gal'chinskij A.S.* Pomarancheva revolyuciya: nova vlada. Kiev: Lebed', 2005.
Grineveckij S.R. Put' k aktivnomu nejtralitetu. Kiev: Astroprint, 2008.
Guzenkova T.S., Vinogradov A.V., Adeksandrov D.A., Amelina YA.A., Bahrevskij A.E., Ippoli-tov I.V., Kashirin V.B., Kucherenkov A.I., Popov D.S., Sytin A.I., Tasic K.I., Tihonova S.V. Strany SNG i Baltii v global'noj politike Kitaya // Problemy nacional'noj strategii. 2012. №1. S. 7-56.
Degterev D.A., Kurylev K.P. Vneshnyaya politika stran SNG. Moskva: Aspekt-Press, 2017.
Zhil'cov S.S. Ukraina. Perezagruzka. Moskva: Vostok – Zapad, 2009.
Kara-Murza S.G. Revolyuciya na eksport. Kiev, 2007.
Karasev V.YU. Mysl' so skorost'yu revolyucii. Har'kov, 2005.
Kurylev K.P. Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noj sistemy bezopasnosti v Evrope. Moskva: RUDN, 2014.
Kuchma L.D. Posle majdana: zapiski prezidenta. 2005–2006. Kiev: Dovira, 2007.
Simonenko P.N. Bednye i bogatye. Kiev: «Adef-Ukraina», 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии

Дипломатической академии МИД России, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

¹ Долги Украины в 2021: сколько и кому придется отдавать. 2020. 11 ноября // 24tv. – URL: <https://economy.24tv.ua/ru/dolgi-ukrainy-2021-skolko->

dolg-kak-budut-otdat_n1454502 (дата обращения: 18.01.2021)

Sergey S. Zhiltsov, D.Sc. (Political Science), Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic

Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Professor, People's Friendship University of Russia.

Взгляд за пределы нынешней трагедии в Украине¹

Н. Петро

Университет Род-Айленда, США, университет Болоньи, Италия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9834-1708>, npetro@uri.edu

Для цитирования: Петро Н. Взгляд за пределы нынешней трагедии в Украине. Постсоветские исследования. 2021;4(3):199–201.

Looking Beyond the Current Tragedy in Ukraine

Nicolai Petro

University of Rhode Island, USA, university of Bologna, Italy
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9834-1708>, npetro@uri.edu

For citation: Petro N. Looking Beyond the Current Tragedy in Ukraine. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):199–201.

Я рассматриваю кризис в Украине во многом так же, как Фукидид рассматривал Пелопоннесскую войну — как «длительное самоубийство» афинского города-государства [Critchley 2020: 45]. Говоря простыми словами, я определяю трагедию как результат, ставший неизбежным из-за того, что действующие лица неспособны увидеть, как их же собственные действия приводят к тому результату, которого они хотят избежать. Это, разумеется, означает, что если бы акторы осознали данный факт, то трагический круговорот мог бы быть прерван.

Одно из многочисленных ярких проявлений трагедии в современной Украине — ее экономическая политика, которая с 2014 г. была направлена на разрыв всех связей с Россией, причем даже тех, что жизненно важны для благополучия страны. В результате Украина стала самой бедной страной в Европе, где каждый четвертый квалифицированный работник ищет работу за границей, а чистая убыль населения составляет более четверти миллиона человек в год. Хотя эти факты хорошо известны руководству страны, оно отказывается признать, до какой степени его же собственная политика способствовала экономическому и демографическому коллапсу

страны.

В такой слепоте нет ничего необычного. На протяжении всей истории провалы в идеологии маскировались революционным пылом. Значимость трагедии в том, что она срывает маски и выявляет жестокие последствия игнорирования реальности. Как отмечает Р. Уильямс, при этом политический класс вовлекается в происходящие процессы «таким образом, что глубинное неустройство становится очевидным и ужасным, принимая неприкрыто трагические формы. Порядок воссоздается на основе всего опыта переживания этого неустройства и через его конкретное воздействие» [Williams 1966: 66]. Данное высказывание удачно резюмирует всё то, что сейчас переживает Украина. Последствия неустройства, возникшего в 2014–2015 гг., порождают новый порядок, в котором миллионам русскоязычных граждан («других украинцев», как я их называю) больше нет места.

Используя социальный анализ и понятие «трагедия», мы можем пролить свет на два аспекта украинской политики, которые долгое время не давали покоя аналитикам: почему направленные на проведение реформ усилия, предпринимаемые каждым очередным украинским правительством, так быстро сходят на

¹ Выступление Н.Н. Петро на Первой Международной научной конференции «Внешняя политика Украины в постковидном мире: вызовы и возможности», организованной Центром исследований постсоветских стран 2 апреля 2021 г.

нет? И почему политические конфликты с таким постоянством повторяются и проходят по традиционной для страны культурной линии раскола?

Я считаю, что ответы следует искать в трагизме внутренних противоречий в Украине и их цикличности. Это не означает, что другие факторы не играют роли (здесь я конкретно имею в виду российское вмешательство). Просто дело в том, что концентрация внимания на внешних факторах, доходящая до игнорирования факторов внутренних, не поможет разрешить внутренние системные кризисы в Украине. Используя подходы, сосредоточенные на решении одной проблемы (коррупции, борьбы олигархов между собой, вмешательства России, внешнего управления со стороны Запада), можно лечить только симптомы болезни, а не ее первопричины. Классическая греческая трагедия была призвана выявлять и искоренять глубинные причины конфликтов. Это достигалось путем высвобождения эмоций и наступления душевного переворота, известного как катарсис. Конечная цель заключалась в создании более справедливого общества.

Призывы к самоанализу никогда не бывают популярными. Неудивительно, что в поисках более быстрого решения проблем страны многие украинцы обратились к национализму. Однако проблема национализма состоит в том, что он усугубляет трудности на пути достижения социальной гармонии. Это происходит потому, что националисты считают: прежде чем украинскую историю и украинскую идентичность можно будет использовать для строительства нации, они должны быть полностью очищены от русского культурного влияния. Такая попытка провести лоботомию национального сознания Украины неизбежно вызывает сопротивление со стороны тех, кто вырос, считая себя одновременно и русским, и украинцем. Неспособность украинских националистов увидеть это раскручивает трагический круговорот.

В своей трилогии «Орестея» древнегреческий драматург Эсхил предлагает альтернативный подход, в рамках которого устанавливается взаимосвязь между преобразованием личности в духе сострадания и созданием новых социальных институтов. Вследствие таких преобразований бывший Враг может стать участником развития общества, а ложное Правосудие (месть) — уступить место Правосудию истинному (состраданию). В прошлом месяце я подробно рассказывал об этом; ту беседу можно найти на YouTube по адресу: https://lnkd.in/dGT_kCh.

Критики моего подхода могут сказать, что до военного вмешательства России в 2014 году в Украине не было внутренних конфликтов, а, следовательно, не было и трагического круговорота. Такова, разумеется, официальная позиция украинского правительства. Однако, как указывают древнегреческие авторы трагедий, те, кто апеллирует к праведности, полностью упускают из виду суть дела. К трагедии приводят не различия в интерпретации фактов, а стремление к справедливости для себя за счет справедливости для всех, включая Врага. На самом деле это месть, а не справедливость. Для восстановления социальной гармонии общество должно принять концепцию справедливости, приемлемую для всех сторон в конфликте.

А добиться этого украинскому правительству как раз не удалось. Вместо того чтобы действовать, как добрые гении в «Орестее» Эсхила, они действовали как фурии, движимые чувством праведной мести — как против России, так и против своих русскоязычных граждан, которых часто называют «пятой колонной» внутри Украины¹. Это создает постоянную конфронтацию между теми, кого правительство считает «настоящими украинцами», и теми, кого оно таковыми не считает. Его цель (что не раз признавалось) — либо создать русскоязычным украинцам «собственную» идентичность, либо полностью вычеркнуть их. Как

¹ Бывший президент Порошенко часто задавал тон подобным настроениям: «Порошенко рассказал о пятой колонне и атаманине», «Зеркало недели», 22 января 2018 г.; «На лбу не написано», «Факты», 26 марта 2018

г.; «Порошенко: Нам хватит ума и сил, чтобы “пятая колонна” и не думала поднять голову», Gordonua.com, 24 августа 2017 г.

заявил секретарь Совета национальной безопасности и обороны буквально в прошлом месяце, «никакого Донбасса не существует, это очень опасно, когда мы начинаем такие вещи говорить», «это дефиниция, которая нам навязывается Российской Федерацией»¹. Хотя такая политика проводится во имя национального единства, она на самом деле закладывает семена будущего возмездия — следующего витка трагического круговорота.

Чтобы разорвать этот круговорот, «пятой колонне» нужно будет предоставить значительную долю участия в общественном порядке. Среди сторонников Майдана 2014 г. существует страх, что это приведет к росту культурного и политического влияния России в Украине, против чего они долго и упорно боролись. В результате они отвергают попытки удовлетворить претензии русскоязычных украинцев, считая такие попытки изменой.

Однако опросы показывают, что подавляющее большинство русскоязычных граждан — это лояльные украинцы, готовые защитить свою страну от чрезмерного российского влияния. Отношение к ним как к потенциальным предателям может только подорвать эту лояльность и поставить под угрозу единство украинского государства. Таким образом, путь, за который ратуют националисты, не только вряд

ли приведет к национальному единству — он активно это единство разрушает.

К счастью, есть и другой путь. Политику и риторику, которые поощряют гнев и жажду мести, можно заменить на те, что поощряют сострадание и примирение. Примеры можно найти в разных частях мира, в совершенно не похожих друг на друга странах — в Северной Ирландии, на Кипре, в Южной Африке и Колумбии; во всех случаях всё начинается с диалога. Польза греческой трагедии в том, что она служит универсальной моделью для диалога. Она обращает нас лицом к нашим собственным трагическим недостаткам, вызывая там самым катарсис — очищение души, которое, устраняя токсичные эмоции и ненависть, восстанавливает здоровый взгляд на мир.

Отсутствие конструктивного диалога между Галичиной и Донбассом — культурными центрами украиноязычной и русскоязычной Украины — проходит через украинскую историю не просто красной нитью, а целым запутанным мотком нитей. Такой диалог станет возможным только в том случае, если русскоязычных украинцев будут воспринимать как настоящих украинцев, а не рассматривать как потенциальных предателей в их собственной стране. От этого в итоге будет зависеть способность Украины разорвать порочный круговорот трагедий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Critchley S. Tragedy, the Greeks, and Us / New York: Vintage Books, 2020, p.45.

Williams R. Modern Tragedy / Stanford, Calif., Stanford University Press, 1966. p.66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петро Н., профессор кафедры политологии университета Род Айленда, США, приглашенный профессор университета Болоньи, Италия.

Nikolai Petro, – Professor of University of Rhode Island, USA, visiting Professor of Institute of Advanced Studies/University of Bologna, Italy.

¹ Тарас Козус, «Слово на букву Д», Vesti.ua, 26 марта 2021 г.

Основные аспекты российско-украинских отношений в 2021 г.: состояние и перспективы

Д. В. Малышев

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», Москва, Россия
ORCID:0000-0002-0304-8785, dimal.68@mail.ru*

Аннотация. В работе выделены основные исторические этапы становления российско-украинских отношений после распада СССР. Показан системный перелом в этих отношениях после «оранжевой революции» 2004 г. Дана характеристика основным аспектам существенного изменения российско-украинских отношений после «революции достоинства» 2013-2014 гг. Важное место заняли проблемы воссоединения с Россией Крыма в 2014 г. и его влияния на российско-украинские отношения. Уделено внимание участию Украины в Содружестве Независимых Государств (СНГ) как факторе, оказывающим существенное влияние на российско-украинские отношения. Особое внимание уделено современному периоду развития российско-украинских отношений в 2020-2021 гг. Показаны основные направления взаимодействия Украины с США, НАТО, МВФ и другими государствами и международными структурами в плане их влияния на российско-украинские отношения. Показана ситуация вокруг заключения и реализации Минских соглашений, закрытия российских СМИ и тех СМИ, которые на Украине считаются «пророссийскими». В заключении дан прогноз основным направлениям развития российско-украинских отношений в обозримом будущем.

Ключевые слова: российско-украинские отношения, «оранжевая революция», «революция достоинства», воссоединение с Россией Крыма, СНГ, РФ, США, НАТО, ЕС, МВФ, Минские соглашения, В. Путин, В. Зеленский, Д. Кулеба, Д. Байден.

Для цитирования: Малышев Д. В. Основные аспекты российско-украинских отношений в 2021 г.: состояние и перспективы. Постсоветские исследования. 2021;4(3):202–207.

The main aspects of Russian-Ukrainian relations in 2021: current state and prospects

Dmitry V. Malyshev

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russian Federation
ORCID:0000-0002-0304-8785, dimal.68@mail.ru*

Abstract. The paper focuses on the main historical stages of the formation of Russian-Ukrainian relations after the collapse of the USSR. A system crisis of these relations in the period following the 2004 Orange Revolution is shown. The main aspects of the significant change in Russian-Ukrainian relations after the “Revolution of Dignity” (2013-2014) are characterized. An important place is taken by the problems of Crimea's reunification with Russia in 2014 and its impact on Russian-Ukrainian relations. Special attention is paid to Ukraine's participation in the Commonwealth of Independent States (CIS) which is seen as a factor that has a significant impact on Russian-Ukrainian relations. Their modern period falling on 2020-2021 is in the center of the analysis. In the context of the influence on Russian-Ukrainian relations, the paper examines the main trends in Ukraine's interaction with the United States, the NATO, the IMF, other states and international structures. The situation related to the conclusion of the Minsk Agreements and its implementation is revealed in conjunction

with closure of some Russian media together with those media outlets that are considered to be “pro-Russian ones” in Ukraine. In conclusion, a forecast is given to the main directions for the development of Russian-Ukrainian relations in the near future.

Keywords Russian-Ukrainian relations, the "Orange Revolution", the "revolution of dignity", the reunification of Crimea with Russia, the CIS, the Russian Federation, the United States, NATO, the EU, the IMF, the Minsk Agreements, V. Putin, V. Zelensky, D. Kuleba, D. Biden.

For citation: Malyshev D. V. The main aspects of Russian-Ukrainian relations in 2021: current state and prospects. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(3):202–207. (In Russ.)

Отношения России и Украины после распада СССР и образования СНГ трудно назвать ровными и добрососедскими на всех этапах развития этих государств. Распад СССР начался, как известно 8 декабря 1991 г., когда было подписано «Беловежское соглашение» главами Белоруссии, России и Украины, которое положило конец существованию некогда мощного и единого государства. В этом году этой негативной дате исполняется 30 лет. И все тридцать лет отношения РФ и Украины оставались сложными и напряженными.

Нынешнюю Украину некоторые исследователи определяют как Третью республику. Первая была в 1918 г. и называлась Украинская Народная Республика (УНР), вторая – Украинская Советская Социалистическая Республика в 1919–1991 гг., а третья начала суверенное развитие с декабря 1991 г.

Российско-украинские отношения никогда не отличались стабильностью, не было этого и в 1990-е гг., но особенно они начинают ухудшаться после так называемой «оранжевой» («помаранчевой») революции 2004 г. и прихода к власти на Украине В. Ющенко. Украина уже тогда сводит к минимуму все контакты с Россией и занимает по отношению к ней враждебную позицию.

Не оправдались и иллюзии на улучшение этих отношений после прихода к власти на Украине в феврале 2010 г. В. Януковича, которого почему-то некоторые российские СМИ называли «пророссийским». Некоторый отход от крайне антироссийской политики В. Ющенко имел место, но не более того. Реванш антироссийские и, как следствие, проатлантические силы взяли на Украине в ноябре 2013 г., когда начинается Евромайдан или «революция гидности» («достоинства»). Итогом её стали многочисленные

человеческие жертвы и свержение В. Януковича в феврале 2014 г., которое в России было расценено как государственный переворот. А после воссоединения с Россией Крыма в марте 2014 г. отношения между странами практически оказались прерваны.

Украина фактически завершила и выход из СНГ, хотя здесь имеют место определенные коллизии. Формально Украина никогда не являлась и не является членом СНГ, так как Верховная Рада не ратифицировала Устав Содружества. Но формально (и на официальном сайте СНГ это отражено) её участие обозначено в ключевых органах СНГ – Совете глав государств, Совете глав правительств, Совете министров иностранных дел. Но это формально. Фактически же Украина свернула свое участие во всех координирующих органах СНГ, а Кабинет министров Украины продолжает работу по денонсации со стороны этой республики всех заключенных ею в рамках СНГ договоров.

В докладе я бы хотел более подробно остановиться на основных аспектах российско-украинских отношений на современном этапе, в начале 2021 года, показать их основные направления и попробовать выделить основные перспективы их развития.

Одной из характерных черт развития современной Украины, которая безусловно влияет на развитие её отношений с Россией, является абсолютная несамостоятельность властей в Киеве. И речь здесь идет не только о том, что в последние годы американская администрация диктует «незалежной» повестку дня, а при новой администрации Д. Байдена эта тенденция, судя по всему, только усилится. И даже не о давлении на украинское руководство со стороны ЕС, которое, в принципе, никогда и не прекращалось. В

последнее время в этом процессе принял участие и МВФ.

Так, в 2020 г. между Украиной и МВФ был заключен Меморандум, согласно которому Украина взяла на себя ряд серьезных обязательств в обмен на прозрачные обещания со стороны МВФ о предоставлении ей кредитов для погашения старых долгов. В соответствии с ними «самостоятельная держава» уже приняла ряд нормативных актов о распродаже сельскохозяйственных земель, об изъятии банков и т. д. Не стоит забывать и тот факт, что, фактически, хозяевами МВФ являются США, и здесь их влияние на Украину опять же четко просматривается. Сам текст Меморандума был подписан президентом Украины В. Зеленским, премьер-министром Д. Шмыгалем (который, кстати, недавно в одном из интервью полностью согласился с президентом США Дж. Байденом, который назвал Путина «убийцей»), министром финансов С. Марченко и главой Национального Банка Украины (НБУ) Я. Смилием.

Украина в соответствии с этим документом будет повышать налоги и ужесточит налогово-бюджетную политику. Предполагается более быстрыми темпами осуществлять и печально известную земельную реформу на Украине, в ходе которой предполагается активно продавать землю на Украине частным лицам и иностранцам. Таким образом, возвращаясь к теме российско-украинских отношений, надо четко понимать, что страна не самостоятельна, она будет делать все, чтобы угодить внешним кураторам, которые, в свою очередь, всеми силами хотят оторвать её от России.

А в июне 2020 г. министр иностранных дел Украины Д. Кулеба констатировал тот факт, что Украина получила статус партнера по расширенным возможностям Североатлантического альянса. Напомним, что подобный статус партнера расширенных возможностей НАТО имеют Швеция, Австралия, Финляндия, Грузия и Иордания. В чем же здесь основная суть по мысли Кулебы? А кроется она в том, что некоторые учения НАТО, в том числе, и вблизи границ России, проводятся именно силами членов Альянса и партнеров расширенных возможностей.

Камнем преткновения в отношениях между Россией и Украиной были и остаются Минские соглашения. Напомним, что они включают в себя «Минский протокол» от 5 сентября 2014 г. и «Комплекс мер по выполнению минских соглашений» от 12 февраля 2015 г. Подписаны они были от имени России и ОБСЕ соответственно послами М. Зурбовым и Х. Тальявини, от Украины – её вторым президентом Л. Кучмой, от непризнанных Донецкой и Луганской народных республик (ДНР/ЛНР) их на тот момент главами А. Захарченко и В. Плотницким. А сам текст был согласован президентами РФ, Франции и Украины В. Путиным, Ф. Олландом и П. Порошенко и канцлером ФРГ А. Меркель.

И возникает закономерный вопрос – почему документы, согласованные на таком высоком уровне, не выполняются? И это так же имеет связь с современными российско-украинскими отношениями. Основных проблем здесь, как представляется, две: граница и выборы. Позиция Украины, озвученная еще в период президентства Порошенко и от которой не отказался Зеленский, сводится к получению контроля над всем периметром границы, и только потом под контролем украинских властей будут проведены выборы на Донбассе, с чем не согласны в ДНР/ЛНР. Хотя в отдельных публикациях, в частности, в газете «Ведомости», не раз появлялась информация, что проукраинские настроения на Донбассе гораздо сильнее, чем пророссийские.

Украина пытается всеми силами противостоять России и в информационном поле. Помимо закрытия практически всех российских теле- и радиоканалов в стране по указу президента Зеленского начали закрывать и оппозиционные украинские каналы. В частности, советник министра внутренних дел Украины В. Поцелуйко назвал «сильным ударом по России» закрытие ряда таких каналов, и, в частности, «112 Украина», NewsOne и других, которые на Украине ассоциируются с лидером партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» В. Медведчуком.

Да и при нынешней администрации Дж. Байдена США/НАТО будут уделять Украине гораздо больше внимания. Такое мнение, в частности, высказала руководитель Центра

североамериканских исследований ИМЭМО РАНВ. Журавлева: «Украина будет активным образом использоваться и все чаще появляться в политической риторике, в частности, руководства НАТО».

В марте 2021 г. Совет национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины принял «Стратегию деоккупации и реинтеграции временно оккупированной территории Автономной Республики Крым и города Севастополь», которую презентовал глава украинского МИДа Д. Кулеба. В ней он, в частности, выделил три направления, или, по словам министра, «три кита», на которых, собственно, и будет базироваться возвращение Крыма в состав Украины: стратегия (которая была принята), консолидация (объединение всех партнеров) и синергия – сотрудничество (восстановление международного права, т.е. восстановление полного суверенитета Украины над территорией Крымского полуострова). Правда, как конкретно все это будет осуществляться, Д. Кулеба не пояснил.

А украинские радикалы пошли дальше, расклеив в годовщину воссоединения Крыма с Россией в местах проживания и работы российских дипломатов в Киеве оскорбительные плакаты, в которых гражданам России предписывалось признать Крым украинским. По поводу этого инцидента в МИД РФ был вызван временный поверенный в делах Украины в РФ Василий Покотило, которому был выражен протест по поводу данных событий. А посольство России в Киеве направило ноту протеста в МИД Украины.

Безусловно, негативно на российско-украинских отношениях скажутся и недавние мерзкие высказывания американского президента в адрес президента России, которые некоторые горячие головы в Киеве могут воспринять (и, судя по всему, уже воспринимают) как некое руководство к действию, как явное одобрение радикального решения «проблемы Донбасса» военным путем. На это Россия может отреагировать либо отказом от вмешательства в подобные военные действия, дабы еще более не ухудшать отношения с Западом, что само по себе выглядело бы крайне странно – они уже и так достигли политического дна и точки невозврата. Второй вариант развития событий – Россия вмешается в конфликт по «осетинскому»

сценарию августа 2008 г., и тогда будет, например, проведена операция по «принуждению Украины к миру». И о её последствиях можно только догадываться.

Кроме того, в конце марта 2021 г. В. Зеленский, вероятно, подражая своим кураторам на Западе, подписал указ о продлении санкций против России, под которые, в частности, попали МИА «Россия сегодня», Лента.ру, Газета.ру, ТАСС, компания «Росстрах» и ряд других.

Маловероятно, что российско-украинские отношения будут улучшаться в ближайшее время, учитывая всю негативную историю их развития в последние три десятилетия. Да и сами эти отношения можно представить в виде пирамиды, поставленной в некотором смысле с ног на голову. Хотя некоторая надежда на их стабилизацию остаётся в связи с общей исторической памятью, языковой и культурной средой, но с каждым днем эти надежды становятся все более призрачными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышев Д.В. Современная Украина: основные тренды развития // Россия и новые государства Евразии. IV (XXXVII) / НИИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, 2017. С. 24-36.
2. Князев С. МВФ – рабочий механизм внешнего управления Украиной // <https://www.fondsk.ru/news/2020/06/12/mvf-rabochij-mehanizm-vneshnego-upravlenija-ukrainoj-51110.html?print>.
3. Кулеба: Киев для возвращения Крыма сконцентрируется на объединении усилий партнеров // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10886579>.
4. Логинова К. НАТО как предчувствие: альянс ждет реформ от ждущей членства Украины // <https://iz.ru/1133270/kseniia-loginova/nato-kak-predchuvstvie-alians-zhdet-reform-ot-zhdushchei-chlenstva-ukrainy>.
5. Малышев Д. В. Украинский разлом: до и после майдана // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сборник статей в 2-х тт. / Отв. ред. – А.Б. Крылов. Том 1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 197 с. С. 47-65.
6. МИД РФ выразил протест в связи с инцидентом в Киеве // https://rg.ru/2021/03/17/mid-rf-vyrazil-protest-v-sviasi-s-incidentom-v-kieve.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop.
7. Мироненко В. Украина, quovadis? Миражи третьей республики. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, № 1, 2021. С. 38-45.
8. Советник главы МВД Украины Поцелуйко заявил о "сильном ударе" по России // <https://ria.ru/20210308/udar-1600318877.html>.
9. Токарев А. Донбасс ближе к Украине, чем принято считать // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/02/15/858071-donbass-blizhe>.
10. Украину приняли в партнерство расширенных возможностей НАТО // <https://russian.rt.com/ussr/news/754679-ukraina-partnyorstvo-nato>.

REFERENCES

1. Adviser to the Head of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine Potseluiko declared a "strong blow" to Russia. <https://ria.ru/20210308/udar-1600318877.html>.
2. D. Malyshev. Modern Ukraine: main development trends // Russia and the new States of Eurasia. IV (XXXVII) / NIIMEMO RAS named after E. M. Primakov, 2017. pp. 24-36.
3. Knyazev S. IMF-working mechanism of external management of Ukraine // <https://www.fondsk.ru/news/2020/06/12/mvf-rabochij-mehanizm-vneshnego-upravlenija-ukrainoj-51110.html?print>.
4. Kuleba: Kiev will concentrate on uniting the efforts of its partners for the return of Crimea. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10886579>.
5. Loginova K. NATO as a premonition: the alliance is waiting for reforms from Ukraine, which is waiting for membership // <https://iz.ru/1133270/kseniia-loginova/nato-kak-predchuvstvie-alians-zhdet-reform-ot-zhdushchei-chlenstva-ukrainy>.
6. Malyshev D. V. The Ukrainian rift: before and after the Maidan // Post-Soviet States: 25 years of independent development. Collection of articles in 2 volumes / Ed. - A. B. Krylov. Volume 1. The Western flank of the CIS. Central Asia, Moscow: IMEMO RAS, 2017. 197 p. 47-65.
7. Mironenko V. Ukraine, quo vadis? Mirages of the Third Republic. Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS, No. 1, 2021. pp. 38-45.
8. The Russian Foreign Ministry protested in connection with the incident in Kiev // https://rg.ru/2021/03/17/mid-rf-vyrazil-protest-v-sviasi-s-incidentom-v-kieve.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
9. Tokarev A. Donbass is closer to Ukraine than is commonly believed. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/02/15/858071-donbass-blizhe>.
10. Ukraine was accepted into the NATO Enhanced Capabilities Partnership // <https://russian.rt.com/ussr/news/754679-ukraina-partnyorstvo-nato>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Малышев Дмитрий Валерьевич, Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии, Молдовы и Украины Центра постсоветских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Dmitry V. Malyshev, PhD in Political Science, Senior researcher at the Center for post-Soviet studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Associate Professor, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University.

Quantative analysis of Ukraine's voting in the UN (1992–2017)

Konstantin P. Kurylev

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>, kurylev-kp@rudn.ru

Natalia V. Ivkina

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8654-7629>, ivkina-nv@rudn.ru

Maxim A. Nikulin

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0971-0987>, nikulin-ma@rudn.ru

Nadejda G. Smolik

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-2138>, smolik-ng@rudn.ru

Abstract. The article covers quantitative analysis of Ukraine's voting in the United Nations. The rationale of the study is associated, first, with the fact that the conflict in the country's south-east makes it increasingly more difficult to identify key foreign policy and foreign economic priorities. Ukraine is trying to build a multi-vector platform for collaboration with various regions of the globe; however, misalignment in foreign policy does not allow the nation to carry that out. Quantitative analysis of Ukraine's votes in the UN will help define with which of the partner nations there are the fewest antagonisms, who can become the principal trade and economic partner (in the context of the growing animosity with the Russian Federation). The purpose of this analysis is to discover the cause-and-effect relations in the coincidence of Ukraine's votes with those of other state actors in global policies. The authors of the research have used a wide array of sources and academic literature in the Russian, Ukrainian and other European languages.

Keywords: Quantitative Research Methods, Ukraine, CIS, Voting in the UN, Foreign Policy Priorities.

For citation: Kurylev K.P., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Smolik N.G. Quantative analysis of Ukraine's voting in the UN (1992—2017). *Postsovetskie issledovaniya* = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):208–218.

Количественный анализ голосования Украины в ООН (1992–2017 гг.)

К. П. Курылев

Российский университет дружбы народов, Москва Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>, kurylev-kp@rudn.ru

Н. В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8654-7629>, ivkina-nv@rudn.ru

М. А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0971-0987>, nikulin-ma@rudn.ru

Н. Г. Смолик

Российский университет дружбы народов, Москва Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9166-2138>, smolik-ng@rudn.ru

Аннотация. Статья включает в себя статистический анализ голосования Украины в ООН. Исследование основано на понимании того факта, что конфликт на юго-востоке страны критическим образом осложняет выстраивание внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов страны на международной арене. Украина пытается выстроить многовекторную платформу для сотрудничества с различными регионами мира; однако, рассогласованность во внешнеполитических шагах не позволяет государству реализовать этот принцип. Статистический анализ голосования Украины в ООН позволит выявить, кто из государств ООН может оказаться в числе немногочисленных партнёров, способных в перспективе стать надёжным торговым союзником (особенно принимая во внимание факт растущей отчуждённости от основного торгового партнёра Украины - Российской Федерации). Задача исследования - выявить причинно-следственную связь между голосованием Украины и тем, какие страны идут на сотрудничество с ней. Авторами использован широкий перечень источников и литературы на русском, украинском языках, а также источники ЕС.

Ключевые слова: Количественные методы исследования, Украина, СНГ, Голосование в ООН, Приоритеты внешней политики.

Для цитирования: Курьлев К.П., Ивкина Н.В., Никулин М.А., Смолик Н.Г. Количественный анализ голосования Украины в ООН (1992-2017 гг.). Постсоветские исследования. 2021;4(3):208–218.

For a few years now, the Chair of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (RUDN) has been involved in applied studies of foreign policies of CIS nations [Degterev et al. 2014; Kurylev et al. 2016]. Those studies are relevant by virtue of the RUDN's participation in the activities of the CIS Network University [Kovalenko and Smolik 2014] under the training program "International Relations." Every year, about 10 students from all countries of the Commonwealth of Independent States study under the master program in international relations at the chair, and an active academic collaboration is pursued with major international relations experts from colleges of the CIS Network University.

In 2016, the Chair of Theory and History of International Relations, RUDN, completed a grant-based academic research entitled "Foreign Policy of CIS Nations: Applied Analysis," on the basis of which a joint monograph has been prepared, "Foreign Policy of CIS Nations" [Degterev and Kurylev 2017], in which more than 60 authors from all CIS member nations took part (all sections pertaining to particular countries have been written exclusively by scholars from those countries), and a database on foreign policy of CIS nations has been built on the RUDN expert portal on international relations.

This article presents some of the results of applied studies of the Chair of Theory and History of International Relations, RUDN, which are related to Ukraine's foreign policy and have been carried out using the above-mentioned database. They were presented at the 5th International Academic Conference "Russia's Foreign Policy in the CIS Space" that was held in Moscow in December 2017.

The study is based on the rapport of quantitative and qualitative methods of analysis of international relations [Degterev 2015].

Quantitative analysis is used as the principal method of research. It is effectively used to analyze the level of voting coincidence across different nations. It is most frequently used in the annual monitoring of the U.S. Department of State, where the percentage of voting coincidence of UN member countries with the U.S. and other nations is examined. Based on its monitoring, the State Department prepares a report called "UN Voting Practices" (Congressional Report 2017). In addition to the applied method of research, a series of qualitative general academic methods were used to describe general principles and priorities in the Ukrainian foreign policy, and to state a hypothesis about the cause-and-effect relations in voting coincidence. In particular, the historical and chronological approach was an important foundation for systematizing the

voting of the Ukrainian delegation to the UN and for pinpointing stages in how it has been approaching foreign policy decision-making. Comparative analysis allowed to evaluate the prospects of Ukraine's cooperation in trade and economy with the countries that displayed the biggest number of voting coincidence with the nation under review. Furthermore, since it would be a complicated mission to develop any predictive scenario of the development of Ukraine's political course, the authors of the study considered it advisable to use the analogical inference method, to avoid using subjective indicators and criteria in the analysis of the situation.

The multi-vector nature of Ukraine's foreign policy is analyzed through the prism of its voting on resolutions of the UN General Assembly during sessions from 47 to 70. While CIS countries became UN members in 1992, most of them voted only on one resolution during the 46th session. Ukraine's votes are juxtaposed to the voting of other CIS nations (including Georgia, which was a member of the Commonwealth until 2009), and also to that of G20 nations. To analyze proximity of foreign policy positions, the mean level of voting coincidence was calculated across sessions 47 to 70 of the UN General Assembly, and the number of sessions in which another country had the biggest level of voting coincidence with the nation under review was considered. The percentage of voting coincidence has been established according to the following methodology: for every resolution on which voting coincided (both nations voted "for," "against," abstained or did not vote), one point was added. If one country voted "for" or "against" a resolution, and the other abstained or did not vote, 0.5 points were added. The result was divided by the total number of resolutions voted during a particular session. The calculation results are presented in Table 1, where the top 3 countries are listed for each indicator in the CIS, and in Table 2, for G20 nations.

Table 11. Proximity of positions with respect to Ukraine's voting at sessions

of the UN General Assembly (sessions 47 to 70).

CIS country	Among the other CIS countries		
	TOP-3 support	by average	TOP-3 by the number of sessions with maximum support
Ukraine	Republic of Georgia (91,47%)	Moldova (88,69%)	Republic of Armenia (83,03%)
			Republic of Moldova (11 sessions) Republic of Belarus (6 sessions) Georgia (5 sessions)

Ukraine as the UN-member. The history of the issue.

At present, the United Nations is the core of the system of international relations, being a universal supranational organization in which many issues relevant and important for society of today are discussed and addressed. Many countries that do not have opportunities and resources to pursue an active foreign policy use the UN as a platform for implementing their foreign policy ideas. Ukraine is one of those countries.

In 1945, Ukraine, represented then by the Ukrainian Soviet Socialist Republic, or UkrSSR, was among 51 founding nations of the UN, which was a recognition of the contribution made by the Ukrainian people into the victory in World War II and strengthening of peace worldwide. Its delegation took an active part in the San Francisco conference. Dm. Manuilsky, UkrSSR Foreign Minister and head of Ukraine's delegation at the San Francisco conference, was also chairman of the First Committee, which drafted the Preamble and Chapter 1: "Purposes and Principles," of the UN Charter [Patsoh and Raevich 2008, 41].

Collaboration of Ukraine with the United Nations can be conveniently divided into two stages:

- when Ukraine was a union republic of the USSR;
- after the country became independent in 1991 (Patsoh and Raevich 2008, 42).

Before 1991, when Ukraine was part of the Soviet Union, it *de jure* had its own representation in the UN, at the level of an independent nation. However, *de facto* activities of the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the UN were limited by the framework of a single foreign policy pursued by the USSR. Despite that fact, for over four decades the UN podium remained almost the only influential international medium for the international community to learn about Ukraine.

1 Expert portal of RUDN University on international relations. Accessed May 2018. <http://ir.rudn.ru> (accessed December 7, 2018).

The second stage signaled the growing importance of the UN for Ukraine. Since independence was proclaimed in 1991, an essentially new period of the country's activities in the UN began, and those activities were identified as one of foreign policy priorities. Previously, it was the USSR's military power that guaranteed Ukraine's security, and in new circumstances, Ukraine had to turn to international institutions. A resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine dated July 2, 1993, "On the Main Vectors of the Foreign Policy of Ukraine," sets out that "active participation in the UN and its specialized bodies is a priority vector of Ukraine's activities in global international organizations" [Patsoh and Raevich 2008, 43].

Active efforts of independent Ukraine in the UN are one of effectual means of promoting Ukraine's national interests. At the same time, Ukraine makes a considerable contribution into all areas of the organization's activities, and, among other things, it encourages international peacekeeping and security efforts, disarmament, economic and social development, protection of human rights, reinforcement of international law, etc. [Patsoh and Raevich 2008, 44].

Ukraine is a member of UN main and subsidiary bodies, such as the UN Human Rights Committee, the Committee on Contributions, the Commission for Social Development, the Commission on Crime Prevention and Criminal Justice, the Commission on Narcotic Drugs, the Statistical Commission, the Commission on Population and Development, the Executive Board of the World Food Program (WFP), the Executive Board of the United Nations Children's Fund (UNICEF), the Executive Board of the UN Development Program (UNDP)/United Nations Population Fund (UNFPA). In 2006, Ukraine chaired the Executive Board of the UNDP/UNFPA (The activities... 2018).

During the entire period of its UN membership, Ukraine has been elected non-permanent member of the Security Council four times (1948—1949, 1984—1985, 2000—2001, 2016—2017), and member of the Economic and Social Council six times (its most recent tenure lasted from 2010 to 2012). Ukraine's

representatives have been elected to executive offices in the main committees of General Assembly sessions of the Second (economic and financial matters), Third (social, cultural and humanitarian issues, human rights issues) and Fourth (special political issues and decolonization-related agenda items) Committees. In 1997, Ukraine's Foreign Minister H. Udoenko was elected Chairman of the 52nd session of the General Assembly, the highest executive office in the UN [Degterev and Kurylev 2017, 496].

Ukraine attaches an extremely great importance to the reinforcement of the UN as a center of multilateral efforts in overcoming complicated and complex challenges of the new millennium. An equally big importance is attached to the reform of the Security Council. Ukraine advocates expansion of the UN Security Council membership and upholds an increase of the number of its permanent and non-permanent members.

In connection with the above, it seems quite worthy from the academic standpoint and important, in terms of practice, to take a glance at the nature and peculiarities of Ukraine's voting at UN General Assembly sessions.

Voting on the UN resolutions as a component of the Ukrainian policy towards CIS.

Voting on resolutions of the UN General Assembly is an important indicator of the proximity of foreign policy positions of nations, because oaths in eternal friendship recede into the background, and nations reveal their real standing on certain matters. It is not by chance that every year since 1985 the U.S. Department of State has prepared a report entitled "UN Voting Practices (Congressional Report 2017)." Analysis of voting in the UN is covered in classical works of many international and Russian political scientists, including those by E. Voeten [Voeten 2000], D.A. Degterev [Degterev 2017], K.P. Kurylev [Kurylev et al. 2018] and others.

Analysis of the data given in Table 1 shows that Moldova, Georgia and Armenia are the top 3 CIS countries for Ukraine in terms of the mean level of support during voting in the UN General Assembly. Moldova shows the highest figure of coincidence — 91.47%, with Georgia

trailing a little behind, with a coincidence level of 88.69%. These results could be expected, because Ukraine, Moldova and Georgia all embarked on a course towards Euro-Atlantic integration even as far back as in the 1990s. In 1997, they united within the regional GUAM forum. The political vector of that organization was expressed in a statement made by B. Tarasyuk, Ukraine's foreign minister at the time. He said: "We have common approaches to the processes of EU and NATO expansion, democratization of society, European integration, economic development, stability and security in the region. Together we will find it easier to cover the way to integration into European and Euro-Atlantic institutions [Solovyov 2006]." The countries are brought together by a common viewpoint on the problem of separatism and regional conflicts. At present, those three nations have the lowest level of relations with Russia.

As for Armenia, its high ranking among the top 3 in terms of the mean level of support is determined by several reasons. It seems to us, the key reason is that, historically, there have been quite a lot of Armenians living in Ukraine. First Armenians emerged in what is now Ukraine as far back as in the 11th century and lived in the Crimea, and in the early 12th century, an Armenian community first appeared in Kyiv. The number of Armenians in Ukraine spiked after the disintegration of the USSR, when the tension between Armenia and Azerbaijan exacerbated in South Caucasus during the Nagorno-Karabakh conflict. According to the 2001 census in Ukraine, the Armenian ethnical minority had 99,894 people. Today, Armenians living in Ukraine are most concentrated in the Donetsk Region (15,700, or 0.33% of the total population, a 2.5-time rise since 1989), with the second biggest Armenian community to be found in the Kharkiv Region (11,000; the number doubled between 1989 and 2001), and the third largest in the Dnipropetrovsk Region. Traditionally, a large Armenian community resides in the Crimea. According to Ukraine's 2001 census, there lived 8,700 Armenians there, or 0.23% of the population (a 3.6-time rise since 1989). During an armed stand-off in Kyiv in late 2013 and early 2014, two Armenians were killed — G.V. Arutyunian and S.G. Nigoyan, who were

posthumously awarded the Hero of Ukraine title. A. Avakov, Ukraine's influential Interior Minister, is also ethnic Armenian. Obviously, the diaspora factor also played its role when Ukraine's independence was being recognized. Armenia was the third republic of the former USSR (Latvia, Lithuania and Estonia had *de jure* won independence from the USSR by then), after Russia (Dec. 5, 1991) and Georgia (Dec. 12, 1991), to recognize Ukraine's independence, which occurred on December 18, 1991.

The data on the biggest number of voting coincidence at UN General Assembly sessions differ for Ukraine a little across CIS countries in terms of the mean level of support. Among the top 3, Ukraine's biggest voting coincidence is observed with Moldova (11 sessions out of the 22 under review), with Belarus (6 sessions) and Georgia (5 sessions). And while a high level of coincidence across the Ukraine — Moldova — Georgia triangle is understandable, the situation with Belarus requires explanation. Unlike the Armenia "phenomenon," which is explained by the presence of a wide diaspora, Belarus' high ranking cannot be accounted for only by that factor, even though the Belarussian ethnic minority in Ukraine is second largest, after Russian, while the Armenian minority is only tenth largest. Nevertheless, that factor is also worth mentioning. According to the most recent census in Ukraine, which took place in 2001, there were 275,800 Belarussians among the country's population (Ukrainian Census 2001). While the Armenian ethnic minority had been growing, as it was mentioned above, the number of Belarussians had been on decline and had dropped by 37.3%, according to the 2001 census compared to that of 1989.

There is another important fact. Ukraine was the first country with which Belarus established diplomatic relations, as early as on December 27, 1991. According to statements of Ukrainian and Belarussian politicians, Ukraine and Belarus have very much in common: history, culture, family connections, absence of "imperial ambitions." "Belarus abandoned attempts to draw Ukraine into post-Soviet integration projects, and Ukraine [equally gave up attempts] 'to democratize' or pull Belarus out of the Union State and other post-Soviet associations. Belarus is becoming for Ukraine a

stronghold for promoting its products in the Eurasian Economic Union, and Ukraine is becoming a stable market, a source of missing technology chains, and a political intermediary in the dialog with the West. Back then, the window of opportunities was defined in the Belarussian-Ukrainian relations. Those are, first and foremost, trade, industrial, energy projects, as well as technical cooperation. The political meaning of the relations was limited by the formula ‘friendship and good neighborly relations,’ which both parties agreed not to overstep. When V. Yanukovich was president, official Minsk did not oppose Ukraine’s European Association Treaty, but preferred to expand mutual trade instead. Kyiv, on the other hand, when relations between Belarus and the West worsened once again, did not try to become the driving force for a new loop of ‘democratizing’ Belarus [Petrovskij 2016].”

The focus on pragmatism in the bilateral relations allowed those relations to become strategic in the economic field. According to Ukraine’s State Statistics Service, among Ukraine’s trade partners, Republic of Belarus was ranked second among CIS countries and

fourth among all nations of the world (after the Russian Federation, China and Germany) on the back of three quarters of 2017. During the first 9 months of 2017, the total trade volume with the Republic of Belarus amounted to U.S. \$3,372.6 million, or was up by U.S. \$621.1 million, or 22.6%, year-on-year. Export of goods and services equaled U.S. \$892.1 million, having climbed by U.S. \$204.4 million, or 29.7%, year-on-year. Import of goods and services was U.S. \$2,480.5 million, having risen by U.S. \$416.7 million, or 20.2%, year-on-year. The balance was negative for Ukraine (by a margin of U.S. \$1,588.4 million). As of October 1, 2017, Ukrainian investments in the economy of the Republic of Belarus totaled U.S. \$4,482,300 (a decline of U.S. \$13,600, or by 99.7% since the beginning of the year). As of October 1, 2017, Belarus had invested U.S. \$31,582,300 in Ukraine’s economy (since the beginning of the year, that figure was up by U.S. \$789,500, or 102.6%).

Table 2. Trade in products between Ukraine and the Republic of Belarus (in million U.S. dollars)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	9 months of 2017
Export	2228,0	1343,8	2030,9	2076,98	2369,74	2104,64	1714,5	947,51	985,2	892,1
Import	2864,4	1736,1	2630,8	4290,98	5151,87	3704,76	4153,92	2527,91	2852,8	2480,5
Foreign trade turnover	5092,4	3079,9	4661,7	6367,96	7521,61	5809,41	5868,42	3475,42	3838,0	3372,6

As for political relations, the 2014 Euromaidan and the beginning of a crisis in Ukraine confronted Belarus with a choice. Should the country have fully sided with Russia’s position, it would have meant refusal to recognize “Maidan authorities,” loss of the Ukrainian market and turning Ukraine into a stronghold for “feeding” the Belarussian opposition. Belarus’ leadership chose a different path. Official Minsk assumed mediatory functions between Kyiv and Moscow and became the actual platform for their interaction since the first days of the power change in Ukraine. Resorting to those actions,

Alexander Lukashenko, besides keeping Russia and the West in check from building up tension within the framework of the Ukrainian crisis, is also trying to improve his image in the West, in the relationship with which he, according to many experts, is achieving the maximum within the window of opportunity available to him. Moreover, Alexander Lukashenko chose the way of preserving economic, humanitarian and technological ties with Ukraine the best way he could. In that period, the Motor Sich enterprise started its operations in Belarus. During the internal political conflict in Ukraine, many specialists, including those from the hi-tech and

military industries, moved to Belarus [Petrovskij 2016].

In the UN, Belarus voted against Ukraine's resolution on the Crimea, which, in the opinion of official Kyiv, was an unfriendly gesture. However, on the website of the Belarussian Foreign Ministry, the geographical map of diplomatic relations designates the Crimea as Ukrainian territory. Belarussian government bodies do not recommend travel agencies to arrange trips to the peninsula and prescribe to them an obligation to warn clients that their desire to travel in those parts (in particular, to pass through Russia's territory) is a violation of Ukrainian law. Trade relations are evolving, and from the beginning of 2017 to November, three official meetings of the presidents of the two countries took place (not counting unofficial contacts) [Tyshkevich 2017]. In other words, the political component of the bilateral relations is now reduced to Belarus' neutral attitude to the Ukrainian crisis.

Ukraine and the G-20 in the context of UN GA sessions.

And now let us analyze the voting coincidence during sessions of the UN General Assembly between Ukraine and G20 nations (see Table 3).

Table 3.¹ Proximity of positions with respect to Ukraine's voting in the UN General Assembly (sessions 47 to 70)

CIS country	Among the G-20 Group	
	TOP-3 by average support	TOP-3 by the number of sessions with maximum support
Ukraine	Republic of Korea (90,95%) Japan (90,21%) Italy (89,56%)	Republic of Korea (7 sessions) Germany (6 sessions) Japan (5 sessions)

The data in Ukraine provided in the above table are quite noteworthy. National and foreign experts in Ukrainian studies are used to talking about the dualism of Ukraine's foreign policy from 1992 to 2014, characterizing it as a policy of balancing between interests of Russia and the West, with a strong bias towards the West on matters related to regional security and integration. It would seem reasonable to expect that pattern to be reflected in the UN General Assembly voting. However, the results we obtained attest to something different. As it is evident, the top three G20 nations in terms of

the mean level of support they give to Ukraine during voting in the UN General Assembly are the Republic of Korea, Japan and Italy. The Republic of Korea displays the highest coincidence of 90.95%, with Japan and Italy somewhat trailing behind with coincidence of 90.21% and 89.56%, respectively. The data on the maximum voting coincidence with Ukraine at sessions of the UN General Assembly among G20 nations are a little bit different from the data on the mean level of support. But they are also indicative and confirm previous findings. In this case, among the top three, Ukraine's voting coincidence with the Republic of Korea was observed at 7 sessions out of 22 ones under review, with Germany during 6 sessions, and with Japan during 5 sessions. If the data obtained are quite self-evident in case of Germany and Italy, two members of the European Union, the situation with the Republic of Korea and Japan requires explaining. We will try to gain insight into the factors behind it.

Ukraine and Germany

The post-Soviet stage of relations between Germany and Ukraine started in 1992, when the first official embassy of Germany in Ukraine was opened [Die Botschaft...2018]. Unlike the Soviet period and the beginning of the post-Soviet stage, the early 21st century is seeing a whole network of Germany's economic, political and cultural agencies operating in Ukraine.

As for economy, Germany, being a flagship of the European Union's economic integration, has been gradually increasing exports and imports in its trade relations with Ukraine since 1992. Ukraine's exports to European Union members nations were steadily on the rise from 1996 to 2008 (exports expanded from U.S. \$3,321.2 million to U.S. \$18,265.7 million) (State Statistics Service of Ukraine 2018). In 2008, a nosedive occurred, but afterwards the situation went back to normal. In contrast, import of EU goods to Ukraine was developing at a slower pace, but it was at its climax precisely in 2008 when it reached U.S. \$30,477 million (State Statistics Service of Ukraine 2018). In the statistics covering exports and imports of goods exchanged between Ukraine and EU countries, Germany is ranked first. Since 2004, Germany has been Ukraine's

¹Expert portal of RUDN University on international relations. Accessed May 2018. <http://ir.rudn.ru> (accessed December 7, 2018).

second biggest trade and economic partner, after Russia. In 2008, the overall decline of Ukraine’s trade with EU nations affected Germany as well, but indicators varied within acceptable ranges (see Table 4), and Germany preserved its status of Ukraine’s second most important trade partner in the world.

Table 4.¹ Evolution of Ukraine’s exports to and imports from Germany, 2008-2016

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Exports	547059 .2	375500 .5	333086	410906 .5	456462 .3	681022 .2	672831 .2	451954 .4	488444 .8
Imports	511544 .2	361388 .1	351664 .6	432874 .6	522100 .5	622431 .6	591345 .8	538479 .9	364093 .4

The data of the table signify that a host of various factors affected Ukrainian product exports to Germany, albeit in a minor way, and on rare occasions exports exceeded imports. After the Ukrainian crisis broke out in 2014, exports and imports have dwindled a little, but, compared to other European countries, Germany has kept trade and economic indicators at a relatively high level. Moreover, in the opinion of American scholars Elizabeth Pond and Hans Kundnani who published an article covering real ties between Germany and Ukraine in the *Foreign Affairs* magazine, the Ukrainian crisis has had a positive effect on the German-Ukrainian relations because it has “allowed Germany to assume geopolitical leadership of Europe for the first time since 1945” [Pond and Kundnani 2015].

Alongside large export and import volumes within the framework of trade and economic cooperation, there is another important element of the coincidence of the Ukrainian position with the German one at sessions of the UN General Assembly – It is the level of Germany’s investments in Ukraine’s economy. According to data of Ukraine’s State Statistics Service, Germany is ranked fourth in terms of investments made in Ukraine.

As it is evident from the above table, from 2010 to 2014, Germany was ahead of the UK, (which was ranked third in terms of investments in 2017). But the period between 2014 and 2015 saw the peak of a migration crisis in the EU, and Germany had to cover the

biggest part of the expenses associated with Middle East and North Africa refugees, because of which the total amount of investments in Ukraine declined. However, it is still higher than those made by many other EU and non-EU countries.

Ukraine and Italy

While Germany is ranked second in the number of sessions with the maximum support, another European nation, Italy, is ranked third in terms of the mean level of support. Diplomatic relations between Italy and Ukraine were established in 1992. Since then, visits have been exchanged multiple times, and many high-level contacts have occurred. Bilateral economic cooperation between Italy and Ukraine is also strong. Italy is ranked second, after Germany, in terms of economic collaboration with Ukraine. After 2014, Ukraine’s trade with Germany has declined, but with Italy it is on the rise. The growth is largely accounted for by an increase in the export of goods (it totaled U.S. \$2,468,270,500 in 2014, having climbed by U.S. \$11,743,900, or 0.5%, from 2012) (State Statistics Service of Ukraine 2018), which is profitable for the Ukrainian side. In terms of investments in Ukrainian economy, Italy is ranked only tenth. But, notwithstanding moderate trade volumes, still in trade and economy Italy remains in leading positions worldwide among exporters of ferrous metals from Ukraine (State Statistics Service of Ukraine 2018). It makes Italy and Ukraine important economic partners.

However, for the figures showing Ukraine and Italy’s voting coincidence in the UN, military and technical cooperation between the two countries is the most significant factor. According to Italy’s Defense Ministry, Ukraine is one of the most important partners in the post-Soviet space. There is a legal framework that governs military and technical cooperation between the two countries: in 2000, an agreement between Italy’s Defense Ministry and Ukraine’s Defense Ministry was ratified; it provides for a closer cooperation both in joint projects pertaining to the upgrade of existing materiel and in research of standards and compatibility of weapon systems (MDD 2018). Joint projects provide an opportunity for allied UN operations, including in Kosovo, Bosnia

¹State Statistics Service of Ukraine. 2018b. Geographical structure of exports and imports of goods. Accessed May 2018. <http://www.ukrstat.gov.ua/> (accessed December 19, 2018).

and Herzegovina. Every year, high-level meetings are held to confirm readiness for bilateral military and technical cooperation. In 2017, Ukraine and Italy signed a new protocol on expanding cooperation in the most important area of the strategic partnership between the two nations (Interfax-Ukraina 2016). Consequently, we can expect to continue seeing Italy keep its positions as a country to which Ukraine provides support in the UN General Assembly voting.

Ukraine and Japan

Now let us turn to the “Japanese phenomenon.” At first sight, it is not easy to explain. The relations between the two countries are in the budding state. Cultural and academic ties between them have not gone so far beyond introductory exhibitions, short-term internships or language courses for beginners. Compared to foreigners from America, Europe or Asia, Japanese do not visit Ukraine very often. Still, there is an area the cooperation in which, we believe, could explain the quantitative data on voting coincidence in the UN General Assembly that we have obtained. Despite being geographically distant, the people in both countries share, unfortunately, an experience of radioactive poisoning because of nuclear disasters that were devastating in their effects. Every year, collaboration between Japan and Ukraine in ecology and energy intensifies and becomes more and more productive. Japan provides financial and humanitarian support in addressing issues caused by the Chernobyl disaster. The Japanese government provides support to the Ukrainian healthcare sector, large-scale infrastructure projects (NTUU "KPI" 2009). Ukraine, in turn, helps the Japanese side in overcoming effects of the Fukushima Daiichi nuclear disaster, as a country that has managed to control that issue in a similar tragic experience. Japanese public officials intend to learn from experience of Ukrainian specialists and to use their methods in dealing with agricultural lands around the Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant. For that purpose, they study the measures that were used to decontaminate agricultural lands in the town of Narodychi, which is situated 50 km west from Chernobyl (Scientific...2018). One important aspect of scientific and engineering cooperation lies in advanced training courses

for Ukrainian nuclear specialists, which are organized by Japan Electric Power Information Center (JEPIC) and backed financially by Japan’s Ministry of Economy. At the same time, Japan, in association with Ukraine’s State Nuclear Regulatory Inspectorate and State Enterprise “National Nuclear Energy Generating Company “Energoatom,” regularly dispatches its specialists to Ukrainian nuclear power plants to take part in workshops. Nagasaki University, the Central Research Institute of Electric Power Industry, the National Research Center for Radiation Medicine of the National Academy of Medical Sciences of Ukraine and Japan’s Endocrinology Institute carry out programs to study the medical fallout of the Chernobyl nuclear accident. Thus, we believe, the “common misfortune” of effects of nuclear disasters caused a rapprochement between the two countries and affected the nature of their respective voting in the UN General Assembly. It is also evident that this assumption requires further research.

Ukraine and the Republic of Korea

As far as the Republic of Korea is concerned, it seems to us its being at the top of both lists related to Ukraine can be explained this way. We believe there is a host of factors that account for this pattern. On one hand, we can speak about the diaspora factor. There are very few Ukrainians in the Republic of Korea, but the number of ethnic Koreans in Ukraine is steadily on the rise. In 2000, there were about 13,000 Koreans in Ukraine. By now, their number has tripled, and, according to various estimates, now there are about 50,000 Koreans living in Ukraine. Most of them have migrated after the collapse of the Soviet Union. The past ten odd years have seen a bigger refugee flow from Central Asian republics, especially Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan, from which people flee to seek a better life.

Despite being relatively small, Koreans are actively involved in the social, political, economic and cultural life of independent Ukraine.

In 1992, the Association of Koreans of Ukraine was set up. Regional associations of Koreans operate in 27 cities across Ukraine. Since 1992, Korean-language Sunday schools and cultural centers have been opened in many

cities, first in Kyiv, national music bands were formed. In 1995, the Korean department was first established in Ukraine at the Kyiv National Linguistics University; it trains specialists in the Korean language and literature, as well as translators. The department has seen five classes graduate by now. In 1996, the Korean department was opened at the Shevchenko Kyiv National University, and a Korean group was established at a school of oriental languages in Kyiv. In 1998, the Korean language was included in the curriculum of the International University of Linguistics and Law. In Kharkiv, at the Chosun culture center, a national boarding school was set up in Ukraine for the first time. Strong Sunday schools operate in Kyiv and Kharkiv, and there were others in Dzhankoy and Krasnoperekopsk before the Crimea was joined to Russia in 2014. Two centers studying Korean culture and the national language have been established at the Korean department of Kyiv National Linguistics University. Every year, the centers organize the Ukrainian National Students Olympiad in the Korean language, workshops for teachers of Korean. To revive Korean culture, music bands have been established and perform in Kyiv, Kharkiv, Dnipro and other places.

We should make a special remark about Koreans who have arrived in Ukraine from the Republic of Korea. Generally, they run small and medium-sized businesses, but there are business tycoons among them as well — for instance, Vladimir Tsoi. Koreans pursues active operations in Ukraine's market in the automobile or electronics sectors. There are special programs under which Korean expats from the Republic of Korea, who are employed by Korean companies, for instance, KIA, go to Ukraine for a year, travel across the country and study the Russian language, and then work as representatives of their firms or set up their own businesses.

In addition, it should be noted that the Republic of Korea is a closest ally of the U.S.; consequently, we can assume that the voting coincidence of Ukraine and the Republic of

Korea in the UN General Assembly is linked by American interests.

Within the framework of the Official Development Assistance (ODA), the Republic of Korea has frequently helped Ukraine. Since 1991, an amount of U.S. \$12,946,000 has been allocated to promote Ukrainian development.

Conclusion

The applied analysis methodologies used by the authors are not a universal instrument; they allow to identify only some peculiarities of Ukraine's foreign policy, to evaluate parameters of its multi-vector nature, which in some cases cannot be achieved by means of historical and descriptive methods.

What are the conclusions that we have arrived at having analyzed Ukraine's voting in the UN General Assembly? The results we have obtained allow us to qualify Ukraine's foreign policy during the period under review as having a multi-vector nature. It is an important conclusion, because, according to the general approach of the Russian literature covering Ukraine's foreign policy, the multi-vector nature of Ukraine's foreign policy is often thrown in doubt, since the entire period of its post-Soviet development the country has been balancing between Russia and Europe. However, that balancing, which has indeed taken place, does not necessarily challenge the fundamental multi-vector nature of Ukrainian foreign policy, but, on the contrary, confirms it, being one of its manifestations. Consequently, we see just another variation of a multi-vector foreign policy, so characteristic of post-Soviet space countries, which attests to various manifestations of that principle from one nation to another, namely in the form of Armenia's complementarity policy, Belarus and Ukraine's multi-vector focus, Russia's Eurasian multi-vector orientation. In other words, over the years of their independent development, the multi-vector tenor has become the key foreign policy principle of former Soviet republics. It speaks about stratification of the post-Soviet space and, as a result, about erosion of the Russian factor that used to dominate that region.

References

Degterev D.A. 2015. "Kolichestvennye metody v mezhdunarodnyh issledovaniyah [Quantitative methods in international studies]." *Mezhdunarodnye processy*. 13 (41): 35-54.

- Degterev D.A. 2017. "Mnogovektornost' vneshnej politiki evropejskih i zakavkazskih stran-chlenov SNG i Gruzii: analiz chlenstva v mezhdunarodnyh organizacijah i golosovaniya v GA OON v 1992-2016 gg [Multi-vector foreign policy of European and Caucasian countries-members of the CIS and Georgia: analysis of membership in international organizations and voting in the UN General Assembly in 1992-2016]." *Paradigmy i istorii obshhestvennogo razvitija*. 6-7: 67-72.
- Degterev D.A., and Kurylev K.P, eds. 2017. *Vneshnjaja politika stran SNG [Foreign policy of the CIS countries]*. Moscow: Aspekt Press. 496 s.
- Degterev. D.A., Degterev, A., Nikulin, M., Oganessian, A. 2014. "Prikladnoj analiz vneshnej politiki stran SNG [Applied analysis of the foreign policy of the CIS countries]." *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. 4: 176-184.
- Interfax-Ukraina. 2016. "Ukraina i Italija obsudili prodolzhenie uchastija VSU v missii NATO v Kovalenko S.A., Smolik N.G. 2014. "Uchastie RUDN v dejatel'nosti Setevogo universiteta SNG [The participation of the RUDN University in the activities of the CIS Networking University]." *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. 4: 207-213.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V. 2018. "Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo pljuralizma postsovetского prostranstva [Quantitative analysis of the phenomenon of geopolitical pluralism of the post-Soviet space]." *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 13 (1): 134-156.
- Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaja E., Rahimov K.H. 2016. "Evrazijskij jekonomicheskij sojuz vo vneshnepoliticheskoy strategii Rossii [The Eurasian Economic Union in the Foreign Policy Strategy of Russia]." *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. 16 (1): 75-86.
- Patsoh O., Raevich T. 2008. "Uchast' Ukraïni v mirotvorchij dijal'nosti Organizacii Ob'ednanih Nacij [Ukraine's participation in the peacekeeping activities of the United Nations]." *Aktual'ni problemy mizhnarodny`x vidnosy`n*. 6: 41-45.
- Voeten E. 2000. "Clashes in the Assembly." *International Organization*. 54 (2): 185-215.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Курьев Константин Петрович, д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, директор Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Ивкина Наталья Викторовна, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

Смолик Надежда Григорьевна, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, РУДН.

Никулин Максим Андреевич, ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of IR of the RUDN University, Director of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Natalia V. Ivkina, PhD in History, senior teacher of the Department of Theory and History of IR of the RUDN University.

Nadezhda G. Smolik, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN.

Maksim A. Nikulin, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

Геополитическое измерение турецко-украинских отношений

В. А. Аватков

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6345-3782, v.avatkov@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты современного турецко-украинского сотрудничества в контексте перерасстановки сил на международной арене и поиска Турцией новых союзников в Черноморском регионе. Целью статьи является анализ приоритетных направлений взаимодействия Турции и Украины в условиях укрепления Анкарой своего влияния на постсоветском пространстве и внешнеполитической переориентации Киева на Запад и государств-членов НАТО. Современная Турция сосредотачивает свое внимание преимущественно на трех ключевых областях сотрудничества: этнокультурной, экономической и военной. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время взаимодействие Турции и Украины во многом можно охарактеризовать как сотрудничество «против» России, нацеленное при этом на достижение разных целей. Турция стремится распространить свое влияние в регионе, Украина – наладить всеобъемлющее сотрудничество с членом Североатлантического блока в рамках своего прозападного курса.

Ключевые слова: Россия, Турция, Украина, Черноморский регион, Крым, крымские татары, экономика, военно-техническое сотрудничество

Для цитирования: Аватков В. А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений. Постсоветские исследования. 2021;4(3):219–225.

Geopolitical Dimension of Turkish-Ukrainian Relations

Vladimir A. Avatkov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6345-3782, v.avatkov@gmail.com*

Annotation: the article examines the aspects of modern Turkish-Ukrainian cooperation in the context of the realignment of forces on the international stage and Turkey's search for new allies in the Black Sea region. The purpose of the article is to scrutinize the main areas of cooperation between Turkey and Ukraine amid Ankara's strengthening of its influence in the post-Soviet space and Kiev's foreign policy reorientation to the West and NATO member states. Modern Turkey mainly focuses on three key areas of cooperation: ethno-cultural, economic, and military. The author concludes that nowadays the interaction between Turkey and Ukraine can be characterized as cooperation "against" Russia. At the same time, the two states pursue different goals: Turkey aims at spreading its influence in the region while Ukraine – at establishing comprehensive cooperation with the member of the North Atlantic alliance within the framework of its pro-Western course.

Keywords: Russia, Turkey, Ukraine, Black Sea region, Crimea, Crimean Tatars, economy, military-technical cooperation

For citation: Avatkov V. A. Geopolitical Dimension of Turkish-Ukrainian Relations. Postsovietskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):219–225. (In Russ.)

В последние несколько лет мировое общество наблюдает укрепление нового – непривычного по составу участников – политического «тандема», представленного Турцией и Украиной. Турецко-украинские связи динамично развиваются, а официальные лица обоих государств со всех трибун заявляют о намерении преумножить достигнутые успехи и развивать двусторонние отношения. Причина такой резкой активизации контактов у каждой из участников этого внезапно возникшего союза своя: если Украина после майданного кризиса по-прежнему пребывает в состоянии внешнеполитической неопределенности и перманентно ищет союзников или как минимум экономических партнеров, то Турция имеет вполне конкретные цели во внешней среде, для достижения которых ей необходимы отдельно взятые государства постсоветского пространства.

Украина является значимым для Турции игроком прежде всего с точки зрения стремления Анкары удовлетворить своих партнеров в англосаксонском мире. На Западе все ощутимее становится недовольство чрезмерной самостоятельностью Турции, которая впредь будет рассматриваться США и другими лидерами западного мира либо как основополагающий элемент группы по дестабилизации постсоветского региона, либо с позиции государства, близкого по своему разряду к так называемым «странам-изгоям» ("rogue states"). Последнее Турцию, страдающую синдромом великодержавности, судя по всему, не устраивает, однако отказываться от своих национальных интересов во имя благополучия западных коллег Анкара также не намерена, что вынуждает ее маневрировать между своими амбициями с одной стороны и интересами влиятельных партнеров с Запада – с другой. Ввиду необходимости убедительного обоснования своей внешнеполитической независимости и – вместе с тем – отчетливого запроса на какой-либо компромисс Турецкая Республика приняла стратегически верное решение обратиться к наиболее близкой к Западу, но в то же время наименее сильной в политической весовой категории стране – Украине.

Расширяя связи с Киевом, Турецкая Республика решает сразу несколько проблем: во-первых, являясь членом Североатлантического блока, она обосновывает свой отход от прозападного курса деятельностью на благо всех союзников по НАТО, а именно – распространением влияния не только на турецкие регионы постсоветского пространства, но и важную для стран Запада с геополитической точки зрения Украину (в действительности укрепляя там собственные позиции); во-вторых, Турция повышает свой авторитет и статус бизнес-партнера, а также выступает в относительно новом для нее амплу поставщика вооружений национального производства.

Говоря о двусторонних связях, стоит подчеркнуть, что в 2021 г. Украина и Турция отметили 29-летие со дня установления дипломатических отношений: 3 февраля 1992 г., спустя год и почти два месяца после распада СССР и выхода Украины из его состава, турецко-украинские отношения получили официальное дипломатическое оформление. В настоящее время Турецкая Республика имеет посольство в Киеве, а также генеральное консульство в Одессе и почетное консульство в Харькове¹. Дипмиссиями на территории Турции, в свою очередь, располагает и украинская сторона. Несмотря на то, что 30-летний юбилей двусторонних отношений государства отметят только в грядущем 2022 г., подвести некоторые итоги турецко-украинской кооперации и тенденции дальнейшего развития сотрудничества представляется возможным уже на данном этапе. Стоит отметить, что за годы взаимодействия Анкара и Киев успели установить определенные связи в различных областях [Циватый 2017:110], и в первую очередь – в экономической и политической с явным перевесом в сторону первой.

Так, помимо редких контактов на высоком и высшем уровнях, фундаментом политических связей стал учрежденный в 2011 г. Стратегический совет высокого уровня, а двусторонние отношения Турции и Украины вскоре были выведены на уровень стратеги-

¹ Türkiye-Ukrayna Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-ukrayna-siyasi-iliskileri_tr.mfa

ческого партнерства. Основу экономического сотрудничества, в свою очередь, преимущественно составил и продолжает составлять туризм – в осложненном пандемией коронавируса 2020 г. Украина уверенно заняла 4 место по туристическому потоку с общим количеством туристов 928 тыс.¹. Вместе с тем, велика роль турецкого малого и среднего бизнеса в экономике Украины: в 2020 г. сумма инвестиций турецких компаний, число которых на территории Украины достигает приблизительно 700, составила 3,6 млрд долл.² В настоящее время государства также нацелены на увеличение товарооборота между странами и доведение объемов внешней торговли до 20 млрд долл.³, а Соглашение о зоне свободной торговли, которое было одним из главных пунктов на переговорной повестке президента Турции и премьер-министра Украины в ходе визита последнего в Турцию в декабре 2020 г.⁴, вероятно, станет одним из главных вспомогательных механизмов на пути к достижению этой амбициозной цели.

Таким образом, с точки зрения экономических отношений современная Украина представляет собой надежный плацдарм для деятельности ряда турецких фирм и компаний. Турецкие предприниматели активно осваивают украинский рынок, наполняя его продукцией и проектами турецкого производства. К примеру, подрядные компании Турции осуществляют на Украине 184 проекта общей стоимостью 6,28 млрд долл.⁵, более того, реализуются различные мероприятия, ориентированные на стимуляцию двусторонней торговли и развитие сотрудничества между представителями бизнеса. Так,

например, в 2017 г. под эгидой турецкого Совета по внешнеэкономическим отношениям прошел Турецко-украинский бизнес-форум, в ходе которого было подписано «Соглашение о доброй воле» между Ассоциацией инженеров-консультантов и архитекторов Турции и Ассоциацией инженеров-консультантов Украины⁶. В ходе такого форума в 2020 г. президент Украины В.А. Зеленский лично обратился к представителям турецких компаний с призывом участвовать в концессионных конкурсах по украинским аэропортам, морским портам и дорогам⁷.

Тем не менее, подобный уровень взаимодействия между Турцией и Украиной наблюдался не всегда. Вплоть до прихода к власти в Турции Р.Т. Эрдогана и динамичного формирования неоосманского внешнеполитического курса турецко-украинские связи были относительно формальны и отличались эфемерностью. В 1990-2000-е гг. Турецкая Республика путем различных «культурно-образовательных» организаций (таких как ТЮРКСОЙ и ТИКА) активно распространяла свое влияние на тюркское население Украины, в первую очередь представленное крымскими татарами [Ирхин, Демешко 2019: 41], а официальный Киев, поглощенный цветными революциями и поиском ресурсов на независимое существование, не сопротивлялся такому «отуречиванию». При этом существенным образом было ослаблено влияние России, которая была занята строительством собственной государственности и уделяла недостаточное количество внимания странам постсоветского пространства. Впоследствии события 2013 г., связанные с процессом евроинтеграции Украины, еще больше отдалили от Киева такие мировые

¹ Турцию за десять месяцев посетили почти два миллиона россиян // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/738452>

² Турецкий бизнес инвестировал в украинскую экономику \$3,6 млрд // Finance.ua. URL: <https://news.finance.ua/ru/news/-/477437/turetskij-biznes-investiroval-v-ukrainskuyu-ekonomiku-3-6-mlrd>

³ «Станет вишенкой». Бизнес о соглашении Анкары и Киева о свободной торговле // TRT. URL: <https://www.trtrussian.com/ekonomika/stanet-vishenkoj-biznes-o-soglashenii-ankary-i-kieva-o-svobodnoj-torgovle-2938045>

⁴ Премьер Украины обсудил с президентом Турции соглашение о зоне свободной торговли // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10135807>

⁵ Türkiye-Ukrayna Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-ukrayna-siyasi-iliskileri_.tr.mfa

⁶ Türkiye-Ukrayna Ekonomik İlişkilerinde Yeni Dönem // Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu. URL: <https://www.deik.org.tr/basin-aciklamalari-turkiye-ukrayna-ekonomik-iliskilerinde-yeni-donem>

⁷ Зеленский приглашает турецкий бизнес участвовать в концессионных конкурсах по украинским аэропортам, морским портам и дорогам // Интерфакс-Украина. URL: <https://interfax.com.ua/news/economic/639062.html>

державы, как Россия и Китай, развернув взгляд украинского истеблишмента в сторону Запада и его ближайших союзников, которым на тот момент являлась в том числе и состоящая в НАТО Турция.

Турецко-украинские отношения в тот период получили дополнительный импульс к развитию. Объединяющим фактором современных Украины и Турции стал вопрос принадлежности Крыма, который в особенности актуализировался в 2014 г. после воссоединения полуострова с Россией, а также последовавший за этим инцидент с Су-24, временно охладивший российско-турецкие отношения и подтолкнувший Турцию к поиску новых союзников. Несмотря на единую позицию по крымской проблематике, оба государства преследуют разные цели, публично отстаивая территориальную целостность Украины и единогласно называя события «Крымской весны» «аннексией» [Ирхин, Нелина 2020: 27]. Так, если для Киева проблема действительно заключается в вопросе территорий, то для Турции – преимущественно в тюркском факторе. Турецкая Республика рассматривает Крым и населяющих его крымских татар, к тому же исповедующих ислам, как неотъемлемую часть «тюркского мира» – туркоцентричной системы международных отношений под своей эгидой, по причине чего считает полуостров и весь Черноморский регион турецкой сферой влияния [Дружиловский 2019: 47].

Интересно отметить, что подобную мысль в определенной степени транслируют и провластные лоббистские группы Украины. К примеру, заместитель министра иностранных дел Украины Э. Джемпар – крымская татарка по происхождению – в 2021 г. в

своем Twitter-посте по случаю очередной годовщины двусторонних отношений стран акцентировала внимание общественности именно на «тюркском наследии» в лице крымских татар, которое, по ее словам, является «залогом турецко-украинской дружбы¹». Помимо «тюркского фактора», определенную роль в турецком антагонизме по поводу Крыма, вероятно, также играет и тлеющий вопрос исторического реваншизма, с определенной периодичностью подогреваемый со стороны националистически настроенных турецких властных элит – именно за эти земли Россия и Турция вели ожесточенные войны на протяжении XVII-XVIII вв., и тот факт, что Турецкая Республика вновь была вынуждена «уступить» Крым России больно ранит амбициозную Анкару и отдельные группы влияния Турции.

Вместе с тем, в рамках данного кейса Турция находится в весьма непростом положении: с одной стороны, у Анкары и Киева появился общий «противник» в лице Москвы по проблематике Крыма, с другой – Турецкая Республика, в отличие от официального Киева, достаточно тесно взаимодействует с Россией по ряду вопросов, в том числе в рамках ОЧЭС, и вынуждена балансировать между двумя сторонами в таком вопросе, где баланс в принципе не представляется возможным. Сегодня Турция во многом демонстрирует «маятниковость»: Р.Т. Эрдоган, к примеру, не раз на официальном уровне подчеркивал, что никогда не признает Крым частью Российской Федерации и выражал обеспокоенность положением крымских татар, но в то же время не способствовал присоединению Турции к международным санкциям против России². Кроме того, лидер Турецкой Рес-

¹ 29 лет дипломатическим отношениям Турции и Украины // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/29-%D0%BB%D0%B5%D1%82-%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BC-%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%8B/2132557>

² Эрдоган в Киеве: осторожные обещания на языке прагматической дружбы // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/%D1%8D%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD-%D0%B2-%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B5-%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B0-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9->

публики не дал однозначного ответа на приглашение В.В. Путина посетить открытие соборной мечети в Симферополе и оценить положение дел в Крыму в реальности¹.

Тем не менее, сегодня Крым является не единственной точкой соприкосновения Турции и Украины. Отдельным направлением двустороннего сотрудничества государств в последние годы стала военная сфера. Ввиду перерасстановки сил на международной арене и планомерного отдаления Турции от Запада ей больше не приходится надеяться на поддержку НАТО в вопросе безопасности, что вынуждает Анкару развивать собственные военные технологии и искать рынки сбыта для своих вооружений. Одним из таких рынков стала Украина, которая после прихода к власти П.А. Порошенко активизировала процесс ликвидации российских вооружений и переориентации вооруженных сил на технику стран-членов Североатлантического альянса.

Достижением П.А. Порошенко на этом направлении стала поставка Украине партии турецких боевых беспилотных летательных аппаратов Bayraktar TB2 в 2019 г.². Тогда в распоряжение ВСУ было передано 6 беспилотников такого типа, а также 200 высокоточных ракет³. В марте 2021 г. стало известно о том, что Министерство обороны Украины провело учения в акватории Чер-

ного моря (близ побережья Херсонской области), в ходе которых были отработаны задачи по маневрированию с использованием приобретенных ранее турецких беспилотников⁴. Однако особый импульс к развитию военной сфера турецко-украинского взаимодействия получила в период президентства В.А. Зеленского.

По итогам визита Р.Т. Эрдогана в Киев в феврале 2020 г. между сторонами было подписано важное для Киева Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, согласно которому Турецкая Республика обязалась предоставить Вооруженным силам Украины 200 млн турецких лир на покупку техники турецкого производства⁵. В октябре 2020 г., в ходе визита в Турцию президента Украины, стороны заключили рамочное военное соглашение между правительствами государств, а министр обороны Украины и председатель Государственного агентства по вопросам оборонной промышленности Турции подписали меморандум о намерениях в сфере оборонно-промышленных проектов⁶. В декабре того же года стороны заключили соглашение о передаче технологий и совместном производстве ударных БПЛА и корветов для нужд украинской армии⁷. Кроме того, стало известно о подписании николаевским судостроительным заводом «Океан» и одной из турецких государственных оборонных компаний документа о поставках для Украины

%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B1%D1%8B/a-40888884

¹ В Кремле напомнили о приглашении Эрдогану приехать в Крым // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/5e3806d89a79478ff5c043f3>

² Турция поставила в Украину БПЛА Bayraktar // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0-%D0%B2-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%83-%D0%B1%D0%BF%D0%BB%D0%B0-bayraktar/1410927>

³ Турция завершила поставки беспилотников Bayraktar TB2 на Украину // Судоходство. URL: <https://sudohodstvo.org/turtsiya-zavershila-postavki-bespilotnikov-bayraktar-tb2-na-ukrainu/>

⁴ Украина провела учения с турецкими БПЛА Bayraktar над Черным морем

// ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11011145>

⁵ Визит Эрдогана в Украину: о чем договорились Анкара и Киев

// Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%82-%D1%8D%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B2-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%83-%D0%BE-%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%8C-%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0-%D0%B8-%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%B2/a-52246560>

⁶ Украина и Турция подписали новое военное соглашение // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9742159>

⁷ Турция будет производить для армии Украины корветы и ударные беспилотники // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10254791>

надводных кораблей¹. Турции подобная сделка нужна в первую очередь для закрепления своих позиций в акватории Черного моря, Украине, в свою очередь, – для поддержания статуса морской державы, которой она себя считает. Особую важность в данном контексте приобретает тот факт, что в СМИ все чаще появляется информация о намерении Украины закупить у Турции еще 5 ударных БПЛА Bayraktar TB2 прежде всего в целях осуществления разведки вдоль российских границ², которые теперь будут «патрулироваться» турецкой техникой в лице украинской армии как с воздуха, так и с воды.

Таким образом, в настоящее время Турецкая Республика распространяет свое влияние в отношении Украины на трех ключевых для нее направлениях: этническом – за счет крымских татар, проживающих на территории этой страны и солидарных с Турцией по крымскому вопросу; экономическом – путем внедрения на украинский рынок турецких компаний, фактически «захвативших» сохранившееся после распада СССР украинское производство и ставящих Украину в прямую зависимость от своей продукции; и военном – прежде всего посредством предложения Киеву выгодных с финансовой точки зрения компромиссов и тем самым планомерного переориентирования Украины на турецкие вооружения. При этом можно предположить, что в среднесрочной перспективе Украина, наряду с Азербайджаном и еще несколькими тюркскими государствами, вероятно, станет одной из тех стран постсоветского пространства, которые почти полностью перейдут на оснащение своей армии турецкой техникой.

Для России данная ситуация представляется опасной не столько с точки зрения того, что ближайший геополитический сосед Москвы полностью отказался от российской военной-техники, сколько по причине военного сближения Украины с «восточным» членом НАТО. Россия, Украина и Турция являются одними из главных игроков Черноморского пространства, и в интересы Российской Федерации не входит появление в реги-

оне антироссийски настроенных военно-политических союзов, контуры одного из которых сегодня уже формируются по линии Анкара – Киев. При этом стоит отметить, что такого рода положение дел соответствует интересам Великобритании, США и представителям западного мира в целом, которые реализуют свои планы по дестабилизации региона руками Турции, и, подобно тому, как Турецкая Республика видит в Киеве «младшего партнера» для осуществления своих амбиций, страны Запада также рассматривают Анкару в качестве проводника своих региональных интересов.

Вместе с тем, современное взаимодействие Турецкой Республики и Украины во многом обусловлено общими проблемами, так или иначе связанными с Россией: среди них и транспортировка российского газа, и проблематика Крыма, и вопрос лидерства в Черноморском регионе, к которому оба государства, имея радикально разные ресурсы и возможности, все же стремятся. По этой причине при выстраивании своей внешнеполитической линии Москве необходимо учитывать тот факт, что, несмотря на тесное стратегическое российско-турецкое партнерство, Турция и Украина в целом сотрудничают «против» России, при том что каждая из стран ведет игру в своих интересах.

Турция, вероятно, сама того не осознавая, выполняет структурную роль в формирующейся вокруг России дуги нестабильности по линии США – Великобритания – Япония, которая в условиях роста негатива в отношении Российской Федерации будет только усиливаться. В этой связи стоит отметить, что Турция может как напрямую вовлекаться в процесс региональной дестабилизации, так и косвенно задавать курс «управляемому хаосу» на постсоветском пространстве за счет других игроков, главным претендентом на роль которого сегодня выступает именно Украина. Кроме того, необходимо учитывать, что в отношении Киева Турецкая Республика заведомо преследует долгосрочные цели, и за повышенным интересом Ан-

¹ «Мы сможем топить их корабли». Турция и Украина заключили новую сделку // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201230/vmsu-1591424504.html>

² Украина раскрыла цели турецких Bayraktar TB2 вдоль границ России // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2020/11/28/bayraktartb2/>

кары к некогда дружественной России Украине скрываются более масштабные планы чем простое сотрудничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дружиловский С.Б.* Проблемы безопасности в российско-турецких отношениях // Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность / [отв. ред. О.В. Буторина] – 2019. – М. : ИЕ РАН. – С. 45-50.
- Ирхин А.А., Демешко Н.Э.* Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы. – 2019. – № 3. – С. 37-49.
- Ирхин А.А., Нелина Л.П.* Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренция региональных держав после 2014 года // Причерноморье. История, политика, культура. – 2020. – № 29. – С. 21-27.
- Циватый В.Г.* Украина–Турция: политико-дипломатический диалог геополитических соседей начала XXI века (институциональное измерение) // Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – № 4 (2). – С. 109-117.

REFERENCES

- Druzhilovskii S.B.* Security Issues in Russian-Turkish Relations // The Wider Black Sea Region: Politics, Economy, Security / [Ed. O.V. Butorina] – 2019. – Moscow : IE RAS. – Pp. 24-50.
- Irkhin A.A., Demeshko N.E.* The Crimean aspect of Russian-Turkish relations: factors of "soft and hard power" // Perspectives and Prospects. – 2019. – Vol. 3. – Pp. 37-49.
- Irkhin A.A., Nelina L.P.* Russia and Turkey in the Black Sea Region: Dialectics of Cooperation and Rivalry of the Regional Powers after 2014 // The Black Sea region. History, politics, culture. – 2020. – № 29. – Pp. 22-29.
- Tsivatiy V.G.* Ukraine–Turkey: the Political and Diplomatic Dialogue of the Geopolitical Neighbors Beginning of the XXI century (the institutional dimension) // Post-Soviet Issues. – 2017. – № 4 (2). – Pp. 109-117.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аватков Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук.

Vladimir A. Avatkov, PhD in Political Science, Senior researcher at the Center for post-Soviet studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO).

Украина, Турция, Великобритания: контуры сотрудничества, риски и возможности для России

В. А. Чмырева

*Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8643-2872, vera1305@mail.ru*

Аннотация. В настоящее время происходит фундаментальная трансформация украинского государства и общества: при поддержке Лондона и Анкары Украина встраивается в сообщество евроатлантических государств, что позволяет специалистам говорить о неформальном альянсе трех стран, форсированном крымскими событиями 2014 г. и отличающемся ярко выраженной антироссийской направленностью. Вопрос о вхождении Крыма в состав РФ представляется идейным базисом украинской внешнеполитической стратегии, который способен выстроить в краткосрочной перспективе архитектуру взаимоотношений Украины с западными партнерами как в контексте политического и правового давления на Россию, так и в части поддержки украинских экономических интересов. Очевидно, вопросы признания легитимности референдума 2014 г. будут перманентно появляться на международной повестке, что не только дискредитирует потенциал глобальной внешнеполитической активности РФ, но и нивелирует успех приоритетных российских инициатив в странах ближнего зарубежья. Учитывая, что актуальная евроатлантическая повестка Украины является результатом планомерного развития страны в течение нескольких последних десятилетий, с позиции интересов России целесообразно акцентироваться не на вызовах, которые возникают для РФ, а на возможностях нивелирования антироссийских настроений и формирования международной повестки с учетом российских политических и экономических интересов. Как показывает внешнеполитическая практика, ни Лондон, ни Анкара не пересекают красные линии во взаимоотношениях с Москвой: несмотря на антироссийскую риторику, стороны не исключают возможности двустороннего диалога с Россией по любым вопросам международной повестки. В этом контексте актуальная задача России – сбалансированная многовекторная внешняя политика и конструктивный диалог со всеми заинтересованными сторонами; необходимо инициирование сетевых процессов, направленных на гармонизацию социально-политического и экономического пространства в регионе с целью нивелирования эскалации вокруг Крыма и включения полуострова в международную экономическую повестку с учетом интересов РФ.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, Украина, Турция, Великобритания, стратегическое партнерство, ЕАЭС.

Для цитирования: Чмырева В. А. Украина, Турция, Великобритания: контуры сотрудничества, риски и возможности для России. Постсоветские исследования. 2021;4(3):226–233.

Ukraine, Turkey, Britain: Contours of Interaction, Challenges and Opportunities for Russia

Vera A. Chmyreva

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow Russia
ORCID: 0000-0001-8643-2872, vera1305@mail.ru*

Abstract. Nowadays we observe a fundamental transformation of the Ukrainian state and society. The dynamic of Ukraine's strengthening relations with Turkey and Great Britain attracts close experts' attention bringing up a question of an informal alliance among the three states. Bilateral relations within the «triangle» have been steadily developing over the past two decades and after the Crimean events of 2014 are noticed for a pronounced anti-Russia stance, developing amid the narrative of the «Russian threat». It is obvious that the legitimacy of the Crimean referendum will be permanently present on the international agenda since it has already become an ideological basis of Ukraine's

foreign policy strategy, forming the architecture of its relations with partners. On the one hand, this makes it possible to exert political and legal pressure on Russia, on the other, to support its own economic interests driven by the foreign policy rhetoric about the “illegal annexation” of the peninsula. Furthermore, the efforts of Ukrainian diplomacy supported by its partners have already brought the Crimean case to the international level. Russia is facing new challenges and dangerous tendencies in the Black Sea region, at the same time, if there is a challenge, there is an opportunity. Both London and Ankara do not rule out the possibility of bilateral dialogue and do not cross red lines in their relations with Moscow. At the same time, Russian ongoing strengthening in the Black Sea Region is not advantageous to any of the parties, and in this context the Crimean issue will be present on the international agenda as a paradigm of Ukrainian foreign policy strategy and an effective instrument of containing Russia. From this perspective, it is required to launch various network processes in order to harmonize socio-political and economic space in the region and to make steps on reducing tensions over Crimea to include the peninsula in the international economic agenda from the perspective of the Russian priorities.

Key words: foreign policy, Russia, Ukraine, Turkey, Great Britain, strategic partnership, EEU.

For citation: Chmyreva V. A. Ukraine, Turkey, Britain: Contours of Interaction, Challenges and Opportunities for Russia Postsovietkie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):220–227. (In Russ.)

Динамично развивающиеся отношения Украины с Турецкой Республикой и Великобританией привлекают пристальное внимание российского экспертного сообщества, а сопряжение интересов трех стран в контексте евроатлантической повестки Украины позволяют специалистам говорить о складывающемся неформальном альянсе Украины, Турции и Великобритании, форсированном крымскими событиями 2014 г. и отличающемся ярко выраженной антиросийской направленностью. Очевидно, вопросы признания легитимности референдума 2014 г. и вхождения Крыма в состав России будут перманентно появляться на международной повестке, что не только дискредитирует потенциал глобальной внешнеполитической активности РФ, но и нивелирует успех приоритетных российских инициатив в странах ближнего зарубежья. В этом контексте актуальная задача России – сбалансированная многовекторная внешняя политика и конструктивный диалог со всеми заинтересованными сторонами с целью нивелирования антиросийских настроений и интеграции Крыма в международные политические и экономические отношения с учетом интересов России.

Динамика украинско-турецких отношений и интересы России. Отношения между Украиной и Турцией прогрессируют с 2014 г. на фоне политической риторики о необходимости укрепления обороны и противодействия «росийской угрозе». На волне кризисной конфронтации 2014 г. Турецкая республика заняла официальную позицию Запада и признала незаконность проведенного в Крыму референдума. В настоящее время турецко-украинское стратегическое партнерство укрепляется, и провокационная риторика конвертируется в наращивание политического, экономического, военно-технического сотрудничества между странами.

Важным событием, создавшим правовые основы для расширения украинско-турецкого партнерства, стало подписание Рамочного военного соглашения между Кабинетом Министров Украины и Правительством Турецкой Республики (16 октября 2020 г.)¹.

Продолжается институционализация формата трехстороннего взаимодействия вооруженных сил Украины, Турции и НАТО в Черноморском регионе: развиваются масштабные инфраструктурные проекты, совместные проекты в военно-технической сфере с целью внедрения современных

¹ Украина и Турция подписали военное соглашение/ Газета.Ru 16.10.2020 г. URL: https://www.gazeta.ru/army/news/2020/10/16/15091045.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

технических решений в соответствии с международными стандартами НАТО; активизируются военные учения в акватории Черного моря. Официальный представитель НАТО О. Лунгеску в январе 2021 г. заявила, что «Черное море имеет стратегическое значение для НАТО. Три союзника – Болгария, Румыния и Турция – являются прибрежными государствами, а Грузия и Украина – близкими партнерами. В ответ на незаконную и противоправную аннексию Россией Крыма и продолжающееся наращивание ею военной мощи в Черном море Североатлантический союз увеличил свое оборонительное присутствие в регионе...»¹. Украина является важнейшим звеном в процессе укрепления оборонного партнерства НАТО и потенциала сдерживания России; в июне 2020 г. Украина получила статус партнера НАТО с расширенными возможностями, который подразумевает углубление сотрудничества между государствами-членами и партнерами Альянса². Турецкая Республика заявила о готовности содействовать Украине в достижении критериев членства в Альянсе³.

Анкара стремится развивать многовекторные отношения с Киевом: поддерживает международную украинскую инициативу «Крымская платформа», приветствует намерение Украины присоединиться к Организации исламского сотрудничества (ОИС) в качестве государства-наблюдателя, поддерживает украинский интерес к взаимодействию с Советом сотрудничества тюркоязычных государств, или Тюркским советом⁴, способствуя, таким образом, интернационализации крымской повестки. И этот вопрос требует особого внимания России: в состав Тюркского совета (ТС) входят два государства

члена Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Казахстан и Киргизия, а Узбекистан (член ТС) в 2020 г. получил статус наблюдателя в ЕАЭС. Исходя из того, что долгосрочная повестка ТС нацелена на создание общей зоны безопасности, единого политико-экономического и культурного пространства между тюркскими государствами, а также учитывая членство Турции в НАТО, а Казахстана и Кыргызстана в ОДКБ, поиск компромиссных политических и экономических решений с целью сопряжения интересов ЕАЭС и ТС – актуальная задача российской дипломатии, которая уже доказала свою эффективность в решении острых международных кризисов и создала предпосылки для формирования новых интеграционных процессов в регионе.

Украина и Турция не только развивают новые направления, но и запускают новые форматы сотрудничества: в декабре 2020 г. президент Украины В. Зеленский провел встречу с министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу и министром национальной обороны Х. Акаром по формуле «два плюс два» (новый формат ежегодных двусторонних встреч с участием министров иностранных дел и министров обороны – «Квадрига»)⁵. Стороны отметили особое значение стратегического партнерства между Киевом и Анкарой, в том числе, в вопросах поддержания положительной динамики в торговой, оборонной и военно-технической сферах. Дополнительно, Анкара подтвердила неизменность позиции в отношении Крыма и готовность активно участвовать в защите прав крымскотатарского народа.

Турция успешно сочетает украинский и российский векторы в своей внешней

¹Корабли и самолеты стран НАТО патрулируют Черное море/ Официальный сайт Организации североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_180887.htm?selectedLocale=ru

²НАТО признает Украину в качестве партнера с расширенными возможностями/ Официальный сайт Организации североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_176327.htm?selectedLocale=ru

³ Совместное заявление по результатам встречи Президента Украины Владимира Зеленского и Президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана/ Официальное интернет-представительство

Президента Украины. 16 октября 2020 г. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/spilna-zayava-zarezultatami-zustrichi-prezidenta-ukrayini-v-64661>

⁴Там же/ URL: <https://www.president.gov.ua/en/news/spilna-zayava-zarezultatami-zustrichi-prezidenta-ukrayini-v-64661>

⁵Президент Украины встретился с министром иностранных дел и министром национальной обороны Турции/ Официальное интернет-представительство Президента Украины. 18 декабря 2020 г. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/prezident-ukrayini-zustrivsyaz-ministrom-zakordonnih-sprav-65657>

политике. Развиваются перспективные политические, экономические, энергетические российско-турецкие проекты, сотрудничество в области безопасности. Москва и Анкара планомерно движутся к установлению прочных связей, выстраивая новую архитектуру безопасности в зоне витальных интересов РФ. (Показательно открытие в январе 2021 г. в Азербайджане Совместного российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня в районе Нагорного Карабаха)¹.

Все это открывает для России новые возможности, учитывая, что всестороннее сотрудничество с государствами ЕС и НАТО имеет для Украины стратегический характер и направлено на укрепление независимости страны, что отмечено в украинской Стратегии национальной безопасности². Дело в том, что Украина никогда не являлась приоритетом евроатлантической повестки, но была перманентно вовлечена в процесс моделирования и корректировки отношений Запада с Россией. Турция, напротив, несмотря на сложности евроинтеграционного процесса, никогда не утрачивала собственной стратегической важности для евроатлантических партнеров и вплоть до настоящего времени является союзником самоценным. В этом контексте для России Турция – важнейший партнер и единственный представитель Североатлантического альянса, способный выступить в роли медиатора между Россией и Западом, а также Украиной, как в крымском вопросе (в процессе интеграции Крыма в международные политические и экономические процессы), так и в контексте нивелирования рисков военного присутствия НАТО в регионе.

Крымский вопрос является краеугольным камнем внешнеполитической повестки Турции: на официальном уровне перманентно озвучивается поддержка в отношении крымских татар и констатируется

нелегитимность референдума 2014 г. [Чмырева 2020: 132]. Р. Эрдоган акцентирует особое значение Крыма в истории Турции, подчеркивая, что Анкара никогда не признает вхождение Крыма в состав РФ, в то же время – дистанцируется от открытой критики действий Москвы и поддержания антироссийских санкций; вопрос Крыма де-факто выведен за рамки российско-турецкого переговорного процесса. Одновременно, используя комплекс политических, экономических, гуманитарных и культурных инструментов в рамках «предприимчивой» внешней политики³, Анкара продолжает участвовать в процессах формирования национального самосознания и этнокультуры крымских татар, укрепляя собственные позиции в регионе, а также – наращивает сотрудничество с Великобританией, что отражается, в том числе, на украинском направлении, и требует особого внимания РФ.

«Золотая эра» британо-турецких отношений. На протяжении последнего десятилетия Великобритания и Турция демонстрируют общность экономических, политических и военных интересов, а лидеры обеих стран называют нынешний период «золотой эрой двусторонних отношений»⁴, что позволяет экспертам констатировать становление британо-турецкого альянса.

Соглашение о стратегическом партнерстве между странами, традиционная поддержка Лондоном турецкого евроинтеграционного процесса, демонстрация солидарности с официальной Анкарой после неудавшегося государственного переворота в Турции в 2016 г., поддержка политического режима президента Р. Эрдогана, сдержанная позиция Королевства в отношении военных операций Турции против курдских вооруженных формирований в Сирии, финансирование Лондоном гуманитарных проектов в зоне военных действий и поддержка сирийских беженцев

¹ См.: Открытие совместного российско-турецкого центра по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта/ Официальный сайт Министерства обороны РФ. URL: http://mil.ru/russian_peacekeeping_forces/media/photo/gallery.htm?id=87226@cmsPhotoGallery

² Стратегія національної безпеки України/ Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/392/2020?lang=ru#Text>

³Предприимчивая и гуманная внешняя политика Турции/ Официальный сайт Министерства иностранных дел Турецкой республики. URL: <http://www.mfa.gov.tr/russian.en.mfa>

⁴Relations between Turkey and the United Kingdom/ Официальный сайт Министерства иностранных дел Турецкой республики. URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-the-united-kingdom.en.mfa>

на территории Турции, тесное военно-оборонное сотрудничество между странами, подписание Соглашения о свободной торговле и др. – все это знаменует «золотую эру» двусторонних отношений¹. Назначение на пост главы британской внешней разведки МИ-6 экс-посола в Турции Р. Мура в 2020 г. может способствовать укреплению турецкого направления в британской внешнеполитической стратегии и практике².

В перспективе следует ожидать не только усиление торгово-экономического и военно-политического сотрудничества между странами, но и сближение британо-турецких геополитических интересов в Черноморском регионе, что требует внимания России, учитывая антироссийскую направленность актуальной трансатлантической повестки. Одновременно, учитывая Соглашение о выходе Великобритании из ЕС, Россия получает возможность выстраивания новой конфигурации отношений с Соединенным Королевством. Примечательно, что с 1 января 2021 г. вступило в силу решение Великобритании об открытии портов крымского полуострова для британских судов (на основании генеральной лицензии Управления Казначейства её Величества по применению финансовых санкций³). Начало заявленного взаимодействия с Крымом позволяет прогнозировать изменение внешнеполитической конъюнктуры в

отношении РФ, в частности, по крымскому вопросу, и возможность выстраивания новых двусторонних партнерств.

Актуальная динамика отношений между Великобританией и Украиной. Позиция Великобритании по вопросу о вхождении Крыма в состав России отражена в статье премьер-министра Б. Джонсона, опубликованной в феврале 2018 г.: это «первая насильственная аннексия территории европейского государства... с 1945 г.» и «нарушение норм международного права»⁴. Сохранение санкций в отношении РФ видится представителю лондонского истеблишмента необходимым и обоснованным, однако, учитывая, что Великобритания и Россия являются постоянными членами Совета Безопасности ООН и несут особую ответственность за международный мир и безопасность, отношения с РФ, по мнению Б. Джонсона, следует развивать по формуле «взаимодействуй, но проявляй осторожность»⁵. Очевидно, открытие крымских портов для британских судов вписывается в обозначенную формулу взаимодействия.

В октябре 2020 г. состоялся знаковый визит украинской делегации во главе с президентом В. Зеленским в Великобританию⁶. Стороны подписали Соглашение о политическом сотрудничестве, свободной торговле и стратегическом партнерстве, открывшее новую страницу в британо-украинских

¹См.: UK-Turkey relations and Turkey's regional role/ Официальный сайт Парламента Великобритании. URL:

<https://publications.parliament.uk/pa/cm201012/cmselect/cmcaff/1567/156706.htm#:~:text=The%20former%20Prime%20Minister%2C%20Rt%20Hon%20Gordon%20Brown,restated%20and%20renewed%20commitments%20made%20three%20years%20earlier;The%20UK's%20humanitarian%20aid%20response%20to%20the%20Syria%20crisis/> Официальный сайт Парламента Великобритании. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/944596/UK_Syria_Crisis_Response_Summary_07.12.2020_FCDO_.pdf; Free trade agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Republic of Turkey/ Официальный сайт Парламента Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ukturkey-free-trade-agreement>

²«Держать руку на пульсе»: почему МИ-6 возглавил бывший посол в Турции/ Газета.Ru 02.08.2020 г. URL:

https://www.gazeta.ru/politics/2020/07/31_a_13172023.shtml

³Office of Financial Sanctions Implementation HM Treasury. General license INT 2020/059/. Официальный сайт Парламента Великобритании. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/949118/General_licence_-_INT.2020.059_-_Publication_Notice.pdf

⁴ Boris Johnson – 2018 Article on Fourth Anniversary of Crimean Annexation/ Political Speech Archive. February 24, 2018. URL:

<http://www.ukpol.co.uk/boris-johnson-2018-article-on-fourth-anniversary-of-crimean-annexation/#:~:text=Below%20is%20the%20text%20of%20the%20article%20released,Kremlin%20and%20resolved%20to%20seize%20Crimea%20from%20Ukraine>

⁵Там же.

⁶Отмечаем новую главу в отношениях между Украиной и Великобританией/ Официальное интернет-представительство Президента Украины. 8 октября 2020 г. URL:

<https://www.president.gov.ua/ru/news/vidznachayemovnu-glavu-u-vidnosinah-mizh-ukrayinoyu-ta-vel-64405>

отношениях¹. В ходе официальных мероприятий были достигнуты договоренности об усилении сотрудничества в военной и военно-технической сферах, о модернизации военно-морских сил Украины в соответствии со стандартами НАТО и о строительстве соответствующей портовой инфраструктуры; также – о получении кредитных гарантий для развития торговых контрактов и инвестиционных проектов, закрепленные в Меморандуме о намерениях по развитию и укреплению военно-морского флота Украины². Обозначенный документ закрепил политическое решение о развитии украинского судостроительного потенциала (в г. Николаев), восстановлении объектов военно-морской базы Украины в Азовском и Черном морях и создании морской флотилии Украины при поддержке Департамента гарантирования экспортных кредитов Великобритании.

Таким образом, в настоящее время осуществляется программа встраивания Украины в европейское морское сообщество: создается украинский морской кластер, и иностранные инвесторы изучают возможности долгосрочных проектов строительства гражданских и военно-морских кораблей на Украине³.

Показательно, что вскоре после встречи с Б. Джонсоном и подписания Соглашения с Великобританией, В. Зеленский посетил Стамбул и провел переговоры с президентом Турции Р. Эрдоганом, в ходе которых стороны подтвердили необходимость скорейшего заключения Соглашения о свободной торговле между Украиной и Турцией⁴.

Британская программа помощи Украине на период 2020-2021 гг. в полной мере отражает основные направления сотрудничества между странами⁵. На основании различных стратегических планов и оперативных программ с привлечением британских и европейских целевых фондов (среди прочих – Целевой фонд технической помощи Восточного партнерства, Агентство USAID, Европейский банк реконструкции и развития) правительство Соединенного Королевства активно поддерживает и финансирует евроатлантическую повестку Украины; участвует в реформировании системы управления в стране, финансового сектора, трудового законодательства, системы здравоохранения, украинских СМИ; поддерживает украинские международные инициативы (Крымская платформа, Конференция по реформам на Украине и др.). Показательно, что первое заседание Конференции по реформам на Украине с участием представителей более чем из 30 стран, а том числе Турции, состоялось под эгидой британского правительства в Лондоне 6 июля 2017 г. Одновременно Великобритания поддерживает мирное урегулирование конфликта на юго-востоке Украины на основе Минских соглашений, приветствует работу «Нормандской четверки» и Трехсторонней контактной группы⁶.

После выхода из ЕС Лондон заинтересован в перезапуске отношений со всеми партнерами, в создании надежных торгово-экономических и военно-политических партнерств, обеспечивающих сохранение британских национальных интересов в

¹ Political, Free Trade and Strategic Partnership Agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Ukraine/ Официальный сайт Парламента Великобритании. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/934935/CS_Ukraine_1.2020_UK_Ukraine_Political_Free_Trade_Strat_Partner_Agreement.pdf

² См.: UK programme assistance to Ukraine in 2020-2021. A list of projects funded by the UK government in Ukraine in 2020-2021/ Официальный сайт Парламента Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-programme-assistance-to-ukraine-in-2020-2021>

³ См.: Ukrainian maritime cluster / Официальный сайт МКУ. URL: <https://maritimeukraine.com>

⁴ Украина заинтересована в расширении круга турецких компаний, привлеченных к реализации

программы «Большое строительство» – Владимир Зеленский/ Официальное интернет-представительство Президента Украины. 16 октября 2020 г. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/ukrayina-zacikavlena-u-rozshirenni-kola-tureckih-kompanij-za-64673>

⁵ UK programme assistance to Ukraine in 2020-2021. A list of projects funded by the UK government in Ukraine in 2020-2021/ Официальный сайт Правительства Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-programme-assistance-to-ukraine-in-2020-2021>

⁶ Russia's ongoing aggression against Ukraine and illegal annexation of Crimea: UK statement/ Официальный сайт Правительства Великобритании. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/russias-ongoing-aggression-against-ukraine-and-illegal-annexation-of-crimea-uk-statement>

Черноморском регионе, и в этом контексте Соединенное Королевство открыто к экономическому диалогу с Россией. В опубликованном в феврале 2021 г. руководстве «Бизнес-риски в России» отмечена актуальная привлекательность российского рынка для Королевства, несмотря на политическую напряженность, а также – возможность инвестиционного сотрудничества в ряде секторов российской экономики (энергетика, финансы, потребительские товары, машиностроение и др.) и сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Выводы и заключения. Вопрос о вхождении Крыма в состав РФ представляется идейным базисом украинской внешнеполитической стратегии, который способен выстроить в краткосрочной перспективе архитектуру взаимоотношений Украины с западными партнерами как в контексте политического и правового давления на Россию, так и в части поддержки собственных экономических интересов за счет внешнеполитической риторики о «незаконной аннексии» полуострова. Учитывая, что актуальная евроатлантическая повестка Украины является результатом планомерного развития страны в течение нескольких десятилетий, с позиции интересов России целесообразно акцентироваться не на вызовах, которые возникают для РФ, а на возможностях нивелирования антироссийских настроений и формирования международной повестки с учетом российских политических и экономических интересов.

Как показывает внешнеполитическая практика, ни Лондон, ни Анкара не пересекают красные линии во взаимоотношениях с Москвой: несмотря на антироссийскую

риторику, стороны не исключают возможности двустороннего диалога с Россией по любым вопросам международной повестки. Говорить о становлении неформального альянса между Украиной, Турцией и Великобританией в настоящее время не представляется возможным. Исходя из вышесказанного, речь идет об общности тактических интересов, связанных с проекцией влияния каждой из сторон на Черноморский регион, исходя из собственных торгово-экономических и геополитических целей. При этом активизация внешнеполитического и экономического сотрудничества между странами способствует интернационализации региона и, в частности, крымской повестки, и требует особого внимания России.

Стратегия военного доминирования без учета актуальных процессов интенсификации международного сотрудничества в регионе в перспективе может представлять значительные риски для России, притормозить развитие интеграционных проектов, концептуальную основу которых составляет российская инициатива формирования Большого Евразийского партнерства, рассчитанная на длительную перспективу¹. Фокусом внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности России должна стать активация сетевых процессов в Черноморском регионе, направленных на включение Крыма в международную экономическую повестку с учетом интересов РФ (в том числе, посредством многосторонних проектов в рамках ЕАЭС) и гармонизацию социально-политического и экономического пространства в регионе с целью нивелирования эскалации вокруг Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель-Observer. – 2018. – № 11 (346). – С. 38-52.
- Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: Монография / Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — 411 с.
- Внешняя политика стран СНГ: Учеб. Пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 496 с.
- Курылев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе: монография / К. П. Курылев. - Москва: РУДН, 2014. – 530 с.

¹ Основные внешнеполитические итоги/ Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL:

https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3985482

- Курьлев К.П.* Украинский кризис и международная безопасность: монография / К. П. Курьлев. – Москва: Ленанд, 2018. – 272 с.
- Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 400 с.
- Чмырева В.А.* Интересы России в контексте турецко-украинского стратегического партнерства: крымский вопрос // Вопросы национальных и федеративных отношений. Том: 10 Номер: 2 (59) Год: 2020 С. 361-370.
- Чмырева В.А.* Турция: фокус американской аналитики. (Прикладной анализ новейшей историографии США). М.: Издательство «Наука сегодня», 2020. – 158 с.
- Шмелев Б.А.* Россия – Украина: партнерство или конфронтация? Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2020. – 46 с.

REFERENCES

- Avatkov V.A.* Rossiya i Turtsiya: perekhod k politsentricheskoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii // Obozrevatel'-Observer. – 2018. – № 11 (346). – S. 38-52.
- Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki v KHKH veke: Monografiya / Pod red. T.V.Kashirinoi i V.A.Avatkova – M.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K°», 2017. — 411 s.
- Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. Posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt PresS», 2019. – 496 s.
- Kurylev K.P.* Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noi sistemy bezopasnosti v Evrope: monografiya / K. P. Kurylev. - Moskva: RUDN, 2014. – 530 s.
- Kurylev K.P.* Ukrainskii krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost': monografiya / K. P. Kurylev. – Moskva: Lenand, 2018. – 272 s.
- Megatrendy mirovoi politiki i ikh razvitie v XXI veke: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Pod red. M.M. Lebedevoi - M.: Izdatel'stvo «Aspekt PresS», 2019. – 400 s.
- Chmyreva V.A.* Interesy Rossii v kontekste turetsko-ukrainskogo strategicheskogo partnerstva: krymskii vopros // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. Tom: 10 Nomer: 2 (59) God: 2020 S. 361-370.
- Chmyreva V.A.* Turtsiya: fokus amerikanskoi analitiki. (Prikladnoi analiz noveishei istoriografii SSHA). M.: Izdatel'stvo «Nauka segodnYA», 2020. – 158 s.
- Shmelev B.A.* Rossiya – Ukraina: partnerstvo ili konfrontatsiya? Nauchnyi doklad. – M.: Institut ehkonomiki RAN, 2020. – 46 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чмырева Вера Александровна, научный сотрудник, Институт экономики РАН, Научное направление «Международные экономические и политические исследования», Центр постсоветских исследований.

Vera A. Chmyreva, research scientist, The Institute of Economics, RAS, The Department of International Economic and Political Studies, Center for Post-Soviet Studies.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

CONFLICT POTENTIAL

Научная статья / Research article

Украина и конфликт в Нагорном Карабахе

В. М. Шнейдер

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6117-7086, vadiksh92@gmail.com

Аннотация. Нагорно-Карабахский конфликт, являющийся по сути конфликтом между Арменией и Азербайджаном, остаётся актуальной проблемой для всех стран евразийского региона, включая государства постсоветского пространства. В статье проводится анализ позиции Украины по конфликту в Нагорном Карабахе. На эту позицию влияет ряд факторов, связанных с текущим состоянием украинско-армянских и украинско-азербайджанских отношений. Среди ключевых факторов можно выделить политический, экономический и социокультурный. По итогам проведённого анализа автор приходит к выводу о том, что Украина стабильно поддерживает позицию Азербайджана по Нагорно-Карабахскому конфликту. Эта поддержка обусловлена успешным двусторонним сотрудничеством Украины и Азербайджана в экономической и военно-политической сферах, а также связана с эффективным взаимодействием стран на международной арене, в частности, в рамках организации ГУАМ. Поддержка Азербайджана со стороны Украины объясняется и уважением к территориальной целостности Азербайджана, поскольку с точки зрения международного права вся территория Нагорного Карабаха относится к Азербайджану, а Нагорно-Карабахская Республика является непризнанным государством. В то же время, несмотря на стабильную политическую поддержку, Украина отвергает возможность участия в военном конфликте на стороне Азербайджана. Осенью 2020 г. Украина неоднократно призывала стороны к прекращению боевых действий и мирному урегулированию конфликта. На взвешенную позицию Украины во многом влияет социокультурный фактор, который связан с важной ролью армянской диаспоры в общественно-политической жизни Украины и длительной историей гуманитарного сотрудничества между украинским и армянским народами.

Ключевые слова: Украина, Армения, Азербайджан, Нагорно-Карабахский конфликт, двусторонние отношения

Для цитирования: Шнайдер В. М. Украина и конфликт в Нагорном Карабахе. Постсоветские исследования. 2021;4(3):234–241.

Ukraine and Nagorno-Karabakh conflict

Vadim M. Shneyder

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6117-7086, vadiksh92@gmail.com

Abstract. The Nagorno-Karabakh conflict, which is essentially a conflict between Armenia and Azerbaijan, remains an actual problem for all countries of the Eurasian region, including the states of the post-Soviet space. The article analyzes the position of Ukraine on the Nagorno-Karabakh conflict. This position is influenced by several factors related to the current state of the Ukrainian-Armenian and Ukrainian-Azerbaijani relations. Among the key factors are political, economic and sociocultural. Based on the results of the analysis, the author concludes that Ukraine stably supports Azerbaijan's position on the Nagorno-Karabakh conflict. This support relates to the successful bilateral cooperation between Ukraine and Azerbaijan in the economic and military-political spheres and is also associated with the effective interaction of countries in the international arena within the framework of the GUAM organization. Ukraine's support for Azerbaijan is also explained by respect for the territorial integrity of Azerbaijan, since from the point of view of international law, the

entire territory of Nagorno-Karabakh belongs to Azerbaijan, and the Nagorno-Karabakh Republic is an unrecognized state. At the same time, despite stable political support, Ukraine rejects the possibility of participating in the military conflict on the side of Azerbaijan. In the fall of 2020, Ukraine has repeatedly appealed to both sides of the conflict to end hostilities and peacefully resolve the conflict. The balanced position of Ukraine is largely influenced by the sociocultural factor, which is associated with the important role of the Armenian diaspora in the social and political life of Ukraine and the long history of humanitarian cooperation between the Ukrainian and Armenian peoples.

Keywords: Ukraine, Armenia, Azerbaijan, bilateral relations, Nagorno-Karabakh conflict

For citation: Shneyder V. M. Ukraine and Nagorno-Karabakh conflict. *Postsovetskie issledovaniya* = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):234–241. (In Russ.)

Конфликт в Нагорном Карабахе является одним из самых драматичных событий конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве. Историки сходятся во мнении, что важными предпосылками для современного карабахского конфликта послужил ряд событий начала XX в., в первую очередь геноцид армян в Османской империи (1915 г.) и армяно-азербайджанская война (1918–1920 гг.) [Де Ваал, 2005: 179–181]. В 1923 г. была создана Нагорно-Карабахская автономная область, которая вошла в состав Азербайджанской ССР несмотря на то, что большинство населения области составляли армяне. Как пишет в своей книге один из самых известных исследователей конфликта Томас де Ваал, Нагорный Карабах является регионом, который «населен преимущественно армянами и в котором сильны традиции армянского самоуправления», но при этом географически «расположен восточнее естественного рубежа между Арменией и Азербайджаном, и экономически был интегрирован с Азербайджаном» [Де Ваал, 2005: 183]. В 1987 г. делегация карабахских армян передала письмо в Москву с просьбой присоединить Нагорно-Карабахскую область к Армянской ССР. Начиная с 1988 г., конфликт перешёл в острую фазу и сопровождался взаимным насилием. После распада СССР в 1991 г. началась полномасштабная война между самопровозглашённой Нагорно-Карабахской Республикой (которую поддерживала Армения) и Азербайджаном.

Первая Карабахская война закончилась подписанием в 1994 г. Бишкекского протокола и соглашения о прекращении огня. Тем не менее, в последующие годы продолжались локальные столкновения между сторо-

нами на линии соприкосновения. Ситуация существенно обострилась 1 апреля 2016 г., когда произошла эскалация конфликта. При этом известные российские эксперты С. Маркедонов и А. Дубнов подчёркивали, что в обострении ситуации в регионе не заинтересованы ни Россия, ни США, ни ЕС.¹ В результате уже 5 апреля стороны достигли соглашения о прекращении огня. Однако события 2016 г. окончательно показали, что конфликт в Нагорном Карабахе не является замороженным, а дестабилизация ситуации может произойти в любое время. Азербайджан, обладающий более значительными ресурсами, чем Армения, стремился к восстановлению контроля над территориями Нагорного Карабаха, а также семи прилегающих районов. По итогам военных действий, продолжавшихся с 27 сентября по 10 ноября 2020 г., Азербайджан получил контроль над значительной частью спорных территорий. При этом вдоль линии соприкосновения сроком на пять лет (с возможностью продления) располагается миротворческий контингент России. При этом статус оставшейся неподконтрольной Азербайджану территории Нагорного Карабаха (включающей в себя столицу непризнанной Нагорно-Карабахской Республики г. Степанакерт) так и не был определён, что в отдалённой перспективе может снова привести к дестабилизации ситуации в регионе.

События 2020 г. показали, что Нагорно-Карабахский конфликт, являющийся по сути конфликтом между Арменией и Азербай-

¹ Огонь в Закавказье: как размораживается карабахский конфликт // РБК // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2016/56ffb0b29a794764feald779> (дата обращения: 01.03.2021)

джаном, остаётся актуальной проблемой для всех стран евразийского региона, включая государства постсоветского пространства, а также такие страны как Турцию и Иран. В данной статье основное внимание уделено позиции Украины по конфликту в Нагорном Карабахе.

На особенности украино-армянских и украино-азербайджанских отношений влияет ряд факторов. Развитию отношений между Украиной и Азербайджаном во многом способствовало эффективное двустороннее экономическое сотрудничество. После прихода на пост президента Азербайджана Г. Алиева (1993 г.) и подписания «Контракта века» в 1994 г. (соглашение между 13 крупными нефтяными компаниями из 8 государств мира о совместной разработке азербайджанских нефтяных месторождений в Каспийском море) азербайджанская экономика стала показывать устойчивый рост. В Украине экономическая ситуация также стабилизировалась во второй половине 1990-х гг. В результате денежной реформы 1996 г. страна обрела свою национальную валюту – гривну¹ – а дальнейшие экономические реформы повлияли на рост экономики в начале 2000-х гг. Экономический интерес Украины в отношениях с Азербайджаном во многом был связан с возможностью сотрудничества в сфере энергетики. Эффективность взаимодействия в данной сфере отметил в том числе президент Украины Владимир Зеленский по итогам встречи с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым в Баку в 2019 г. В частности, Зеленский отметил эффективную деятельность государственной нефтяной компании Азербайджана SOCAR в Украине и подчеркнул, что руководство Украины будет всячески способствовать работе компании по поставкам нефти и газа, разработке газовых месторождений в Украине и другим взаимовы-

годным проектам.² Помимо этого, ряд инфраструктурных проектов в Украине реализуется с участием азербайджанских инвесторов. Один из примеров – капитальный ремонт участка трассы М-01 «Киев — Чернигов — Новые Яриловичи» протяжённостью 38 км,³ которая является важным транспортным коридором между Украиной и Беларусью. Таким образом, экономические отношения между Украиной и Азербайджаном активно развиваются. По размеру товарооборота Азербайджан находится на 30-м месте среди внешнеэкономических партнёров Украины с годовым показателем более 3,18 млрд долл.⁴ При этом показатели импорта из Азербайджана в Украину превышают показатели экспорта в обратную сторону более чем на 135 млн долл.⁵

Армения по общему размеру товарооборота находится только на 68-м месте в списке внешнеэкономических партнёров Украины с показателем 559 млн долл. При этом более 500 млн долл. приходится на экспорт товаров из Украины в Армению.⁶ Следует отметить, что из стран бывшего СССР Украина имеет меньший объём товарооборота только с Кыргызстаном и Таджикистаном. По данным на 2018 г. основными статьями украино-армянского товарооборота являлись товары агропромышленного комплекса (около 46% в общей структуре импорта и более 50% в структуре экспорта).⁷

² Україна та Азербайджан активізують співпрацю у сфері міжнародних перевезень – Володимир Зеленський // Президент України // [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL:

<https://www.president.gov.ua/news/ukrayina-ta-azerbajdzhan-aktivizuyut-spivpracyu-u-sferi-mizh-58929>

³ Володимир Зеленський провів телефонну розмову з Президентом Азербайджану // Президент України // [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: <https://www.president.gov.ua/news/volodimir-zelenskij-proviv-telefonnu-rozmovu-z-prezidentom-a-63857> (дата обращения: 14.03.2021)

⁴ Показники зовнішньої торгівлі України // Митна служба України України // [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: <https://bi.customs.gov.ua/trade/#/imex> (дата обращения: 14.03.2021)

⁵ Там же.

⁶ Там же

⁷ Торговельно-економічне співробітництво між Україною та Вірменією // Посольство України в Республіці Вірменія [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: <https://armenia.mfa.gov.ua/posolstvo/387->

¹ Про грошову реформу в Україні // Законодавство України // [Електронний ресурс] – Режим доступу: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=762/96#Text> (дата обращения: 02.03.2021)

Таким образом, развитие экономических связей с Азербайджаном представляется для Украины более перспективным, учитывая сотрудничество в стратегически важных для Украины областях (энергетика и развитие инфраструктуры). Экспорт товаров в Армению приносит Украине поступления в бюджет, однако по показателю положительного сальдо товарооборота Армения находится лишь на 32 месте среди всех внешнеторговых партнёров Украины.¹

Украино-азербайджанское взаимодействие в военно-технической сфере было изначально выгодно обеим сторонам. Азербайджан, потерпевший поражение в Первой Карабахской войне, стремился к усилению своего военного потенциала. В то же время Украина, получившая после распада СССР большое количество и военной техники, и вооружений, и технологий, и производственных мощностей, была заинтересована в укреплении своих позиций на рынке оружия и поиске новых покупателей. [Белашенко, Шоджонов 2020: 204] Президент Азербайджана Ильхам Алиев в интервью газете *Le Figaro* в октябре 2020 г. назвал Украину в числе стран, где Азербайджан закупает оружие.²

В свою очередь, для Армении приоритетным направлением военного сотрудничества является взаимодействие со странами-партнёрами по ОДКБ, в первую очередь с Россией. На сайте министерства обороны Армении Украина указана в числе стран, с которыми «в оборонной сфере продолжительно развиваются контакты»,³ однако

примеров реального двустороннего взаимодействия в данной сфере не обнаружено.

Анализируя особенности внутренней политики в Украине и странах-участницах конфликта в Нагорном Карабахе, можно прийти к выводу, что Украина и Армения обладают рядом сходств во внутривнутриполитической ситуации. В обеих странах существует сменяемость власти и отмечается высокая конкуренция среди различных политических сил. При этом страны испытывают и схожие проблемы, в том числе связанные с высоким уровнем коррупции. В рейтинге организации *Freedom House*, которая оценивает уровень политических и гражданских свобод в государствах мира, Украина и Армения в 2020 г. попали в категорию «частично свободных стран» и получили схожие баллы и характеристики. В то же время Азербайджан был признан одной из самых несвободных стран постсоветского пространства (меньше баллов получили только Таджикистан и Туркменистан).⁴

Внутриполитическое сходство Армении и Украины не привело к развитию двусторонних отношений в политической сфере. В то же время во внешнеполитической сфере Украина гораздо активнее взаимодействует с Азербайджаном. Одним из форматов сотрудничества является организация ГУАМ, членами которой, помимо Азербайджана и Украины, являются Грузия и Молдова. Все эти страны объединяет наличие неподконтрольных территорий, и взаимодействие по вопросам урегулирования конфликтов является одной из важных задач организации. Следует подчеркнуть, что страны-участницы ГУАМ поддерживают позиции друг друга в международных спорах, что проявляется, в частности, в голосованиях в ООН. Так, в 2008 г. состоялось голосование по проекту резолюции, предложенной Азербайджаном под заголовком «Положение на оккупированных территориях Азербайджана». В резолюции, в частности было заявлено об «уважении и поддержке суверенитета и территориальной целост-

torgovelyno-jekonomichne-spivrobitnictvo-mizh-ukrajinoju-ta-virmenijeju (дата обращения: 14.03.2021)

¹ Показники зовнішньої торгівлі України // Митна служба України України // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://bi.customs.gov.ua/trade/#/imex> (дата обращения: 14.03.2021)

² Ильхам Алиев дал интервью французской газете «Фигаро» // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ru.president.az/articles/44170> (дата обращения: 14.03.2021)

³ Военно-политическое сотрудничество // Министерство обороны Республики Армения // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://mil.am/ru/pages/39> (дата обращения: 14.03.2021)

⁴ Global freedom status // Freedom House // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://freedomhouse.org/explore-the-map?type=fw&year=2021> (дата обращения: 14.03.2021)

ности Азербайджанской Республики в пределах её международно признанных границ», а также выдвинуто требование «немедленного, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики».¹ Несмотря на то, что все государства-члены ООН де-юре считают Нагорный Карабах территорией Азербайджана (об этом свидетельствует непризнанный статус Нагорно-Карабахской Республики), данную резолюцию поддержали только 39 стран, в том числе все страны-члены ГУАМ. Политическая позиция Украины по конфликту в Нагорном Карабахе и в дальнейшем не претерпела изменений. Так, в октябре 2020 г. министр иностранных дел Украины Д. Кулеба заявил, что Украина всегда поддерживала территориальную целостность Азербайджана.² Подобная позиция Украины вызывала недовольство среди жителей Армении, в частности, в июле 2020 г. представители партии «Дашнакцутюн» провели акцию протеста у посольства Украины в Ереване.³

Отметим, что Азербайджан также фактически поддержал территориальную целостность Украины на голосовании по Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 г.,⁴ в то время как Армения стала одной из 11 стран, не поддержавших резолюцию. В связи с этим можно говорить о стабильной взаимной поддержке Украины и Азербайджана по ключевым для двух стран внешнеполитическим вопросам. Не следует забывать и об активном развитии

украино-турецких отношений, которое наблюдается в последние годы. Учитывая, что Турция фактически является главным военно-политическим союзником Азербайджана, укрепление двусторонних связей Украины и Турции также могло повлиять на позицию Украины по конфликту в Нагорном Карабахе.

Тем не менее, несмотря на однозначную политическую поддержку позиции Азербайджана по Нагорно-Карабахскому конфликту, в ходе войны 2020 г. МИД Украины призывал стороны к прекращению боевых действий и мирному урегулированию конфликта.⁵ Также министр иностранных дел Украины Д. Кулеба заявил, что Украина может выступить в роли посредника между Арменией и Азербайджаном.⁶ В связи с этим широкий резонанс вызвало заявление депутата Верховной Рады Людмилы Марченко, заявившей, что Украина может предоставить военную помощь Азербайджану. Владимир Зеленский сразу же заявил, что Украина не будет оказывать военную поддержку ни одной из сторон конфликта, резко отреагировал на слова депутата и министр внутренних дел Украины А. Аваков.⁷

Причины умеренной риторики руководства Украины в ходе войны в Нагорном Карабахе могут быть связаны с наличием длительных гуманитарных связей с Арменией. На территории современной Украины армяне проживают в течение многих веков. К

¹ Резолюция 62243 Генеральной Ассамблеи ООН // Организация объединённых наций // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/62/243> (дата обращения: 14.03.2021)

² Глава МИД Украины: «Мы всегда поддерживали территориальную целостность Азербайджана» // BBC // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54426568> (дата обращения: 14.03.2021)

³ Посольство Украины в Ереване забросали контейнерами с борщом // BBC // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/07/2020/5f0f22f89a794759232e1344> (дата обращения: 14.03.2021)

⁴ Резолюция 62243 Генеральной Ассамблеи ООН // Организация объединённых наций // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/262> (дата обращения: 14.03.2021)

⁵ Призываем стороны вернуться к диалогу. Заявление МИД Украины о ситуации в зоне карабахского конфликта // Panorama.am // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2020/09/27/%D0%9C%D0%98%D0%94-%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%85/2368249> (дата обращения: 14.03.2021)

⁶ Глава МИД Украины: «Мы всегда поддерживали территориальную целостность Азербайджана» // BBC // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54426568> (дата обращения: 14.03.2021)

⁷ Депутатка “слуги” каже, що Україна за потреби військово підтримає Азербайджан... // Громадське // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://hromadske.ua/posts/deputatka-marchenko-zayavila-sho-ukrayina-za-potrebi-vijskovo-pidtrimaye-azerbajdzhan-avakov-zaperechuye> (дата обращения: 14.03.2021)

примеру, во Львове армяне живут с XIII в., а одна из самых известных достопримечательностей города – Армянская церковь, построенная в XIV в. и входящая в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В XVI–XVII вв. большое количество армян проживало в других западных регионах Украины – Подолье, Буковине. В настоящее время, по данным Переписи населения 2001 г., больше всего армян проживает в восточных и южных регионах Украины – Харьковской, Запорожской, Херсонской, и Николаевской областях.¹ Одной из отличительных особенностей армянской диаспоры в любой стране является сохранение национальных традиций, знание родного языка, а также принадлежность к Армянской апостольской церкви. В постсоветское время на территории Украины был построен ряд церквей (в частности, в Харькове, Херсоне, Одессе и Николаеве). С 2013 г. строится армянский собор в Киеве, который после завершения строительства должен стать крупнейшим армянским храмом Восточной Европы.² Строительство Армянской Апостольской церкви в настоящий момент также идёт в Луцке.³ Инициатором этих проектов стала общественная организация «Союз армян Украины», которая объединяет все действующие в Украине армянские общины. Союз армян Украины активно участвует в общественной жизни различных регионов Украины, а во время войны в Нагорном Карабахе в 2020 г. эта организация вела сбор средств для предоставления гуманитарной помощи в Армению.⁴ Также организация обращается к

истории армянского народа и, в том числе, к самой трагичной её странице – геноциду армян в Османской империи в 1915 г. На официальном уровне Украина не признала геноцид армян и, учитывая тесные экономические и политические связи с Турцией, в ближайшее время позиция руководства страны по этому вопросу, скорее всего, не изменится. Тем не менее, этот вопрос остаётся актуальным для украинского общества. В 2013 г. депутаты Верховной Рады выдвинули законопроект о признании геноцида армян. Соавторами законопроекта стали депутат от «Партии регионов», председатель Союза армян Украины В. Шатворян и депутат от «Батькивщины» (нынешний министр внутренних дел Украины) А. Аваков.⁵ Сегодня А. Аваков является одним из самых влиятельных политиков Украины и, судя по заявлениям в социальных сетях, его позиция по признанию геноцида армян остаётся неизменной.⁶ Проекты постановлений по признанию геноцида армян по-прежнему регулярно вносятся депутатами Верховной Рады, представляющими различные политические силы (например, в 2015 г. инициаторами законопроекта стали представители партий «Блок Петра Порошенко», «Народный фронт», «Оппозиционная платформа» и «Возрождение».⁷

Азербайджанская диаспора также старается принимать участие в общественной жизни Украины. Согласно данным переписи населения, большая часть украинских азербайджанцев проживает в восточных регионах Украины, а также в Киеве. В 2013 г.

¹ Банк даних // Всеукраїнський перепис населення 2001 р. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:

http://database.ukrcensus.gov.ua/MULT/Database/Census/databasetree_uk.asp (дата обращения: 15.03.2021)

² Строительство Армянского Собора в столице Украины вступает в финальную фазу // Aravot Ru // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.aravot-ru.am/2019/12/29/318860/> (дата обращения: 15.03.2021)

³ В Луцке идёт строительство Армянской Апостольской церкви // Союз армян Украины // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.sau.org.ua/sau-news/v-lutske-idet-stroitelstvo-tserkvi> (дата обращения: 15.03.2021)

⁴ Союзом армян Украины продолжается единый сбор средств для помощи в Армению // Союз армян Украины // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.sau.org.ua/ru/sau-news/spilkoju-virmen->

ukrayini-trivaye-yedinij-zbir-koshtiv-dlya-dopomogi-u-virmeniyu (дата обращения: 15.03.2021)

⁵ Почему Украина не признала армянскую трагедию геноцидом // BBC // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/04/150424_ru_s_armenia_ukraine (дата обращения: 15.03.2021)

⁶ Арсен Аваков о Геноциде армян: Безнаказанность порождает новые преступления // News.am // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://news.am/rus/news/574528.html> (дата обращения: 15.03.2021)

⁷ Проект постанови про визнання Геноциду вірменського народу // Верховна Рада України // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54640 (дата обращения: 15.03.2021)

была создана общественная организация «Объединённая диаспора азербайджанцев Украины».¹ Также в стране действует Азербайджанский культурный центр имени М. Магомаева, который принимает участие в различных культурных мероприятиях как на государственном, так и на местном уровнях.² О важности гуманитарного сотрудничества между Украиной и Азербайджаном заявляли и президенты двух стран – В. Зеленский и И. Алиев. В частности, И. Алиев отметил, что во многих учебных заведениях Украины уделяется внимание истории Азербайджана, а также изучению азербайджанского языка.³ Следует подчеркнуть, что успешное взаимодействие между Украиной и Азербайджаном в политической и экономической сферах, безусловно, позитивным образом повлияло и на сотрудничество в сфере культуры. Одним из ярких примеров такого сотрудничества стало открытие в Киеве в 2013 г. уникального общественного пространства – Парка имени Г. Алиева, который был возведён компанией SOCAR.⁴ Растущие инвестиции со стороны Азербайджана в экономику Украины, скорее всего, позволят реализовать и новые проекты в данной сфере.

Таким образом, представляется очевидным, что отношение Украины к конфликту в Нагорном Карабахе во многом зависит от особенностей двусторонних отношений с Арменией и Азербайджаном. На позицию Украины влияют различные факторы, в том числе политический, экономический и со-

циокультурный. По итогам проведённого анализа можно прийти к выводу о том, что Украина стабильно поддерживает позицию Азербайджана. Это связано как с успешным сотрудничеством в военно-политической сфере (в том числе в рамках организации ГУАМ), так и с активно развивающимися двусторонними отношениями в сфере экономики. Поддержка Азербайджана со стороны Украины объясняется и уважением к территориальной целостности Азербайджана, поскольку с точки зрения международного права вся территория Нагорного Карабаха относится к Азербайджану, а Нагорно-Карабахская Республика является непризнанным государством. В то же время в ходе войны 2020 г. политическая поддержка не трансформировалась в военное сотрудничество. Напротив, Украина призвала стороны к прекращению боевых действий и мирному урегулированию конфликта. Такая взвешенная позиция может объясняться важной ролью армянской диаспоры в общественно-политической жизни Украины и длительной историей гуманитарного сотрудничества между украинским и армянским народами.

¹ Объединённая диаспора азербайджанцев Украины // ОДАУ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://aze.in.ua/uabd> (дата обращения: 15.03.2021)

² Культурный центр имени Муслима Магомаева // ОДАУ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://aze.in.ua/kylyrnitsentr> (дата обращения: 15.03.2021)

³ Україна та Азербайджан активізують співпрацю у сфері міжнародних перевезень – Володимир Зеленський // Президент України // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.president.gov.ua/news/ukrayina-ta-azerbajdzhan-aktivizuyut-spivpracyu-u-sferi-mizh-58929> (дата обращения: 15.03.2021)

⁴ Парк имени Гейдара Алиева в подарок // SOCAR // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://socar.ua/ru/infrastruktura/park-imeni-gejdara-alieva-v-podarunok> (дата обращения: 15.03.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белашенко Д., Шоджонов И.* Украинско-азербайджанские отношения: основные сферы сотрудничества, проблемы и перспективы развития. // *Via in Tempore. История. Политология.* №47 (1), 2020. С. 202-210
- Де Ваал Т.* Чёрный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. Пер. с англ. О. Алякринского / Томас де Ваал – М., Текст, 2005. – 413 с.
- Курылев К.П., Семibrатов Е.В., Шабловский В.С.* Взаимодействие Украины со странами ГУАМ на примере голосования в Генеральной Ассамблее ООН. // *Дипломатическая служба.* №3 (2018). С. 25-34
- Курылев К.П.* Факторы, определявшие внешнюю политику Украины по вопросу Нагорно-Карабахского урегулирования (1992-1994 гг.) // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе: сборник научных статей / под ред. К.П. Курылева. М.: РУДН, 2019. С. 40-51
- Маркедонов С.М.* Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования. // *Постсоветские исследования.* Т.1 №2, 2018. С. 129-138
- Ниязов Н.С.* Военно-техническое сотрудничество Украины и Азербайджана в 1994-2014 годах // *Кавказ и глобализация.* Т.8 №3-4, 2014. С. 35-46
- Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие: глобальные процессы на постсоветском пространстве. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. - 899 с.

REFERENCES

- Belashenko D., Shodzhonov I.* Ukrainsko-azerbajdzhanskie otnosheniya: osnovnye sfery sotrudnichestva, problemy i perspektivy razvitiya. // *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya.* №47 (1), 2020. S. 202-210
- De Vaal T.* Chyornyj sad. Armeniya i Azerbajdzhan mezhdum mirom i vojnoj. Per. s angl. O. Al'yakrinskogo / Tomas de Vaal – M., Tekst, 2005. – 413 s.
- Kurylev K.P., Semibratov E.V., Shablovskij V.S.* Vzaimodejstvie Ukrainy so stranami GUAM na primere golosovaniya v General'noj Assamblee OON. // *Diplomaticheskaya sluzhba.* №3 (2018). S. 25-34
- Kurylev K.P.* Faktory, opredelyavshie vneshnyuyu politiku Ukrainy po voprosu Nagorno-Karabahskogo uregulirovaniya (1992-1994 gg.) // 30-letie konflikta v Nagornom Karabahe: sbornik nauchnyh statej / pod red. K.P. Kuryleva. M.: RUDN, 2019. S. 40-51
- Markedonov S.M.* Tridcat' let Nagorno-Karabahskogo konflikta: osnovnye etapy i perspektivy uregulirovaniya. // *Postsovetskie issledovaniya.* T.1 №2, 2018. S. 129-138
- Niyazov N.S.* Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Ukrainy i Azerbajdzhana v 1994-2014 godah // *Kavkaz i globalizaciya.* T.8 №3-4, 2014. S. 35-46
- Pivovar E.I.* Evrazijskij integracionnyj proekt: predposylki, stanovlenie, razvitie: global'nye processy na postsovetskom prostranstve. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2019. - 899 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шнейдер Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ.

Vadim M. Shneyder, PhD (History), senior researcher of the the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the RSUH.

Крымский и кипрский вопросы: единый фронт турецко-российского сотрудничества

М. Перинчек

Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-5739>, mp@mehmetperincek.com

Аннотация. Цель США состоит в том, чтобы захватить энергоресурсы в Центральной Азии, установить контроль над транспортными потоками этих ресурсов и сохранить господство доллара. Для реализации этой цели США особенно важно обеспечивать доминирование в Чёрном море и Восточном Средиземноморье. Восточное Средиземноморье и Чёрное море стали частью единого фронта, на котором ведётся геополитическая конфронтация. США, окружая Турцию в Восточном Средиземноморье, окружает и Россию. То же самое касается и Чёрного моря. Усилия США по проникновению в Чёрное море играют определённую роль не только в стратегии осаждения России, но и в плане осады Турции. Поэтому Анкаре и Москве нужно иметь в этих регионах общую стратегию, чтобы приостановить агрессию США. Анкара и Москва должны рассматривать крымский вопрос и кипрский вопрос вместе, и они должны найти общий язык по этим вопросам.

Ключевые слова: Турция, Россия, США, Кипрский вопрос, Крымский вопрос.

Для цитирования: Перинчек М. Крымский и кипрский вопросы: единый фронт турецко-российского сотрудничества. Постсоветские исследования. 2021;4(3):242–245.

Crimean and Cypriot issues: a united front of Turkish-Russian cooperation

Mehmet Perinçek

Istanbul University, Istanbul, Republic of Turkey
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-5739>, mp@mehmetperincek.com

Abstract. The US goal is to seize energy resources in Central Asia, establish control over the transport flows of these resources, and maintain the dominance of the dollar. To achieve this, it is especially important for the United States to ensure dominance in the Black Sea and the Eastern Mediterranean. The Eastern Mediterranean and the Black Sea have become part of a united front on which geopolitical confrontation is going. The United States, encircling Turkey in the Eastern Mediterranean, encloses Russia as well. The same goes for the Black Sea. US efforts to penetrate the Black Sea play a role not only in besieging Russia strategy, but also in terms of the siege of Turkey. Therefore, Ankara and Moscow need to have a common strategy in these regions to stop the US aggression. Ankara and Moscow should consider the Crimean issue and the Cyprus issue together and they should find a common approach on these issues.

Keywords: Turkey, Russia, USA, Cyprus question, Crimean question.

For citation: Perinçek M. Crimean and Cypriot issues: a united front of Turkish-Russian cooperation. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):242–245. (In Russ.)

Восточное Средиземноморье и Чёрное море стали частью единого фронта, на котором ведётся геополитическая конфронтация. Поляризация в регионе наблюдается не только между Турцией и Грецией и между Россией и Украиной: конфликт в основном

происходит между евразийским и атлантическим лагерями. Для атлантического лагеря Греция и Украина - не более чем пешки.

Когда мы смотрим на текущую ситуацию, мы видим, что цель США на самом деле состоит в том, чтобы захватить энергоресурсы в Центральной Азии, установить кон-

троль над транспортными потоками этих ресурсов и сохранить господство доллара [Perinçek 2016: 60]. Для США особенно важно обеспечивать доминирование в следующих регионах: Ближний Восток, Восточное Средиземноморье, Восточная Европа, Чёрное море и Кавказ. Все эти регионы имеют решающее значение для общей стратегии США.

Судьба этой стратегии зависит от победы над Россией и Китаем, а также от расчленения Турции. Эти страны представляют собой великие и глубокие государственные традиции, обладают сильным военно-экономическим потенциалом и являются самым серьёзным препятствием для планов США.

Политика администрации Дж. Байдена¹ ещё раз доказала: турецко-российское сотрудничество – это не выбор, а необходимость для Анкары и Москвы. У Вашингтона есть единая общая стратегия во всех этих регионах по всему миру, и эта стратегия нацелена как против Турции, так и против России.

Поэтому Анкаре и Москве нужно иметь общую стратегию, чтобы приостановить агрессию США.

Особенно важно сотрудничество между Турцией и Россией в Восточном Средиземноморье и в Чёрном море. Греция, Южный Кипр, Украина – все эти силы на стороне атлантизма. Нужно противодействовать им, поэтому Анкара и Москва должны рассматривать крымский вопрос и кипрский вопрос вместе, и они должны найти общий язык по этим вопросам, потому что Чёрное море и Восточное Средиземноморье являются единым фронтом для Турции и России.

Восточное Средиземноморье и Чёрное море неотделимы друг от друга в стратегии США по осаде Турции и России. Поэтому вопрос будущего этих двух регионов, имеющих огромное геополитическое значение, должно рассматриваться Турцией и Россией совместно.

Сегодня в Восточном Средиземноморье на антитурецком фронте объединились основные державы атлантического лагеря, включая США, Израиль, Францию, Грецию и Южный Кипр. В настоящий момент в этот список мы также можем включить и Объединённые Арабские Эмираты. Нет сомнений в том, что их военные учения и кризис с разведкой газа в регионе нацелены против Турции, но также ясно, что мишенью является не только Турция.

Основная цель атлантического лагеря – заблокировать Турцию в небольшом регионе и заставить Анкару сдаться и, таким образом, ворваться в Евразию для реализации своих колониальных интересов.

Турция стоит прямо у врат Евразии в этом вопросе. Следует подчеркнуть, что Турция сопротивляется в Восточном Средиземноморье не только ради собственных национальных интересов, но и во имя безопасности и процветания всего Евразийского пространства. Таким образом, планы и деятельность антитурецкого фронта в Восточном Средиземноморье угрожают Евразии в целом.

США, окружая Турцию в Восточном Средиземноморье, окружает и Россию. Вашингтон снимает эмбарго на поставки вооружений на Южный Кипр, при этом, как мы видим из публикаций в прессе, провоцирует кипрскую администрацию против Москвы.²

Увеличение числа боевых самолётов на британских базах в греческой части Кипра также угрожает российскому присутствию в регионе. Судя по всему, США, которые установят своё господство в Восточном Средиземноморье, будет легче ворваться и в Чёрное море. Следует также отметить, что безопасность Восточного Средиземноморья является гарантией³ окончательного решения проблемы в Сирии.

С другой стороны, США собираются перевезти авиабазу Инджирлик на Крит. Аме-

¹ Александр Дугин, «Большая Перегрузка и Великое Пробуждение», <https://ria.ru/20210215/perezagruzka-1597564983.html>.

² «ABD Doğu Akdeniz'de Güney Kıbrıs'la İşbirliği Arayışında», <https://www.amerikaninsesi.com/a/abd-k%C4%B1br%C4%B1s-israil-enerji-sondaj-rusya->

[akdeniz/4934174.html](https://www.aa.com.tr/tr/dunya/rusyadan-dogu-akdenizde-turkiye-ile-is-birligi-sinyali/1541943); «Американский конгрессмен предложил Кипру "дружить против злобной России"», <https://ria.ru/20190528/1554975910.html>.

³ «Rusya'dan Doğu Akdeniz'de Türkiye ile iş birliği sinyali», <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/rusyadan-dogu-akdenizde-turkiye-ile-is-birligi-sinyali/1541943>.

риканское присутствие на Крите уже рассматривается российскими властями как угроза¹.

Проект EastMed, инициированный Израилем, Грецией и Южным Кипром, напрямую нацелен на транспортировку российского газа в Европу. Совпадение общих интересов Турции и России также проявляется в «Турецком потоке».² В этом контексте предложение министра энергетики России А. Новака о сотрудничестве с Турцией в области энергоресурсов Восточного Средиземноморья не является напрасным.³

Финансовые взаимоотношения между Россией и Южным Кипром также испытывают серьезные проблемы. Российские инвестиции в Южный Кипр также подвергаются риску в этом контексте.⁴ Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК) может стать важной альтернативой для России в этом отношении.

Кроме того, участвовавшие расистские нападения на граждан русского происхождения на Южном Кипре также вызвали дискомфорт в Москве.⁵

Тоже самое касается и Чёрного моря. Усилия США по проникновению в Чёрное море играют определённую роль не только в стратегии осаждения России, но и в плане осады Турции. Таким образом, две страны имеют общие интересы в борьбе со стратегией США в Восточном Средиземноморье и Чёрном море и нуждаются в совместных действиях для препятствования надвигающейся угрозы.

Антироссийская деятельность Стамбульского Патриархата на Украине также неотделима от столкновения в Восточном Средиземноморье. Патриархат и американская митрополия регулярно совершают нападения на Турцию от имени США и греческого лагеря.⁶ Стамбульский Патриархат, который нацелен на Россию по украинским вопросам, также выступает против Турции в Восточном Средиземноморье.

Плюс к этому соглашение, подписанное между США и Украиной против «Турецкого потока», ещё больше проясняет картину для Анкары.⁷

Сотрудничество может начаться в том случае, если Анкара и Москва вместе начнут обсуждать вопрос Северного Кипра и Крыма. В ответ на шаги, которые Россия предпримет в отношении ТРСК, Турция также может предпринять шаги в отношении Крыма. Эти шаги навстречу друг другу являются обязательными с точки зрения безопасности Восточного Средиземноморья и Чёрного моря.

С другой стороны, мечта России «выйти к тёплым морям» сможет реализоваться не в конфликте с Турцией, а, сделав исторические выводы, в сотрудничестве с Анкарой.

Приглашение В. Путиным Т.Р. Эрдогана на открытие мечети в Крыму⁸ может стать началом диалога в этом вопросе. В свою очередь, ТРСК также может принять российскую делегацию. Огромные возможности, которые Крым может предложить турецким бизнесменам, и не менее огромные масштабы для инвестиций, которые ТРСК может открыть российским бизнес-кругам, очень

¹ Vitaly Naumkin, «What Does the Future Hold for the Middle East?», <https://english.aawsat.com/home/article/2529981/vitaly-naumkin/what-does-future-hold-middle-east>.

² «"Тщетная попытка": Турция против нового "убийцы русского газа"», <https://ria.ru/20200107/1563151322.html>; Алексей Анпилогов, «Израильский газопровод сблизит Россию и Турцию», <https://vz.ru/economy/2020/1/6/1016897.html>, Сергей Маржецкий, «Почему России стоит поддержать Турцию в борьбе с израильским газом», <https://topcor.ru/12624-pochemu-rossii-stoit-podderzhat-turciju-v-borbe-s-izraiskim-gazom.html>.

³ «Rusya'dan Doğu Akdeniz'de Türkiye ile iş birliği sinyali», <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/rusyadan-dogukakdenizde-turkiye-ile-is-birligi-sinyali/1541943>.

⁴ «Россия разрывает налоговое соглашение с Кипром», <https://www.kommersant.ru/doc/4441698>.

⁵ «На Кипре произошел скандал из-за расистского нападения на россиянку», <https://ria.ru/20191007/1559509686.html>.

⁶ Mehmet Perinçek, «Secret details of the Trump-Greek Orthodoxy Patriarchate talks», <https://united-worldint.com/13384-secret-details-of-the-trump-greek-orthodoxy-patriarchate-talks/>.

⁷ «Joint Statement on U.S.-Ukraine Strategic Partnership», <https://ua.usembassy.gov/joint-statement-on-u-s-ukraine-strategic-partnership/>.

⁸ Айсель Герейханова, «Путин пригласил Эрдогана на открытие Соборной мечети в Крыму», <https://rg.ru/2019/03/18/reg-ufo/putin-priglasil-erdogana-otkrytie-sobornoj-mecheti-v-krymu.html>.

Перинчек М. Крымский и кипрский вопросы: единый фронт турецко-российского сотрудничества ценны для экономики в условиях глобального экономического кризиса.

Атлантисты хотят посорить Турцию и Россию по украинскому вопросу.¹ Турция, конечно, может иметь хорошие отношения с

Киевом, но эти отношения никогда, ни в коем случае не может быть направлены против России. Поэтому надо быть бдительным и нельзя попадать в капкан США по этому вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Perinçek M. Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği, 2. İstanbul, 2016, с.60.

REFERENCES

Perinçek M. Evrazijstvo: teoriya i praktika v Turcii, 2. Stambul, 2016, s.60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мехмет Перинчек, доктор исторических наук, профессор Стамбульского университета, Турецкая Республика.

Mehmet Perinçek, Dr. in History, professor of Istanbul University, Istanbul, Republic of Turkey.

¹ «The US will organize and put the blame on Turkey: The conspiracy of mercenaries in the Ukraine», <https://united-worldint.com/17631-us-will-organize-and-put-the-blame-on-turkey-the-conspiracy-of-mercenaries-in-the-ukraine/>.

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ
SCIENTIFIC SCHOOLS

Интервью / Interview

7 лет после Евромайдана: уроки для Украины

Интервью с НИКОЛАЕМ ПЕТРО, профессором университета Род-Айленда, США, профессором университета Болоньи, Италия

Аннотация. Николай Н. Петро - профессор политологии в Университете Род-Айленда (США), где он раньше также занимал должность профессора по миру и ненасилия им. Сильвия-Чандли. Профессор Петро в основном занимается проблемами политической культуры и символов, и их влияние на общество. Среди прочих назначений, он является стипендиатом фонда Фулбрайт (один раз в Россию и второй в Украине), Совета по внешним отношениям, Института по изучению внешней политики, Национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям, Института Кеннана в Вашингтоне, и Гуверовского института Стэнфордского университета. Кроме своих научных трудов, доступны на его веб-сайте www.petro.net, он также часто пишет комментарии для западных СМИ. Его нынешний проект, «Трагедия Украины: как классическая греческая трагедия помогает урегулировать конфликты», будет его девятая книга.

Ключевые слова: Украина, Донбасс, Евромайдан, Крым, Россия, США, Европейский Союз

Для цитирования: 7 лет после Евромайдана: уроки для Украины. Интервью с Николаем Петро университет Род-Айленда, США, университет Болоньи, Италия. Постсоветские исследования. 2021;4(3):246–249.

7 years after Euromaidan: lessons for Ukraine

Interview with NICOLAI PETRO, professor in University of Rhode Island, USA, professor in University of Bologna, Italy

Abstract. Nicolai N. Petro is currently Full Professor of Political Science at the University of Rhode Island (USA), where he previously held the Silvia-Chandley Professorship of Peace Studies and Nonviolence. Professor Petro focuses attention on political culture and symbols and how they affect social transformation. His regional areas of expertise are Russia and Ukraine. His many awards include two Fulbright awards (one to Russia and one to Ukraine), a Council on Foreign Relations Fellowship, and research awards from the Foreign Policy Research Institute, the National Council for Eurasian and East European Research, the Kennan Institute for Advanced Russian Studies in Washington, D.C., and the Hoover Institution at Stanford University. In addition to his scholarly writings (available on his web site www.petro.net), he has written for publications such as The American Interest, International New York Times, The Guardian (UK), Christian Science Monitor, Kyiv Post, Moscow Times, The Nation, The National Interest, Russia in Global Affairs, World Politics Review, and the Yale Journal of International

7 лет после Евромайдана: уроки для Украины. Интервью с НИКОЛАЕМ ПЕТРО, профессором университета Род-Айленда, США, профессор университета Болоньи, Италия

Affairs. His current project, *The Tragedy of Ukraine: What Classical Greek Tragedy Can Teach Us About Conflict Resolution* will be his ninth book.

Keywords: Ukraine, Donbass, Euromaidan, Crimea, Russia, USA, European Union.

For citation: 7 years after Euromaidan: lessons for Ukraine. Interview with NICOLAI PETRO, professor in University of Rhode Island, USA, professor in University of Bologna, Italy. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(3):246–249. (In Russ.)

Андреев М.Г. - *В своём выступлении на нашей конференции «Внешняя политика Украины в постковидном мире: вызовы и возможности» Вы много говорили о повторении «греческой трагедии» на Украине и, если я правильно понимаю, считаете ее первопричиной той ситуации, которая сложилась в этой стране. Какие, по Вашему мнению, существуют пути решения этой проблемы, в условиях, когда у украинского народа фактически нет времени спокойно осмыслить происходящее, потому что власти постоянно нагнетают ситуацию, каждую неделю проводя заседания совета безопасности и назначая новых врагов?*

Петро Н. - Правительство, находящееся «в осаде», всегда чувствует необходимость защитить себя, создавая условия постоянного кризиса. Это относится ко всем правительствам, а не только к правительству Украины. Великий американец Чарльз А. Бирд назвал эту стратегию «вечной войной за вечный мир». Такой мир может наступить только тогда, когда все враги, как внутри страны, так и за рубежом, будут полностью побеждены, а это означает, что никогда.

Спасение общества от бесконечной войны заключается, во-первых, в признании стратегии правительства и, во-вторых, в содействии диалогу. Любой реальный диалог между предполагаемыми врагами подрывает и в итоге разрушает аргумент правительства о том, что единственным решением является война. Именно поэтому украинское правительство так непреклонно отказывается вступать в диалог с лидерами восстания на Востоке Украины.

Андреев М.Г. - *Насколько, по Вашему мнению, законны такие действия властей, которые реализуются без решения суда на основании решений совета безопасности? Я имею в виду закрытие телеканалов, отъём бизнеса,*

запрет партий и еще ряд других. И почему отсутствует реакция западных стран на такие вопиющие нарушения западных демократических принципов?

Петро Н. - Вопрос о законности может обсуждаться учеными, но решения о законности могут приниматься только системой суверенных судов, то есть национальными судами. Многие украинские правоведы, в том числе бывший судья Конституционного суда (1996–2005 гг.) и Верховного Суда Украины (1990–1996 гг.) Нимченко В.И., считают эти недавние действия незаконными. Причина столь слабой реакции на это на Западе заключается в том, что он в первую очередь заинтересован в замене российского влияния на Украине своим собственным. Все, что будет содействовать этому процессу, будет приветствоваться на Западе.

Андреев М.Г. - *Именно поэтому в 2014 г. европейские политики отказались выполнять свои договоренности перед В. Януковичем, который пообещал не применять силу в отношении сторонников майдана в обмен на гарантии мирной передачи власти? Понимали ли они, что своими действиями дают «согласие» на военный конфликт в центре Европы?*

Петро Н. - Западные партнеры очень плохо понимали, что происходило в Украине в феврале 2014 г. Они рассматривали оккупацию центра Киева как прозападное восстание. У них не было никакого представления о роли «Правого сектора» в обороне Майдана. Поэтому они видели свою задачу в том, чтобы сдержать В. Януковича и не дать России извлечь выгоду из хаоса.

В этом контексте лучшим вариантом им показалось отстранение В. Януковича от власти любыми необходимыми средствами. В противном случае иным вариантом было бы

ограничить его полномочия, навязав возглавляемое оппозицией правительство и проведение новых выборов. Достигнутое ими соглашение предусматривало второй вариант, но затем действия радикального крыла Майдана неожиданно сделало возможным первый, поэтому, естественно, они воспользовались этим.

Таким образом, оглядываясь назад, Запад получил именно то, что хотел. Однако реакция населения Восточного Донбасса и Крыма стала для них полной неожиданностью.

Андреев М.Г. - *Реакция жителей востока Украины могла стать ответом на рост националистических проявлений в их отношении со стороны киевского руководства. На днях в центре Киева с санкции властей состоялась мари нацистов в память о дивизии СС «Галичина». Власть в очередной раз показала безразличное отношение ко мнению большинства населения Украины, выступающего против прославления нацизма. В чем, по Вашему мнению, причина зависимости команды В. Зеленского от мнения нацистского меньшинства?*

Петро Н. - Я не уверен, что можно утверждать о «зависимости» В. Зеленского от крайне правого меньшинства. Однако националисты устанавливают «красные линии», по которым правительство может проводить политику. Это связано с тем, что, несмотря на их малочисленность, они сыграли решающую роль (в военном и организационном плане) в победе Майдана 2014 г. и обеспечили передачу власти действующим политикам. Очевидно, существует опасение, что эта военная организация может быть обращена против правительства, которое не желает рисковать своей очень шаткой популярностью, бросая вызов крайне правым и разоружая их.

Андреев М.Г. - *Почему современной Украине важно не подчеркивать свой вклад в общую русскую культуру и язык, а противопоставлять себя этому? Я с трудом могу представить австрийца, который бы сказал, что он не говорит на немецком языке, а Франц Кафка — это австроязычный писатель.*

Петро Н. - Проведение резкого различия между русской и украинской культурой маргинализирует население Восточной и Южной

Украины в политическом, культурном и экономическом отношении. Украинские националисты надеются, что их маргинализация позволит создать более однородную Украину. Отсутствие однородного населения часто называют причиной нынешних экономических, политических и социальных неудач Украины (последний пример — «Украина-не Польша. Как соседям удалось построить процветающую экономику» В. Стоколос 11 марта 2021. <https://vesti.ua/mir/ukraina-ne-polsha-kak-sosedyam-udalos-postroit-protsvetayushhuyu-ekonomiku>). Поэтому гомогенизация — это цель, которая объединяет как украинских националистов, так и «реформаторов».

Андреев М.Г. - *Сейчас все больше пишут о начале новой фазы войны на Донбассе. И все выглядит так, как будто это собственное решение Киева. Есть ли, по Вашему мнению, силы на Западе, которые могут повлиять на окружение В. Зеленского и не допустить эскалации, или наоборот по каким-то причинам на Западе заинтересованы в новом конфликте, например, для введения новых санкций?*

Стратегия Запада в Донбассе в итоге будет зависеть от того, какое восприятие России возьмет верх в коридорах власти. Те на Западе, кто воспринимает Россию как нестабильную, слабую и находящуюся на грани экономического коллапса, в целом будут приветствовать любые решительные усилия Украины по подавлению своего «пророссийского» населения, поскольку они считают, что это можно сделать безнаказанно. Эта закономерность очевидна в попытках Зеленского выхолостить суды, подавить оппозиционные СМИ и запугать независимых политических аналитиков. «Освобождение» Донбасса было бы естественным продолжением этого.

С другой стороны, те, кто воспринимает Россию как восстановление своей экономической и военной мощи, как правило, неохотно поддержат любые украинские усилия по нарушению статус-кво, поскольку они опасаются, что это еще больше ослабит Украину. Это потому, что те на Западе, кто считает Россию слабой, также склонны считать Украину сильной, и наоборот.

Андреев М.Г. - Президент Украины В. Зеленский настойчиво добивается встречи с президентом России В. Путиным для урегулирования конфликта на Донбассе, при этом отказываясь выполнять Минские соглашения. Возможна ли в принципе такая встреча и будет ли она продуктивна?

Петро Н. - Я не верю, что такая встреча состоится до тех пор, пока не будет подписано некое мирное соглашение между Россией и Украиной, которое разрешит напряженность вокруг Донбасса и Крыма.

Андреев М.Г. - Возможно ли создание нового переговорного формата по Донбассу? И хотели бы в нем поучаствовать США? И вообще насколько для США актуальная ситуация на Украине? Команда Байдена долгое время не подавала никаких прямых сигналов к тому, что эта страна приоритет в политике США.

Петро Н. - Любое расширение формата переговоров положит конец его полезности. Чем больше групп вовлечено в этот процесс, тем труднее им будет договориться. Вот почему Франция и Германия выступают против этого, а США не спешат присоединиться. Все они понимают, что самый быстрый способ для того, чтобы переговоры дали результаты, — это прямые переговоры украинского правительства с повстанцами.

Андреев М.Г. - Очевидно, что позиция Вашингтона имеет колоссальное влияние на В. Зеленского. Существует мнение, что ключ к решению проблемы Донбасса находится в переговорах между Москвой и Вашингтоном. На

какой основе в принципе возможны договорённости между Россией и США для урегулирования ситуации на Украине?

Петро Н. - Я пришел к выводу, что кризис на Украине не может быть разрешен без более широкого урегулирования между Россией и Украиной, которое, в свою очередь, должно быть частью более широкого урегулирования между Россией и Западом. Другими словами, прекращение конфликта на Донбассе (и в Крыму) требует заключения общеевропейского соглашения о безопасности в эпоху после окончания холодной войны. Такое соглашение о общеевропейском соглашении о безопасности должно быть сосредоточено на следующих гарантиях:

- безопасности и суверенитета всей постсоветской территории, включая Россию и Украину;

- свободы торговли, инвестиций и рабочей силы по всему региону, с тем чтобы обеспечить равные возможности для экономического роста;

- гарантии свободного потока людей, информации и культур по всему региону в целях укрепления взаимного культурного понимания и доверия.

Андреев М.Г. - Большое спасибо, господин Петро за возможность услышать Ваше мнение, наверное, по наиболее острому вопросу текущей международной повестки дня для России. Ждём Вас снова на мероприятиях Центра исследований постсоветских стран!

Интервью провел М.Г. Андреев / Interviewed by Mikhail G. Andreev

REFERENCES

- Petro N.* Nationalism, Patriotism, and the Tragedy of Ukraine," *Russia in Global Affairs*, vol. 19, № 3.
- Petro N.* The Tragedy of Ukraine: Hard Lessons to Learn From the Classics," *Russia in Global Affairs*, vol. 16, № 4 (October/December 2018), pp. 52-71.
- Petro N.* How the West Lost Russia: Explaining the Conservative Turn in Russian Foreign Policy," *Russian Politics*, vol. 3, No. 3 (Fall 2018), pp. 305-332.
- Petro N.* Why Russia and Ukraine Need Each Other," *Russian Politics*, vol.1. No, 2, June 2016, pp. 184-202.
- Petro N.* Ukraine's Ongoing Struggle with its Russian Identity," *World Politics Review* feature article (May 6, 2014), pp. 1-10.

FOREIGN POLICY OF CIS

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН СНГ

Research article / Научная статья

Belarus 2020: The Strategic Logic of Regime Change in the New Cold War

Greg Simons

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Uppsala University, Uppsala, Sweden

Abstract. Events in Belarus erupted quickly from just before the election and have continued in the wake of it, carrying the hallmarks of a Colour Revolution-typology of an attempt at regime change. This comes at a time of heightened tensions between the West and Russia within the framework of the branded international relations event known as the New Cold War, which has the additional context of a transformation of the global order away from a US-centric unipolar configuration. The information realm political discourse by Western public information sources is studied to see how the information realm is manipulated to shape the cognitive realm of the various target groups to affect their perceptions, opinions and decision-making. The end state being to create a relative military and political advantage to the attacker over the defender and the allies of the defender.

Key words: New Cold War, Belarus, geopolitics, regime change, subversion, hybrid warfare

For citation: Simons G. Belarus 2020: The Strategic Logic of Regime Change in the New Cold War. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(3):250–259.

Беларусь 2020: Стратегическая логика смены режима в новой Холодной войне

Г. Симонс

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Университет Уппсала, Уппсала, Швеция

Аннотация. События в Белоруссии начали стремительно развиваться накануне и сразу после президентских выборов, сочетая в себе все характерные признаки Цветной революции, ориентированной на смену режима. Все это происходит на фоне роста напряжённости в международных отношениях, в частности, между Россией и странами Запада, что всё более напоминает новую холодную войну, дополненную явлением в виде размывания американоцентричного мипопорядка. В рамках исследования рассматривается информационное пространство стран Запада. Задача - изучить манипулятивный фактор информационной повестки, призванный сформировать у целевой аудитории соответствующие видение проблемы, мнение и дискурсные подходы. Конечная задача заключается в создании военно-политического преимущества атакующей стороны перед защищающейся стороной и её союзниками.

Ключевые слова: Новая Холодная война, Беларусь, геополитика, смена режима, подрывная деятельность, гибридная война.

Для цитирования: Симонс Г. Беларусь 2020: Стратегическая логика смены режима в Новой холодной войне *Постсоветские исследования*. 2021;4(3):250–259.

Introduction

Ideology is alive and well in 21st century global politics and geopolitics. Van Dijk (1995: 284) defines ideology as “socially shared, value-based framework of fundamental evaluative propositions developed and used by social groups within societal structures.” There is a

logic to the use of discourse to shape the perception, opinions and behaviours of bystanders and participants in warfare, which includes subversion. As the 20th century came to a close with US global hegemony uncontested, it created the opportunity and motivation to spread its global

influence, the excesses of which have led to the Global War on Terror and the Forever Wars.

Not all warfare is direct, the 21st century has witnessed an increase in the use of covert subversive operations against targeted governments (for regime change) to gain a relative advantage in power and influence over adversaries. Examples of this style of ‘hybrid’ warfare were seen in the branded cascading regime changes of the Colour Revolutions and the Arab Spring. Warfare is an extension of politics, but it does not need to be waged from a rational logic, it can also be waged on the basis vanity and other forms of emotional origins [Harbaugh 2013]. This can create a great deal of volatility and unpredictability that increases risks and hazards when engaging in warfare by the logic of vanity and faulty assumptions, which was visualised by the 2008 Georgian-Russian War.

This paper focuses on the current ‘unrest’ taking place in Belarus after the 2020 presidential elections from the perspective of the strategic logic of regime change in the era of the so-called New Cold War. It is an example of subversion that has similarities to previous historical attempts of regime change, which possesses a significant informational element that is intended to shape the perception of audiences to support the process by attempting cognitively restrict the defender while cognitively unrestrictive to the operational methods of the attacker. The research question is, how is this process managed discursively in the global public information space?

There are four sections to this paper. The first section concerns the subject of developing an understanding how a target government is subverted by another actor. In the following section, the transforming global order and the New Cold War is detailed as a context to understanding the context for events in Belarus. The third section provides the reader with the method and approach used in analysing and evaluating the data collected. In the fourth section, the case study of the attempted foreign-supported subversion of Belarus in 2020 with the collected Western open-source mass mediated material to understand the projected logic and the approach used to try and subvert the Belarusian government with a Colour Revolution-type event.

Subverting Another Government

Subversion is the ability of an attacking actor to overthrow an existing government using overwhelming psychological force by using the information realm to overpower the cognitive ability of decision-makers to act in their best interests of defence. Information is used in influencing and supporting subversion, where a proxy force and its foreign backer can cooperate together in addition to the physical support rendered to a proxy (such as arms, money, intelligence, military support and other supplies) [Beilenson 1972: v-ix]. Physical force can be used alternatively or in conjunction with the psychological elements to overthrow a targeted government. This combination was seen in the NATO operation in Libya during the branded operational level of cascading regime change that murdered Ghaddafi in the name of democracy and freedom within the Arab Spring.

“Words and images are the most powerful weapons in a war of ideas. Used skilfully, they can serve the cause well” [Waller 2007: 38]. This situation falls within the context and practice of political warfare, which involves the forceful political expression of policy [Codevilla 1989: 77]. Where the definition of “political warfare is the marshalling of human support, or opposition, in order to achieve victory in war or in unbloody conflicts as serious as war” [Codevilla 1989: 77]. This concerns the appearance and perception of reality among the stakeholders and audience in any operation, rather than any sense and understanding of an ‘objective’ and ‘true’ reality taking place in the physical realm.

There needs to be several pre-existing conditions present to increase the chances for success of the attacker in subverting a target government in pursuit of regime change. These four conditions need to be simultaneously present: 1) a protracted economic recession to create a general mood of discontent among the public of the target country; 2) a lack of open communication between the targeted government and the population to enable greater effect and influence of subversive messages; 3) an iconic event to prime and mobilise a discontented public to physical action, such as a ‘contested’ election result; and 4) the support of a foreign power for the local subversive actors designated to execute the regime change [Simons, Chifu 2017]. This can be carried out by covert warfare to achieve the

political goals with minimal risk, a contemporary style of the favoured operational concept is hybrid warfare.

Frank Hoffman (2009) is credited with developing the concept of hybrid warfare from 2007 when he predicted a convergence in future warfare where challengers would engage in multimodal warfare that combined organisation and means of lethality of state conflict and the fanatical passion of irregular warfare. NATO (2015) recently defined the concept and practice, “hybrid warfare and its supporting tactics can include broad, complex, adaptive, opportunistic and often integrated combinations of conventional and unconventional methods. These activities could be overt or covert, involving military, paramilitary, organised crime networks and civilian actors across all elements of power” [Caliskan, Liégeois, 2020: 3-4]. The Western narrative is that it is the victim of hybrid warfare rather than the purveyor of it.

Further, hybrid warfare is intended to achieve political goals in a plausibly deniable and financially cheap manner [Fridman 2017]. The very nature of hybrid warfare as a conceptual practice means that it attempts to create a synergy of effect between the physical and psychological effects [Caliskan 2019]. This is evident in how the European Commission (2016) defines ‘hybrid threats’ as a “mixture of coercive and subversive activity, conventional and non-conventional methods (i.e. diplomatic, military, technological), which can be used in a coordinated manner by state or non-state actors to achieve specific objectives while remaining below the threshold of formally declared warfare.” It should be noted that hybrid warfare can complement other forms of warfare that are violent or non-violent in nature to achieve foreign and security policy goals. This can include the use of subversive forms of diplomacy.

One of the recent concepts that are used to provoke a rethinking in the way international relations are practiced is the idea of *guerrilla diplomacy*. The genesis of the idea as Copeland [Copeland 2004; 2009] has argued is that diplomats and diplomacy are being increasingly marginalised in an era of increasing conflict and when they are needed the most. The drivers behind this are globalisation and the increasing militarisation of foreign policy. A result of this situation is that there is a “dominance for a few

and a dependence for many” [Copeland 2009: 50]. The role of guerrilla diplomacy as envisaged by Copeland [Copeland 2009: 161; Copeland 2018: 376-377] was a new-style Foreign Service officer that was capable of autonomous action and to be flexible in deployment, engaging in networking and advocacy with the local population, which places the practice as a subset of public diplomacy. Copeland [Copeland 2004; 2009; 2018; Copeland, Potter 2008] argued for the role of diplomats to bring or maintain peace, rather than to foster conflict, although it does involve a foreign country striving to secure its goals and interests in a foreign country. However, the idea is not without its criticism. Insurgency and public relations can be used for ill as well as good; guerrilla or public diplomats with bad intentions might well have similarly dramatic effects as those envisaged by unconventional diplomats with good ones. We lack in the contemporary international system any kind of agreement as to why, when and how we ought to speak to foreign publics and try to shape their views. Without that, the guerrilla risks being treated as a saboteur and the public diplomat a propagandist [Hall 2010: 256].

These reservations are justified given the current fog of communication in foreign policy and international relations that is used to shape the cognitive domain. There are stark contrasts and contradictions seen in how subversive events are depicted and the different sides involved in the conflict. Hybrid war in its various forms and functions is intended to complement the objectives of an actor in coercing another actor, which is further motivated by an evolving global order as a mechanism for trying to retain a relative advantage over rivals and competitors in international relations. This form of warfare can be used in a current war or a war that is expected to come.

New Cold War and the Transforming Global Order

In the end of 1991, the Soviet Union collapsed and the bipolar world order consisting of the United States and the Soviet Union collapsed with it, ushering in an era of a unipolar and Western centric global order of US global hegemony [Nye 1992]. This was seen as an ideological and geopolitical victory by the US and a political victory by liberalism, the US as the remaining superpower that now lacked any checks

or balances in the international system sought to spread in a messianic manner liberalism and its geopolitical influence [Brzezinski 1997; Simons, Glaser 2019]. This period saw different ‘humanitarian’ wars and the subversion of non-friendly or non-compliant governments to US wishes in an era of aggression and expansion of US influence and power in the late 20th century.

Excesses of military operations of choice in the 21st century saw the rise of the foreign policy brand of the Global War on Terrorism (GWOT), but has culminated in the Forever Wars that is draining US soft and hard power [Vincent 2020]. The advent of the internet and social media created additional prospects for the US to indirectly attack its targets of subversion, but has also created a situation where it can be indirectly attacked by other actors on the international stage as US hegemony is in relative decline to other non-Western rising powers in an evolving and transforming global order towards a multipolar configuration [Simons 2019]. There are those that assess the US is not able to turn back time and restore its era of uncontested global hegemony, rather that there needs to be an effective strategy and management of this relative decline [Cooley, Nexon 2020]. This decline has led to a discursive strategy making use of a brand name to try and shape the information and cognitive realms as a means of enabling the practice of an aggressive (in the name of defence) foreign policy track that would be otherwise not acceptable in an ‘ordinary’ period international relations.

The current strategic foreign and security policy brand by the US and its Western allies is the so-called New Cold War, which is intending to retain relative US and Western military, economic and political advantage over rivals by limiting their operational choices and maximising the operational choices of the US. Sakwa [Sakwa 2008] already noted that there were already questions being raised about Russia and her place in the world with reference to foreign policy and the question of political leadership, which led to Cold War type thinking to begin to re-emerge. This new brand was more intensely promoted after the events in Crimea in 2014 [Legvold 2014; Kroenig 2015; Shirreff, Olex-Szczytowski 2015], for the reasons noted by Sakwa and the narrative of hostile intentions against the West, rather than the possibility of reactions against aggressive Western foreign

policy that harmed Russian interests (Simons 2020). However, the US has since expanded the New Cold War from the time of Obama’s so-called Asia Pivot and intensified under President Trump trade war with China under the same pretext of subversion of the international order and opposing the ‘free’ world [Karaganov, Suslov 2018]. The intention is to create a rally around the ideological flag as occurred during the original Cold War, giving a façade of ethical righteousness and political legitimacy.

The US in the post-Trump era seeks to re-engage in global military operations and get back to the business of global hegemony once more [Biden 2020]. This intention to regain global hegemony is being attempted through a very specific array of Orwellian language that intends to shape the cognitive realm of various stakeholders and target audiences through the information realm. Creating a projected physical realm ‘understood’ through binary sets of opposing realities in international relations and affairs, where one is good and the one bad. Although, this is no longer about expanding influence in an uncontested world, but about trying to prevent the relative rise of rivals in an increasingly contested world.

Method

The theoretical method of chosen for analysis is phenomenology, which seeks the “understanding of how appearances affect consciousness prior to the attempt to conceptualise objects and events” [Szeman, Kaposy 2011: 535]. Phenomenology is a reading and analysis of a lived experience [Merleau-Ponty, Bannan 1956; Conroy 2003; Connelly 2010; Silverman 2020: 55]. Furthermore, “phenomenology is also a philosophy which replaces essences in existence and does not believe that man and the world can be understood save on the basis of their state of fact.” As such, it is the intention to use an inductive and qualitative method of approach to analyse the data collected. The objective of the qualitative study intends to capture the complexity of the object of study [Hyett, Kenny, Dickson-Swift 2014: 2]. These combined set out to ontology and epistemology of the evolution of the definition and practice of academic concepts with operational implications.

The theory of science deals with ontology, i.e. the issue of what is real and what exists, and epistemology, issues regarding knowledge and

how we know things. [...] According to critical realism it is possible to obtain knowledge about the real domain of social mechanisms by studying the phenomena in the empirical domain [Boréus, Bergström 2017: 9].

The empirical material that is associated with this article is drawn from publicly available information sourced from the digital environment concerning events on and around the ‘Colour Revolution’ in Belarus that was initiated in 2020. These materials shall be analysed using critical discourse analysis. Kress [Kress 1990: 84] notes that “most forms of discourse analysis aim to provide a better understanding of the socio-cultural aspects of text, via socially situated accounts of texts.” This present article seeks a better understanding of the socio-(geo)political aspects of text on the ‘revolution’ in Belarus via socially and politically situated analyses of popular texts. The form of textual analysis will employ critical discourse analysis (CDA). It is noted that CDA shares the above-mentioned aims of discourse analysis, however, it intends to employ a critical dimension in the theoretical and descriptive analyses and evaluations of those texts seen through the relations of power that are revealed by the inequalities in use of and access to language [Kress 1990; Fairclough 1993; Van Dijk 1993; Blommaert, Bulcaen 2000]. The mixed approach using CDA and phenomenology intends to bring to the fore the embedded politics and relationships of the assessed texts.

This is motivated by the inherent embedded relationship between discourse and political power that is derived through meaning “as constructed during production or comprehension, is liable to embody opinions that derive from underlying ideologies” [Van Dijk 1995: 283]. This is about discourse being used to generate meaning on ideological positioning, it can also be used for political and geopolitical positioning of events taking place in the physical realm. It is useful to detect and analyse the role of manipulation in discourse. Manipulation is said to occur when an abuse of social power through cognitive mind control and discursive interaction, which is often emphasized in the binary argumentative language of our good and their bad. “We found that manipulation involves: enhancing the power, moral superiority and credibility of the speaker(s), and discrediting dissidents, while

vilifying the Others, the enemy; the use of emotional appeals; and adducing seemingly irrefutable proofs of one’s beliefs and reasons” [Van Dijk 2006: 380]. This is often done through emphasizing the need of the victim to submit to the will of the attacker through a display of Orwellian language, especially in the case of conflict that is deeply political in nature.

On the topic of further research on the topic Van Dijk [Van Dijk 1995: 284] noted the need “to attend to the ideological basis of phonological and graphical expressions, syntax, style, rhetoric, pragmatic properties and interactional dimensions of discourse.” Blommaert and Bulcaen [Blommaert and Bulcaen 2000: 461] add that a weakness of CDA is the overly linguistic outlook that prevents it from incorporating linguistic and non-linguistic dimensions of semiosis. This article intends to address these two perceived shortcomings in the development of CDA in the field of contemporary international relations.

Johnson [Johnson 2018] notes that the power of media in the information age influence the access to events and how they are perceived, which tends to cause disorientation through dominant interpretive frameworks that are used. As a result, Johnson [Johnson 2018] concludes creates a problematic effect where a hysteria and anxiety are created about presumed events and processes that are characterised in a sensational and inauthentic narrative that gradually subverts the global rules and conventions on conduct in international relations owing to public disorientation and a desire for urgent remedies. This background is kept in mind when applying CDA and phenomenology to the sample of digital mass media articles collected.

A general internet search was used to generate a corpus of mass media articles from Western (focus from European Union countries and United States) sources. The search terms used were “Belarus elections 2020” and “Belarus protests 2020”, the results were then manually checked for relevance within the criterion established in this section. The resulting sample was selected and drawn from digital news sources in English (reaching large potential global audiences) based in the United States and the countries of the European Union, motivated by the leading roles these actors played in the regime

changes of the Colour Revolutions and Arab Spring.

Case Study: Belarus 2020

In February 2020, the US Secretary of State Mike Pompeo visited Belarus in an election year, offering to ‘normalize’ state ties between the countries as relations between Belarus and Russia became increasingly strained. This decline of relations was owed to, among other things, a scaling back of subsidized Russian oil supplies to Belarus,¹ which is a significant economic factor and the potential impact on the Belarusian economy and public opinion towards the country’s leadership significant. Elections in Belarus were scheduled for 9 August 2020, and this visit in advance of those elections seems to be a ploy for the US to isolate Belarus from her ally Russia in advance of this time in order to increase the government’s vulnerability to subversion and political warfare.

The official Belarusian results were the incumbent President A. Lukashenko won 80 per cent of the vote and the main political ‘challenger’ S. Tikhanovskaya – a 37-year-old former English teacher who resumed her jailed husband’s political campaign and elevated to the status as “Belarusian opposition leader” by the West – received 10 per cent.² Tikhanovskaya went to exile in Lithuania one day after the election, Poland and Lithuania have been engaging in long term diplomacy and public diplomacy programmes to affect regime stability by supporting alternative political and cultural elites [Pospieszna, 2014]. This bears some hallmark similarities to US supported attempts to subvert other countries during elections, such as the use of Juan Guaido in Venezuela (who boycotted the election) as the asserted ‘rightful’ winner over President Maduro. These are political proxy fronts for regime change based on the façade of political legitimacy and capital informed by binary values and norms rather than factual substance. As in the cases of attempted regime change in various cases of the Colour

Revolutions and Arab Spring (such as Syria), elections are used as a cover and pretext for priming and mobilising opinions and mass publics by increasing the level of discontent in target audiences for the purpose of hybrid warfare against a designated target.

Mass media outlets in Western Europe and the US were very predictable in their subjective and politicised coverage of the unfolding events along the lines described by Johnson [Johnson 2018]. For example, scanning the headlines and content of Euronews³ or the British Broadcasting Corporation⁴ reveals a very standard and tried approach of information support for regime change attempts by altering the perception of the various stakeholder (global public, Belarus public, defenders and so forth). This is done through an attempt to control a manipulated discourse of the various actors and the interpretation of the events through various narratives and symbolic binary juxtaposing of ‘good’ and ‘bad’ values, norms and actors.

A number of common narratives appear on the ‘news’ platforms, such as Euronews or the BBC, such as the “patriotic and self-sacrificing heroine” (Tikhanovskaya) (‘heroic’ narrative), defections from Belarusian security forces (‘just’ narrative), embattled political leadership (“illegitimate and isolated regime” narrative), possible threats and risks from the ‘political crisis’ (social, political and economic) (time constraint narrative – longer the crisis continues the more damage to ‘ordinary’ people), police and security force brutality (moral/ethical narrative), unconditional demands for Lukashenko’s resignation (solidarity narrative), ‘protestor’ and ‘opposition’ resolution (‘brave and determined grassroots citizen’ narrative). These narratives are intended to affect the intangibles of the opposing sides – to weaken the political capital and legitimacy of the defending forces by reducing the soft power and reputation/brand in order to isolate them and restrict their tangible operational mechanisms of defence. At the same time

¹ Makhovsky, A., Pompeo Visits Belarus as Minsk’s Ties With Moscow Fray, Reuters, <https://www.reuters.com/article/us-belarus-usa-pompeo-idUSKBN1ZV3IO>, 1 February 2020 (accessed 8 February 2021).

² Moore, M., Secretary of State Mike Pompeo Vows to Deliver ‘Freedom’ in Belarus, NY Post, <https://ny-post.com/2020/08/12/secretary-of-state-mike-pompeo-vows-to-deliver-freedom-in-belarus/>, 12 August 2020 (accessed 8 February 2021).

³ 2020 Belarusian presidential election, Euronews <https://www.euronews.com/tag/2020-belarusian-presidential-election> (accessed 8 February 2021).

⁴ Belarusian presidential election 2020, British Broadcasting Corporation <https://www.bbc.com/news/topics/c909d02x417t/belarusian-presidential-election-2020> (accessed 8 February 2021).

to embolden the proxy forces of citizens, NGOs and foreign interests subverting the Belarusian government by delivering soft power and legitimacy through reputational management and therefore broadening their choice and selection of tangible operational mechanisms of attack.

There have been numerous attacks against the legitimacy of the election result, which is reminiscent of “contested” election results in other targets of Western regime change, such as Ukraine, Venezuela, Bolivia and so forth. Various key influencers in the Western liberal political establishment have rejected the election result¹ or the inauguration of Lukashenko.² There is an attempt to project an image of mass anger and protest over the result with photos as well as text,³ which is in line with one of the environmental conditions needed to increase the chances of successfully subverting a target noted in the first section of this paper. Following logically according to regime change narratives, there is the projection that the government of Lukashenko is weak and in trouble and that the organised protests having an effect⁴ as a means to encourage the priming and mobilising of Belarusian citizens as well as the support of the international public to support the regime change as an ‘inevitable’ conclusion in an act of perception and expectation management. To reinforce the moral and ethical dimensions of the regime change into a moralistic discourse, efforts are made to depersonalize the government and demonise Lukashenko as someone that is not in tune with the people and is cruel.⁵ This is

another critical element of the regime change attempt in political and hybrid warfare, to reduce or cut-off the attacked leadership from open communication with the populace in order to isolate them physically and psychologically.

In the wake of the election, Pompeo issued symbolic rhetorical public statements in support of the subversion attempt by political warfare through a war of ideas, perception and binary values. “We will continue to speak about the risks to the Belarusian people, [...] We want them to have freedom in the same way that people do across the world.”⁶ This is an attempt to create empathy among the wider global publics through attempting to create a sense of common values and human aspirations through a sweeping statement and assertion. There have been numerous articles concerning the actions of Belarusian police, with a focus on a disproportionate use of force against people with ‘legitimate’ demands.⁷ However, the EU has not condemned a long-term campaign using extreme force against the Yellow Vests in France, thus the very selective approach on what is to be spoken about and what is to be hushed.

There are also attempts to try and psychologically tie the hands of Belarusian allies, such as Russia. The role of the foreign backers of the intended regime change revealed their moves by attempting to act as a powerful broker in a hybrid war that is supported by them. A powerful broker has the façade of being a mediator in a conflict, but, favours one side over another. This was clear when the EU urged Russia not to

¹ EU Rejects Belarus Presidential Election Result, DW, <https://www.dw.com/en/eu-rejects-belarus-presidential-election-result/a-54622050>, 19 August 2020 (accessed 8 February 2021).

² Pollet, M., Belarus Crisis: EU Slams Lukashenko’s ‘Inauguration’ as President, Euronews, <https://www.euronews.com/2020/09/24/belarus-crisis-eu-slams-lukashenko-s-inauguration-as-president>, 24 September 2020 (accessed 8 February 2021).

³ Taylor, A., Anger and Protest Over a Presidential Election in Belarus, The Atlantic, <https://www.theatlantic.com/photo/2020/08/photos-anger-and-protest-over-presidential-election-belarus/615451/>, 20 August 2020 (accessed 8 February 2021).

⁴ Huet, N., ‘The Regime is in Agony’: Belarus Opposition Leader Slams Lukashenko, Euronews, <https://www.euronews.com/2020/09/08/the-regime-is-in-agony-belarus-opposition-leader-slams-lukashenko>, 8 September 2020 (accessed 8 February 2021).

⁵ Filtenborg, E. & Weichert, S., ‘He Stopped Listening ... and Became Cruel’: Lukashenko Remembered by Former

Campaign Manager, Euronews, <https://www.euronews.com/2020/09/24/he-stopped-listening-and-became-cruel-lukashenko-remembered-by-former-campaign-manager>, 28 September 2020 (accessed 8 February 2021).

⁶ Moore, M., Secretary of State Mike Pompeo Vows to Deliver ‘Freedom’ in Belarus, NY Post, <https://ny-post.com/2020/08/12/secretary-of-state-mike-pompeo-vows-to-deliver-freedom-in-belarus/>, 12 August 2020 (accessed 8 February 2021).

⁷ Loshkina, T., People are Seeking Change in Belarus: Instead, They’re Mercilessly Beaten and Detained, Euronews, <https://www.euronews.com/2020/08/13/people-are-seeking-change-in-belarus-instead-they-re-being-mercilessly-beaten-and-detained>, 13 August 2020 (accessed 8 February 2021); DPA/AP, Belarus Authorities Crack Down on Lukashenko Protestors, DW, <https://www.dw.com/en/belarus-authorities-crack-down-on-lukashenko-protestors/a-56070389>, 27 December 2020 (accessed 8 February 2021).

intervene to support her ally against the foreign supported regime change. Josep Borrell from the EU stated, “If Russia respects the independence and sovereignty of a nation, it must respect the wishes and democratic choices of the Belarusian people.”¹ But this ignored the fact that the EU and US were intervening, and have done in many countries, such as the French proposal to run Lebanon (a former colony) as a ‘protectorate’ after a large explosion in Beirut in 2020.

Conclusion

The research question posed in the introduction is, how is the process of regime change through subversion in Belarus is managed discursively in the global public information space? There are a number of interconnected and mutually reinforcing mass mediated narratives in existence that are intended to shape and influence the meaning and perception of events in Belarus since the August 2020 elections through (geo)politically motivated interpretive ‘journalism’ in Western mainstream media outlets. The pragmatic properties and interactional dimensions of the discourse are intended to produce cognitive effects through the information realm. The news content from the sources collected and analysed shows that they perform the role of media in the information age as envisaged by Johnson [Johnson 2018] by the highly interpretive framework that are used to generate different cognitive effects on different target groups. The power relations and the intended ‘moral’ conclusions of the stakeholders are evident using CDA on the news content investigated.

One of the target groups is the international public to generate empathy and support for the projected depiction of the value, norm, ethical and moral dimensions embedded in the narratives interpreting the attempted regime change. This is where linguistic and non-linguistic dimensions of semiosis (something that functions as a sign to an organism) come together in order to signal a politically subjective and binary interpretation of the physical realm occurrences in order to provide a cognitive cue to the target

audiences as to what is ‘right’ and ‘wrong’. This is about priming and mobilising audiences to engineer consent and political capital for the attacker as well as subtracting the same from the defender. There is also the intention to overwhelm the rational logic of the defending decision-makers and practitioners for the purpose of giving up their hard power advantage to ‘level’ the field to enable a better chance for the proxy forces to collapse the cognitive and then physical power of the defending government and authorities.

There is also an evident effect of the New Cold War narrative and the transforming global order, where the US seeks to maintain its relative military and economic advantage by an attempt at weakening the position of rivals (such as Iran and Russia in Syria and China in Hong Kong). In the case of the actors that are seen publicly to be more active in driving the regime change agenda in Belarus currently are Lithuania and Poland. Both relatively small and insignificant global actors, pursuing a foreign policy agenda that is like Harbaugh’s [Harbaugh 2013] notion of vanity wars (albeit applied to foreign policy). Both have invested in Copeland’s understanding and definition of guerrilla diplomacy (and guerrilla public diplomacy) against Belarus in the post-Cold War era as a means to undermine the security interests of Russia and her allies as a means of ‘revenge’ against what they understand as historical wrongs perpetuated against them by the Soviet Union and by extension the successor state, the Russian Federation. Therefore, policy and actions are being driven by emotional logic rather than reasoned logic, the same logic and reasoning that caused Georgian President Saakashvili to take the fateful 2008 gamble based on a combination of ‘righting’ historical wrongs and being under the physical protection of the US-led West. The US and core EU countries are less likely to fully back the current Lithuania-Poland gamble based on Russia’s foreign and security policy reactions to Georgia in 2008 and Ukraine in 2014.

REFERENCES

Beilenson, L. W. Power through subversion. Washington DC: Public Affairs Press. 1972.

¹ Euronews with AFP, Belarus Crisis: EU Calls on Moscow to Refrain From Intervening, Euronews, <https://www.euronews.com/2020/08/28/belarus-dozens->

[arrested-at-protests-as-lukashenko-changes-tactics-to-quell-unrest](#), 28 August 2020 (accessed 8 February 2021).

- Biden, J. R.* Why America must lead again: Rescuing US foreign policy after Trump, *Foreign Affairs*, 2020. 99, pp. 64-76.
- Blommaert, J., Bulcaen, C.* Critical discourse analysis. *Annual Review of Anthropology*. 2000. 29. pp. 447-466.
- Boréus, K., Bergström, G.* Analysing text and discourse: Eight approaches for the social sciences. Thousand Oaks (CA): Sage Publishing. 2017.
- Brzezinski, Z.* The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. New York: Basic Books. 1997.
- Caliskan, M., Liégeois, M.* The concept of hybrid warfare undermines NATO's strategic thinking: Insights from interviews with NATO officials. *Small Wars & Insurgencies*. 2020. DOI: 10.1080/09592318.2020.1860374.
- Caliskan, M.* Hybrid warfare through the lens of strategic theory. *Defense & Security Analysis*. 2019. 35(1). pp. 40-58.
- Codevilla, A. M.* Political warfare in Lord, C., Barnett, F. R. (Eds.). *Political warfare and psychological operations: Rethinking the US approach*. Washington DC: National Defence University Press Publications. 1989.
- Connelly, L. M.* What is Phenomenology? *MedSurg Nursing*. 2010. 19(2). pp. 127.
- Conroy, S. A.* A pathway for interpretive phenomenology. *International Journal of Qualitative Methods*. 2003. 2(3). pp. 36-62.
- Cooley, A., Nexon, D.* Exit from hegemony: The unravelling of the American global order. Oxford: Oxford University Press. 2020.
- Copeland, D.* Innovation, adaptation and foreign policy in the age of globalisation: Is Global Affairs Canada fit for purpose? *Canadian Foreign Policy Journal*. 2018. 24(3). pp. 372-377.
- Copeland, D.* Guerrilla diplomacy: Rethinking international relations. Boulder (CO): Lynne Rienner Publishing. 2009.
- Copeland, D., Potter, E. V.* Public diplomacy in conflict zones: Military information operations meet political counter-insurgency. *The Hague Journal of Diplomacy*. 2008. 3. pp. 277-297.
- Copeland, D.* Guerrilla diplomacy: Delivering international policy in a digital world. *Canadian Foreign Policy Journal*. 2004. 11(2). pp. 165-175.
- European Commission.* Joint framework on countering hybrid threats: A European Union response. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Brussels: High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 2016.
- Fairclough, N.* Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse & Society*. 1993. 4(2). pp. 133-168.
- Fridman, O.* Hybrid warfare or gibridnaya voyna? Similar, but different. *The RUSI Journal*. 2017. 162(1). pp. 282-301.
- Hall, I.* The transformation of diplomacy: Mysteries, insurgencies and public relations. *International Affairs*. 2010. 86(1). pp. 247-256.
- Harbaugh, D. W.* The vanity wars. Morrisville (NC): Lulu Publishing. 2013.
- Hoffman, F.* Hybrid warfare and challenges. *JFQ*. 2009. 52(1st Quarter). pp. 34-48.
- Hyett, N., Kenny, A., Dickson-Swift, V.* Methodology or method? A critical review of qualitative case study reports. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*. 2014. 9(1), DOI: 10.3402/qhw.v9.23606.
- Johnson, R.* Hybrid war and its countermeasures: A critique of the literature. *Small Wars & Insurgencies*. 2018. 29(1). pp. 141-163.
- Karaganov, S., Suslov, D.* A new world order: A view from Russia. *Russia in Global Affairs*. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/a-new-world-order-a-view-from-russia/>. 4 October 2018.
- Kress, G.* Critical discourse analysis. *Annual Review of Applied Linguistics*. 1990. 11. pp. 84-99.
- Kroenig, M.* Facing reality: Getting NATO ready for a New Cold War. *Survival*. 2015. 57(1). pp. 49-70.
- Legvold, R.* Managing the New Cold War: What Moscow and Washington can learn from the last one. *Foreign Affairs*. 2014. 93(4). pp. 74-84.

- Merleau-Ponty, M., Bannan, J. F.* What is phenomenology? *CrossCurrents*. 1956. 6(1) (Winter). pp. 59-70.
- Nye Jr., J. S.* What New World Order? *Foreign Affairs*. 1992. 71(2). Spring. pp. 83-96.
- Pospieszna, P.* Democracy assistance from the third wave: Polish engagement in Belarus and Ukraine. Pittsburgh (PA): University of Pittsburgh Press.
- Sakwa, R.* New Cold War or twenty years' crisis? Russia and international politics. *International Affairs*. 2008. 84(2). pp. 241-267.
- Shirreff, R., Olex-Szczytowski, M.* Arming for deterrence: How Poland and NATO should counter a resurgent Russia. Washington DC: Atlantic Council. 2015.
- Silverman, D.* Interpreting qualitative data. London: Sage. 2020.
- Simons, G.* Russian foreign policy and public diplomacy: Meeting 21st century challenges. *Vestnik RUDN: International Relations*. 2020. 20(3). pp. 491-503.
- Simons, G.* Digital communication disrupting hegemonic power in global geopolitics. *Russia in Global Affairs*. June 2019. 17(2). pp. 108-130.
- Simons, G., Glaser, M. A.* New Cold War and the crisis of the liberal global order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019. 12(3). pp. 61-77.
- Simons, G., Chifu, I.* The changing face of warfare in the 21st century. London, Routledge. 2017.
- Szeman, I., Kaposy, T.* (Eds.) *Cultural theory: An anthology*. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell. 2011.
- Van Dijk, T. A.* Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 2006. 17(3). pp. 359-383.
- Van Dijk, T. A.* Discourse semantics and ideology. *Discourse & Society*. 1995. 6(2). pp. 243-289.
- Van Dijk, T. A.* Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*. 1993. 4(2). pp. 249-283.
- Vincent, J.* American culture and the (permanent, global) Cold War (on terror). *American Literary History*. 2020. 32(2). pp. 354-364.
- Waller, J. M.* Fighting the war of ideas like a real war: Messages to defeat the terrorists. Washington DC: The Institute of World Politics Press. 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Greg Simons, Doctor of Philosophy, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University (Sweden), Visiting Professor of Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Симонс Г., доктор философии политических наук, профессор института российских и евразийских исследований Университета Уппсала, Швеция, приглашенный профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

ПРОБА ПЕРА

FIRST STEPS

Научная статья / Research article

**Ядерная энергетика Украины:
история, современное состояние и перспективы**

А. В. Ильичев

*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
e-mail: 1032192428@pfur.ru*

Аннотация. После распада Советского Союза Украина попала в зависимость от топливно-энергетических ресурсов, являясь при этом одним из ключевых транзитных государств, контролирующих поток ТЭР из России в Европу. Власть постсоветской Украины, в независимости от проводимого политического курса, старалась расширить рынок энергоресурсов за счёт снабжения из третьих стран, а также наращивая собственную добычу полезных ископаемых. Украина старается дистанцироваться от использования российских энергоресурсов, заключая соглашения с иностранными компаниями и приглашая западные энергетические компании на свой рынок. При этом же Украина продолжает закупаться у России ядерным топливом, комплектующими для постройки и модернизации своих атомных электростанций, а также отправляет отработанное ядерное топливо на переработку в Россию. У постсоветской Украины осталось два направления в сфере атомной энергетики: научно-исследовательские институты, посвященные данной тематике, а также производство атомной энергии, поскольку на территории страны осталось богатое наследие в виде четырех атомных электростанций, дающих едва ли не половину всей энергии, вырабатываемой на Украине.

Ключевые слова: Украина, украинская ядерная энергетика, радиационные технологии, атомная электростанция, перспективы ядерной энергетики.

Для цитирования: Ильичев А. В. Ядерная энергетика Украины: история, современное состояние и перспективы. Постсоветские исследования. 2021;4(3):260–266.

Nuclear Energy of Ukraine: History, Current State and Prospects

Andrei V. Ilyichev

*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
e-mail: 1032192428@pfur.ru*

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, Ukraine became dependent on fuel and energy resources, being at the same time one of the key transit states that control the flow of fuel and energy resources from Russia to Europe. The power of post-Soviet Ukraine, regardless of the political course being pursued, tried to expand the energy market by supplying it from third countries, as well as increasing its own mining. Ukraine is trying to distance itself from the use of Russian energy resources by concluding agreements with foreign companies and inviting Western energy companies to its market. At the same time, Ukraine continues to purchase nuclear fuel from Russia, components for the construction and modernization of its nuclear power plants, and also sends spent nuclear fuel for reprocessing to Russia. Post-Soviet Ukraine has two areas left in the field of nuclear energy: research institutes dedicated to this topic, as well as the production of nuclear energy, since the country has a rich heritage in the form of four nuclear power plants, which give almost half of all energy generated in Ukraine.

Keywords: Ukraine, Ukrainian nuclear energy, radiation technologies, nuclear power plant, prospects for nuclear energy.

For citation: Ilyichev A. V. Nuclear Energy of Ukraine: History, Current State and Prospects. Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2021;4(3):260–266. (In Russ.)

Зарождение украинской атомной энергетики началось еще в Советском Союзе. В 1954 г. в Обнинске была введена в эксплуатацию первая АЭС, а на территории Украинской ССР уже в 1977 г. была построена Чернобыльская АЭС.

Всего на Украине за годы существования СССР были построены пять атомных электростанций, включающие в себя 16 реакторов. Основными из них были РБМК-1000, ВВЭР-440 и ВВЭР-1000.

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС, в ходе которой был разрушен реактор 4 энергоблока станции, последовавшие за этим серьезные экологические и финансовые потери стали причиной заморозки развития атомной энергетики на территории Украины.

Несмотря на то, что на ЧАЭС три других реактора все же продолжили работу и сама станция была выведена из эксплуатации в 2000 г., были остановлены работы по строительству еще нескольких реакторов и АЭС. Среди них Харьковская АТЭЦ, Одесская АТЭЦ, Новоазовская АЭС, Чигиринская АЭС и Крымская АЭС. Последняя стала самой дорогой незапущенной атомной электростанцией в мире. Так как была готова уже на 90%, когда вопрос её запуска был решен отрицательно.

В 1986–1990 гг. Верховная Рада (Парламент) Украинской ССР ввела мораторий на строительство каких-либо атомных станций в республике. В планах было полностью

отказаться от использования АЭС в пользу более безопасных, как тогда считалось, ТЭЦ и ГЭС. В 1993 запрет отменили. Интересно, что мораторий не касался реакторов, которые уже находились на стадии постройки, так как СССР не мог потерять столько вложенных денег в строительство.

Атомная энергетика представляет собой важнейшую часть топливно-энергетического комплекса Украины. На территории страны действует 4 атомных электростанции (исначально 5, но реакторы Чернобыльской АЭС были закрыты к 2000 г.): Запорожская, Хмельницкая, Ровенская и Южно-Украинская АЭС.

Несмотря на наличие ряда АЭС на территории Украины, комплектующие для них производятся и поставляются Россией: Ижорский завод в Колпино, а также завод в Волгодонске производят реакторные корпуса. Ангарский электролизный химический комбинат занимается обогащением урана. На Чепецком механическом заводе в Удмуртии производят металлический цирконий. Кроме того, на Машиностроительном заводе в Электростали и на Новосибирском заводе химконцентратов производится ядерное топливо¹.

Важно отметить, что земли Украины богаты ураном и цирконием, что стало одной из главных причин развития атомной энергетики, несмотря на аварию на Чернобыльской АЭС в 1986 г.

Таблица 1. Действующие АЭС Украины²

Название АЭС	Энергоблок, №	Тип реактора	Дата пуска/остановки	Мощность, Мвт
Запорожская (г. Энергодар)	1	ВВЭР-1000/320	10.12.1984 / 10.12.2014	1000
	2	ВВЭР-1000/320	22.07.1975 / 22.07.2015	1000
	3	ВВЭР-1000/320	22.12.1986 / 22.12.2016	1000
	4	ВВЭР-1000/320	18.12.1987 / 18.12.2017	1000
	5	ВВЭР-1000/320	14.08.1989 / 14.08.2019	1000

¹ Маскалевич И. Гибридные «атомные» войны // Дзеркало тижня, 29.11.2014. – № 45. – С. 8

² Power Reactor Information System [Электронный ресурс]. - <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=UA>

	6	ВВЭР-1000/320	19.10.1995 / 19.10.2025	1000
Ровненская (г. Кузнецовск)	1	ВВЭР- 440/213	22.12.1980 / 22.12.2010	420
	2	ВВЭР- 440/213	22.12.1981 / 22.12.2011	415
	3	ВВЭР-1000/320	21.12.1986 / 21.12.2016	1000
	4	ВВЭР-1000/320	04.10.2004 / 04.10.2034	1000
Хмельницкая (г. Нетешин)	1	ВВЭР-1000/320	22.12.1987 / 22.12.2017	1000
	2	ВВЭР-1000/320	08.08.2004 / 08.08.2034	1000
	3	ВВЭР-1000/320	-	-
	4	ВВЭР-1000/320	-	-
Южно-Украин- ская (г. Южноукра- инск)	1	ВВЭР-1000/302	31.12.1982 / 31.12.2012	1000
	2	ВВЭР-1000/338	06.01.1985 / 06.01 2015	1000
	3	ВВЭР-1000/320	20.00.1989 / 20.09.2019	1000

Можно заметить, что Украина учла чернобыльский опыт и полностью отказалась от использования реакторов типа РБМК, стоявшие на Чернобыльской АЭС, и стала использовать реакторы типа ВВЭР по ряду причин: во-первых, ВВЭР расшифровывается как Водо-Водяной Энергетический Реактор, следовательно данная модель выигрывает по легкодоступности замедлителя и теплоносителя (воды), во-вторых, реакторы данного типа обладают куда большей безопасностью, нежели реакторы РБМК, из-за двухконтурности. Четыре барьера безопасности: Топливная таблетка, оболочка ТВЭЛ, границы первого контура, герметичное ограждение реакторного отделения. В-третьих, технологии ВВЭР отработанные, сами реакторы хорошо изучены, а современные технологии позволяют гарантировать безопасную работу реактора в течение минимум 60–80 лет, с последующим продлением срока эксплуатации.

В контексте анализа украинской атомной энергетике необходимо отметить «Энергетическую стратегию Украины до 2030 г.», утвержденную в 2006 г.³ В которой говорится что Украина планирует развивать свою ядерную энергетiku путем введения 2 дополнительных энергоблоков на Хмельницкую

АЭС, а также 9 энергоблоков, призванных заменить уже действующие, кроме того, планируется постройка 11 новых энергоблоков для АЭС. Таким образом, «Энергетическая стратегия» имеет ярко выраженную «атомную» направленность.

Помимо строительства и введения новых энергоблоков, в документе упоминается стремление Украины увеличить потребление топливно-энергетических ресурсов в 1,51 раза (См. Рис. 1), а также, эксперты спрогнозировали рост производства и потребления электроэнергии в 2,22 раза. В случае электроэнергии, производимой АЭС, то ожидается ее прирост в 2,47 раза (до 219 млрд кВт·ч/год, а ранее было 88,8 кВт·ч/год). Такие показатели производства электроэнергии планируется получить за счет работы 24 блоков АЭС (14 новых, 8 - продолженная эксплуатация, 2 существующих) (См. Рис. 2).

Несмотря на планы Украины развивать свою атомную энергетiku нужно учитывать 3 важных фактора:

1. Необходимо продлить срок эксплуатации энергоблоков АЭС, которые до 2026 г. отработают свой ресурс, для избежания рисков;

³ Энергетическая стратегия Украины на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. - http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/FIN38530.html

2. Добыча урановых руд и производство уранового концентрата осуществляется на Украине. Обогащение же урана - только за рубежом, прежде всего в России;

3. На украинском рынке ядерного топлива лидирующие позиции занимают российские компании, тем не менее, Украина также использует ТВЭЛы американской компании Westinghouse на своих АЭС.

До 2011 г. поставки ядерного топлива осуществлялись российской компанией ТВЭЛ, при этом в 2008 г. Украина, дабы снизить свою зависимость от России в вопросах ядерной энергетике, заключила контракт с компанией Westinghouse Electric Company, располагающейся в США, по которому на Украину поставлялось порядка 630 Теплоделяющих сборок (ТВС) в период с 2011 по 2015 гг. для поэтапной замены российского топлива как минимум на трёх энергоблоках Южно-Украинской АЭС⁴. Однако российская компания ТВЭЛ по сей день остается главным поставщиком ядерного топлива для украинских АЭС, а топливо компании Westinghouse, на сегодняшний день, поставляется только для энергоблока №3 Южно-Украинской АЭС⁵.

Важным достижением украинской атомной энергетике можно считать строительство завода по производству ядерного топлива в Украине в 2019 г. Поскольку последняя получила разрешение от компании Westinghouse Electric Company на использование ее технологий в производстве ядерного топлива⁶, тем не менее Украина продлила договор с Россией о поставках топлива в 2020 г. на 5 лет.

Что же касается отработанного топлива, то у Украины есть 2 варианта: хранение ОЯТ в специальных хранилищах (т.н. «могильниках»), в сухом хранилище Запорожской АЭС и в отдельном сухом хранилище ОЯТ чернобыльских реакторов или отправлять топливо на переработку в Россию. Приоритетными

вопросами обращения с ядерными отходами будут:

1. Модернизация технологий для переработки уже накопленных ядерных отходов, а также тех, что появятся в будущем;

2. Усовершенствования контейнерного парка для сбора, транспортировки и хранения радиоактивных отходов.

Поэтому в перспективе Украине необходимо:

- Модернизировать ХОЯТ сухого типа на Запорожской АЭС для его безопасного использования;

- Создать централизованное хранилище сухого типа для отработанного топлива, которое можно будет эксплуатировать в дальнейшем и на будущих энергоблоках;

- Разработать стратегию и технологии безопасного обращения с ядерным топливом, выработавшим свой ресурс, после истечения срока хранения.

В связи с чем, в 2015 г. было разработано, а в 2017 г. в ЧЗО (Чернобыльская Зона отчуждения) началось строительство Централизованного хранилища отработанного ядерного топлива (ЦХОЯТ). Данное сооружение, емкостью 458 контейнеров, призвано в течение 100 лет хранить отработанное топливо Ровенской, Хмельницкой и Южно-Украинской АЭС⁷.

По вопросам ядерной энергетике Украина готова сотрудничать с мировым сообществом: в марте 2002 г. Кабинет министров Украины и Европейское сообщество по атомной энергии подписали соглашение о сотрудничестве в области управляемого термоядерного синтеза, согласно которому к основным сферам сотрудничества относятся⁸:

- Экспериментальные и теоретические исследования удержания плазмы, процессов переноса, разогрева и управления плазмой (включая развитие соответствующих высокочастотных систем) и диагностики в тороидальных магнитных устройствах;

⁴ Поставки ядерного топлива Westinghouse на Украину [Электронный ресурс]. - <http://atominfo.ru/news4/d0684.htm>

⁵ ТВЭЛ не ожидает сокращения поставок топлива из РФ на АЭС Украины [Электронный ресурс]. - <https://rian.com.ua/russia/20150601/368341215.html>

⁶ Помогут ли Украине американские атомные «таблетки» [Электронный ресурс]. - <https://vz.ru/economy/2019/1/19/959995.html>

⁷ ЦХОЯТ в Чернобыле [Электронный ресурс]. - <https://www.atomic-energy.ru/news/2018/08/22/88284>

⁸ Соглашение о сотрудничестве между Кабинетом Министров Украины и Европейским сообществом по атомной энергии в области управляемого термоядерного синтеза от 07.03.2002 г. [Электронный ресурс]. - http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_152

- Исследования по теории плазмы, в частности, физики быстрых ионов и альфа-частиц в тороидальных магнитных устройствах, и изучение турбулентной плазмы и нелинейных волновых взаимодействий в плазме;

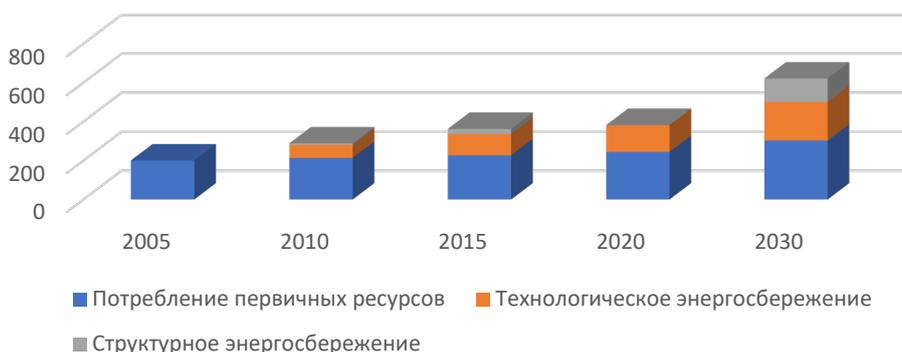
- Технология термоядерного синтеза;
- Прикладная физика плазмы;
- Политика по соответствующим программам и планам.

Однако Украина официально не входит в объединение стран, задействованных в строительстве ITER (International Thermonuclear Experimental Reactor), направленный на решение проблемы с управляемым термоядерным синтезом, ее участие ограничивается решением отдельных вспомогательных задач в рамках сотрудничества с лабораториями Европы и России.

Таким образом, с течением времени можно пронаблюдать как взлеты, так и падения в становление и дальнейшем развитии атомной энергетике Украины. Многообещающий ввод в эксплуатацию ЧАЭС, взрыв на

одном из ее реакторов, последовавший за этим мораторий на дальнейшее развитие этого сектора энергетики в стране, который застопорил множество интересных проектов и нынешнее положение дел (4 действующие АЭС на территории Украины) и разработанная Стратегия для последующего улучшения атомной сферы. Также можно сделать вывод, что энергетическая стратегия, разработанная и принятая Украиной хоть и направлена на самостоятельную деятельность страны в области атомной энергетики, тем не менее не может избавить Украину от зависимости в вопросах отработанного ядерного топлива, комплектующих АЭС и т.д. от России. Кроме того, данная стратегия рассчитана на серьезные финансовые затраты, что в нынешнем состоянии Украины – нерентабельно, поскольку такие кризисные кейсы, как: война на Юго-Востоке, отход от сотрудничества с Россией, попытка евроинтеграции и др., препятствует полной реализации Энергетической Стратегии.

Рис. 1. Энергетическая стратегия Украины на период до 2030 года: Прогноз динамики потребления первичных ресурсов, уровней структурного и технологического энергосбережения до 2030 года, млн. т у.т. (базовый сценарий). Показатели за 2005 г. во всех раздела

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барабанов О.Н.* Перспективы военной ядерной программы Украины: проблема отработанного ядерного топлива украинских АЭС // *Пространство и Время*. 2014. № 3. С.241-249.
- Барашев С. В., Пристер Б. С.* Пути и способы усовершенствования системы радиационного контроля АЭС // *Проблемы безопасности атомных электростанций и Чернобыля*. 2010. № 14. С. 17–23.
- Внешняя политика стран СНГ: Учеб. Пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курьлев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 496 с.
- Куракин А.С., Селиванов А.А., Свеколкин Н.И., Ворон М.В., Санашикина М.Л.* О состоянии атомной энергетики Украины и ее влиянии на безопасность в Европе // *Век глобализации*. 2017. №1. С.120-131.
- Куракин А. С., Свеколкин Н. И., Санин М. Д., Санашикина М. Л.* Влияние украинского кризиса на ядерную и радиационную безопасность европейского континента // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2014. № 3. С. 8–12.
- Легасов В. А.* Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях, подготовленная для МАГАТЭ // *Атомная энергия*. 1986. Т.61. № 5. С. 301–320.
- Матюшенко И.Ю.* Перспективы развития термоядерной энергетики в развитых странах мира и Украине // *Проблемы економіки*. 2014. № 4. С.40-46.
- Матюшенко И.Ю.* Перспективы развития атомной энергетики и радиационных технологий в Украине // *Бізнес Інформ*. №12. С.254-266.
- Сосунов И.В., Морозова О.А.* Некоторые аспекты оценки безопасности атомных станций Украины // *Технологии гражданской безопасности*. 2016. Т. 13. № 3. С.10-14.
- Ширнин И.Г., Палкин В.А.* Атомная электроэнергетика в мире и Украине // *Электротехніка та електроенергетика*. 2006. № 2. С.64-68.

REFERENCES

- Barabanov O.N.* Perspektivy voennoy yadernoy programy Ukrainy: problema otrabotannogo yadernogo topliva ukrainskih AES // *Prostranstvo i Vremya*. 2014. № 3. S.241-249.
- Barashev S.V., Prister B.S.* Puti i sposoby usovershenstvovaniya sistemy radiacionnogo kontrolya AES // *Problemy bezopasnosti atomnyh elektrostancij i Chernobylya*. 2010. № 14. С. 17–23.
- Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. Posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. – 496 s.

Ильичев А. В. Ядерная энергетика Украины: история, современное состояние и перспективы

Kurakin A.S., Selivanov A.A., Svekolkina N.I., Voron M.V., Sanashkina M.L. O sostoyanii atomnoj energetiki Ukrainy i ee vliyanii na bezopasnost' v Evrope // Vek globalizacii. 2017. №1. S.120-131.

Kurakin A.S., Svekolkina N.I., Sanin M.D., Sanashkina M.L. Vliyanie ukrainskogo krizisa na yadernuyu i radiacionnuyu bezopasnost' evropejskogo kontinenta // Nacional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. 2014. № 3. С. 8–12.

Legasov V.A. Informaciya ob avarii na Chernobyl'skoj AES i eyo posledstviyah, podgotovlennaya dlya MAGATE // Atomnaya energiya. 1986. Т.61. № 5. S. 301–320.

Matyushenko I.Yu. Perspektivy razvitiya termoyadernoj energetiki v razvityh stranah mira i Ukraine // Problemi ekonomiki. 2014. № 4. S.40-46.

Matyushenko I.Yu. Perspektivy razvitiya atomnoj energetiki i radiacionnyh tekhnologij v Ukraine // Biznes Inform. №12. S.254-266.

Sosunov I.V., Morozova O.A. Nekotorye aspekty ocenki bezopasnosti atomnyh stancij Ukrainy // Tekhnologii grazhdanskoj bezopasnosti. 2016. Т. 13. № 3. S.10-14.

Shirnin I.G., Palkin V.A. Atomnaya elektroenergetika v mire i Ukraine // Elektrotekhnika ta elektroenergetika. 2006. № 2. S.64-68.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ильичев Андрей Владимирович, магистр
в области международных отношений
РУДН.

Andrey V. Pyichev, Master of International
Relations of the RUDN University.